

**Ректоры
Уральского
государственного
университета**

РЕКТОРЫ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Екатеринбург
Издательство УрГУ
2010

ББК Ч448.7(2)
Р366

Редакционная коллегия:

Д. В. Бугров,

Е. С. Зашихин (ответственный редактор),

А. В. Подчиненов, В. Е. Третьяков

*Книга построена на основе материалов,
собранных В. А. Мазур, зав. музеем университета*

Р366 Ректоры Уральского государственного университета. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 208 с., [8] л. ил.

ISBN 978-5-7996-0553-7

В книге рассказывается о жизни и деятельности руководителей Уральского государственного университета, их роли в становлении и развитии высшего образования на Урале. В ее основу легли материалы уральских и столичных архивов (в том числе не так давно рассекреченные), воспоминания очевидцев и участников событий, публикации в периодической печати.

ББК Ч448.7(2)

НА ПОРОГЕ НОВЫХ СВЕРШЕНИЙ

**О славной истории
и динамике перемен**

Виктор Анатолевич Кокшаров

ректор Уральского
федерального университета

«**А** древо жизни вечно зеленеет...» — эти воодушевляющие слова Гете мне в последнее время приходится часто вспоминать в связи с масштабными переменами, которые происходят сегодня в организации российской высшей школы.

Цель этих преобразований серьезна и понятна. Планируя, каким будет потенциал знаний, уровень компетенции и карьерной конкурентоспособности новых поколений, общество одновременно определяет и направления своего собственного прогресса, концепцию собственного будущего.

В Российской Федерации сегодня почти 1300 высших учебных заведений, с примерно равным количеством государственных и негосударственных. Последние годы часть из них фактически девальвирует уровень отечественного образования. Ведь качество, сопоставимое с мировыми образовательными стандартами, обеспечивают не более четверти российских вузов.

Одновременно поднять все эти вузы на должный уровень, соответствующий достижениям глобального научного прогресса и, соответственно, вызовам нового тысячелетия, у государства возможности нет: никакого бюджета страны на это не хватит, даже при самом благоприятном для нашей экономики росте мировых цен на углеводороды...

Поэтому на федеральном уровне было принято решение выделить группу ведущих инновационных вузов России, федеральных университе-

тов. Пока что их семь — в перспективе это число, скорее всего, возрастет до десяти. Именно этим элитным в определенной степени университетам предстоит не только сконцентрировать долгосрочные инвестиции в науку, не только создать на основании передовых исследований новаторские учебные планы и стандарты, но и сделаться «локомотивами» продвижения инновационных идей в культурную, социальную и экономическую повседневность своих регионов.

На уровне федеральных университетов будет реализована модель производства инноваций. Каждый такой университет станет ядром комплекса малых инновационных предприятий — внедренческих организаций, венчурных фондов, бизнес-инкубаторов, технопарков. С помощью этих предприятий инвестиции, которые правительство готово вложить в науку, найдут свое воплощение в конкретных производственных решениях.

Вместе с федеральными университетами дополнительную поддержку получают национальные исследовательские университеты — их число, по-видимому, ограничится тридцатью-сорока вузами. Таким образом, группа из сорока-пятидесяти федеральных и национальных исследовательских университетов должна сосредоточить основные интеллектуальные и финансовые ресурсы, вкладываемые правительством в науку и образование — и, опираясь на них, доказать, что мы можем выйти на уровень мировых стандартов. Это открывает перед нами большие возможности, но одновременно и налагает на нас большую ответственность.

Конечно, концепция создания федеральных университетов не сводится исключительно к увеличению объема инвестиций. Объединяясь в рамках больших федеральных университетов, сегодняшние вузы должны взаимно усиливать друг друга, добиваясь синергетического эффекта.

Во вновь создаваемом Уральском федеральном университете нам предстоит достичь не только высокого качества подготовки специалистов, но и высокого уровня научных исследований. Именно в этом сегменте намечается тесное взаимодействие между вузовской и академической наукой. Академическая наука в большей степени будет вовлечена в фундаментальные исследования. Очень важно, чтобы эти исследования продолжали развиваться. Федеральные университеты смогут придать фундаментальным исследованиям новый импульс, позволят выстроить связь между фундаментальными разработками и их практической реализацией. Это — ключевое условие социально-экономической модернизации России.

Кроме того, федеральные университеты призваны стать центрами социального, культурного, интеллектуального развития. Об этой стороне модернизации говорят чуть реже, но она не менее важна — нам необходимы

стратегические проекты социального развития. В качестве инициаторов таких проектов могут и должны выступать федеральные университеты, национальные центры консолидации интеллекта.

Необходимо более активно выстраивать транснациональные связи, объединять свои усилия с передовыми университетами мира — как Запада, так и Востока. К сожалению, пока что Россия слабо представлена в мировом образовательном пространстве. Организация совместных исследовательских программ, расширение академической мобильности — все это позволит поднять престиж отечественной высшей школы на глобальном рынке образовательных услуг.

Разумеется, достижение этих светлых перспектив в огромной степени будет зависеть от того, насколько эффективно мы сумеем использовать интеллектуальный потенциал, педагогические и методические наработки, накопленные нынешним научно-преподавательским составом высшей школы Уральского региона. Речь идет, прежде всего, о ведущих университетах Урала — УГТУ-УПИ и УрГУ.

О славной истории Уральского государственного университета, отмечающего в этом году свое 90-летие, и рассказывается в предлагаемой вашему вниманию книге. В основе повествования — биографии руководителей университета, составленные по материалам уральских и столичных архивов, воспоминаниям очевидцев и участников событий, публикаций в периодической печати.

Почему именно о руководителях вуза? Потому, что выбор стратегии конкретного учебного года и планы посеместровой тактики развития университета (пусть и в рамках предложенных вышестоящей властью директив), каждодневная наполненность жизни вуза работой по овладению студентами знанием — факторы, которые в огромной степени зависели и зависят от образовательного уровня и научных интересов первых лиц. Напрямую связаны с возрастом и темпераментом, жизненным опытом и даже состоянием здоровья...

Почему пришлось искать информацию в архивах? Да потому что скрывается знаменитая российская *непредсказуемость* прошлого: потомкам остались не столько биографии, сколько мифология. Чего, скажем, стоили некоторым персонажам этой книги «роковые» для общественно-политической ситуации 20-х — 30-х годов прошлого столетия анкетные вопросы о классовом происхождении или партийной принадлежности?

Не случайно же, что периодом сталинских репрессий обозначены последние прижизненные даты ряда руководителей УрГУ, а в первых мо-

нографиях об истории университета не найти, к примеру, даже вскользь упоминаемого имени Бориса Дидковского, второго по счету ректора, активного участника Гражданской войны и замечательного геолога...

Если само название университета, равно как и города, где он располагался, менялось — что уж тут говорить о ректорах, которые с 1931-го по 1941-й именовались *директорами*. Да зачастую и были таковыми по своей административно-хозяйственной сути.

Впрочем, мне, даже несмотря на мое историческое образование — замечу не без гордости: сам я окончил именно УрГУ, — главы этой книги представляются не только страницами далекого прошлого. Ведь сегодняшняя работа по созданию в Екатеринбурге федерального университета во многом походит на первые шаги высшего образования на Урале: как и в те годы, в обществе соседствуют романтическая тяга к моментальным преобразованиям и скептическое отношение к новому. Но — а это главное — и тогда, и сейчас уральцы мечтали о качественном образовании, стремились к нему, боролись за него...

В брошюре 1930 года можно прочесть об Уральском университете такие слова: «Основан в 1917 году, как Горный институт; в 1920 году реорганизован в Уральский государственный университет; с 1925 года существует, как Уральский политехнический институт». Что это — опровержение общепризнанной даты открытия УрГУ в 1920 году?

Вовсе нет — автор брошюры всего лишь по-своему интерпретировал историю первых лет высшего образования на Урале. Занятия в первом екатеринбургском вузе — Уральском горном институте — начались 22 октября 1917 года, еще при Временном правительстве. В 1920 году декретом Ленина был открыт Уральский университет, в который влились и остатки разоренного Гражданской войной Горного института. А в память о самом Владимире Ильиче в январе 1924-го студенты университета будут ходатайствовать перед высшими советскими органами о присвоении вузу имени ушедшего из жизни вождя и, даже не дожидаясь ответа из Москвы, поспешат сообщить в университетском печатном органе — небольшом журнальчике «Студент-рабочий» (№ 4—5 за 1924 г.): «Уралуниверситет будет назван именем В. И. Ленина».

Только вот годом спустя вуз был переименован в Политехнический институт.

В опустошенной междоусобицей стране не хватало ни денег, ни кадров: в 1921 году был закрыт словесно-исторический факультет, в 1924 году переехал в Пермь факультет медицинский, и в составе университета остались всего два факультета (не считая рабфак) — горный и химико-

металлургический. Так что мотивировка тогдашнего ректора УрГУ Сергея Алексеевича Бессонова, ставшего еще и первым ректором вновь образованного УПИ, абсолютно ясна: в университете остались лишь технические факультеты.

Сам же университет был воссоздан под именем Свердловского университета в 1931 году. В прежних юбилейных изданиях УрГУ этот период проговаривался скороговоркой, пунктиром: «Университет прекратил свое существование и был возрожден в начале 1930-х годов».

Смотря с каких позиций судить! Ведь педагогические кадры Политеха рекрутировались из профессуры и преподавателей университета, где институт был одним из ведущих подразделений, вобравшим в себя значительную часть материальной и кадровой базы Горного института.

К тому же и сам Политехнический был спустя несколько лет раздроблен на отдельные отраслевые институты, а затем восстановлен уже как Уральский индустриальный институт — в июне 1934-го, а с в декабре того же года ему присвоят имя Сергея Мироновича Кирова.

Да, высшая школа Среднего Урала на раннем этапе своей истории представляла собой калейдоскоп имен и названий — но все они восходят к одному корню. Не зря же при рождении Уральского университета, кстати говоря только с конца июня 1936 года носящего имя А. М. Горького, его первый ректор Альберт Петрович Пинкевич мечтал о возможности создания единой Уральской академии, объединяющей многие вузовские специализации и научные школы, соединяющей высшее образование с фундаментальной наукой.

Смена имени не означает окончания истории — на деле все только начинается!..

Вновь вспомним мудрые слова Гете. Названия могут меняться, успехи — чередоваться со спадами, но живой процесс развития, роста и стремления к лучшему продолжается.

В книге, которую вы держите в руках, можно увидеть некоторые результаты этого процесса за минувшие 90 лет — и осознать всю ценность нашего общего наследия, нашей общей истории, в которую нам предстоит на пороге нового столетия уральской высшей школы вписать новую главу.

***ПЕРВЫЕ РЕКТОРЫ
УРАЛУНИВЕРСИТЕТА***

Альберт Петрович Пинкевич

**Ректор Уральского университета
со 2 сентября 1920 по 30 ноября 1921 года**

С фотографии 1920 года

«Будет тысяча студентов, пятьдесят профессоров, — такими слухами об открытии Уралуниверситета Екатеринбург жил летом 1920 года. — Откуда столько наберут? Наверное, всех неграмотных зачислят в студенты, а грамотных — в профессора»¹. Фраза о неграмотных студентах — камешек в огород рабфака, слухи же о полуграмотных профессорах — чистейший домысел. Преподавателей в университет приглашал человек, обладавший исчерпывающей информацией о тогдашней научной среде Петрограда. Речь идет о педагоге и литераторе Альберте Петровиче Пинкевиче, председателе организационного комитета Уральского университета (1920—1921).

Родившийся 24 декабря (по старому стилю) 1883 года в деревне Урунда Нагаевской волости Уфимской губернии, Альберт Пинкевич был одним из организаторов 1-го Всероссийского съезда преподавателей естествознания (1916) и профсоюза рабочих стекольной промышленности (1917—1918), членом Петроградской городской думы (1917) и ЦК РСДРП (объединенной) (1917—1918), депутатом 2-го Всероссийского съезда Советов (октябрь 1917). Вместе с А. Ахматовой, Н. Гумилевым, О. Мандельштамом, Н. Тэффи, С. Прокофьевым входил в литературно-художественное объединение «Медный всадник» (1914—1916). В 1920-е годы Альберт Петрович стал активнейшим помощником Алексея Максимовича Горького в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых.

В Екатеринбурге Пинкевич уже бывал: в 1906 и в 1907 годах — сидел здесь в тюрьме...

Один из лучших студентов естественного отделения Казанского университета, в 1903—1907 годах он с головой ушел в революцию. Да и чего хорошего от царского режима мог ожидать сын немки и ссыльного поляка, занимавшегося мелочной торговлей и жившего на годовой доход в 200 рублей в деревне под Уфой?

«Послужной список» профессионального революционера Пинкевича довольно обширен: это и хранение нелегальной библиотеки социал-демократического студенческого кружка, и пропагандистская работа среди мастеровых Казани, и участие в многочисленных политических демонстрациях. В 1905 году молодого человека, известного под кличкой Максим, видели в Уфе — там он руководил забастовкой железнодорожников, в Нижнем Тагиле — агитировал за бойкот Первой государственной думы. Потом вместе с К. Е. Ворошиловым вел агитацию за большевистских кандидатов в депутаты Второй государственной думы в Луганске. А дальше: десять месяцев заключения в тюрьмах Луганска и Екатеринбурга, блестящее окончание Казанского университета и отход от политики.

К 1917 году А. П. Пинкевич — автор двух сборников рассказов², один из которых удостоен премии им. Н. В. Гоголя, «Краткого учебника химии, минералогии и геологии для учительских институтов и семинарий», «Методики начального курса естествознания» для начинающих учителей, переиздававшейся девять раз и ряда других пособий. В них Пинкевич обобщил опыт своей преподавательской деятельности в Вольском кадетском корпусе, учительской семинарии и знаменитом Тенишевском коммерческом училище.

Одна за другой появляются публицистические и литературно-критические статьи Пинкевича. Он пишет о путях демократизации школы в России, подвергает критике бюрократические методы управления, дает оценку текущей художественной и научно-популярной литературе. Политическая оппозиционность их автора очевидна. Так, изображенный И. А. Бунным в рассказе «Господин из Сан-Франциско» океанский пароход представляется Пинкевичу символом капиталистического строя, где одни погружены в сосредоточенное и утонченное служение своему телу, а другие мерзнут на вахтенной вышке или обливаются потом у топок³. Статьи Альберта Петровича публикуют столичные журналы «Современный мир» и «Летопись». Последнее издание финансировалось А. М. Горьким, с которым Альберт Петрович состоял в переписке с 1911 года.

Альберт Петрович активно печатается в политическом рупоре меньшевиков-интернационалистов горьковской газете «Новая жизнь» после ее открытия и в 1917 году и даже становится ответственным секретарем редакции. Это вполне соответствовало его тогдашней политической позиции. Ведь на следующий день после Октябрьского восстания Пинкевич, выступая на заседании Петроградской городской думы, заявляет: «Большевики потакают всем страстям разнузданных масс, а у нас нет ничего, кроме нравственной силы. Мы протестуем против насилия, как с той, так и с другой стороны. Наша цель — найти мирный выход из положения»⁴.

Однако не все большевики ориентировались лишь на разрушение. Со многими из них, А. В. Луначарским, Н. К. Крупской и др., А. П. Пинкевич с весны 1917 года сотрудничал в социал-демократической группе петроградских учителей и комитете по народному образованию городской управы. В 1918 году именно они поддержали отвергнутый ранее Временным правительством разработанный Пинкевичем проект педагогического института. Это учебное заведение должно было не только готовить учителей, но и служить лабораторией, тщательно изучающей ребенка, закладывающей прочные научные основы педагогической теории и практики. Осенью 1918 года Альберт Петрович стал первым ректором такого вуза — Третьего Петроградского педагогического института им. А. И. Герцена. В программу нового института Пинкевич включил курс педагогики, вошедший затем в учебные планы всех педагогических вузов и университетов РСФСР, впервые создал и возглавил кафедру педагогики.

Опыт создания Петроградского педагогического института Пинкевич использовал при организации Уральского университета. Сначала предполагалось, что Петроградский пединститут им. А. И. Герцена переведут в Екатеринбург и Уральский университет будет образован на его базе. Видимо, поэтому Пинкевич и оказался во главе организационного комитета создающегося вуза.

В оргкомитет вошли ученые из окружения А. М. Горького, о которых Алексей Максимович писал: «Я имел высокую честь вращаться около них в труднейшие годы: 19—20-й... Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга перед вами, герои свободной, бесстрашной и исследующей мысли...»⁵ В основном это были сотрудники газеты «Новая жизнь» и члены Петроградской комиссии по улучшению быта ученых — коллеги Пинкевича: В. Н. Тонков, президент Петроградской медицинской академии; Н. А. Рожков, ректор Второго Петроградского педагогического института, знаток экономической истории России

XVI—XIX веков; А. Е. Ферсман, ректор Петроградского государственного географического института, блестящий минералог и геохимик.

В обязанность организационного комитета входили разработка устава, учебных планов, составление штатного расписания и сметы. Организационный комитет создал свои представительства в Москве, Петрограде, Казани. На расходы оргкомитета, командировочные и подъемные, на ремонт и постройку помещений, перевозку научных пособий и библиотек и другие расходы Наркомпрос выделил 250 млн рублей. (К слову, в 1920 году на петроградских рынках один вузовский учебник стоил от 10 до 150 тыс. рублей.) Отовсюду в Екатеринбург пошли вагоны с книгами и оборудованием, прибыла библиотека из Царскосельского лицея. Горький писал сопроводительные записочки с просьбами, чтобы университетские составы не застревали в тупиках.

К лету 1920 года у Альберта Петровича Пинкевича сложилась концепция реформирования высшей школы России. Вот ее основные положения:

- «Академическая автономия была лозунгом здоровым, поскольку она была обращена к царскому правительству. С переходом власти в руки пролетариата для социалистической профессуры вопрос об автономии отпадает».
- «Высшая школа ставит перед собой две задачи — научную и педагогическую. Эти задачи нисколько не противоречат друг другу, наоборот — полное осуществление первой задачи невозможно без выполнения второй, и наоборот... Исследовательские курсы и институты при высших учебных заведениях необходимы. Однако нужно стремиться к тому, чтобы исследователи не замыкались в рамки своих научных работ, но создавали бы школы своих учеников, без которых невозможно правильное развитие науки...»
- «Для того чтобы изжить свой основной грех — известную схоластичность, высшая школа должна возможно крепче связаться с требованиями современной жизни. Это должно выразиться в признании ею профессионального и профессионально-технического характера и проникновении во все организационные и административные ячейки ее представителей производственных и административных организаций».
- «На месте высшей школы должны быть созданы университеты нового типа, поглощающие и прежние университеты, и высшие технические учебные заведения, — единый профессиональный университет на месте многочисленных и несогласованных высших учебных заведений старого времени... Необходимо создание государственного плана открытия техникумов и университетов»⁶.

Эти положения нашли отражение в уставе Уральского университета, который был написан Пинкевичем в мае 1920 года.

Согласно уставу, новорожденный университет должен был состоять из шести институтов. Студенты, наравне с директорами институтов, представителями местных производственных и политических организаций, входили в правление университета. Советам институтов (в составе университета) предоставлялись довольно широкие права: они сами устанавливали правила приема студентов и проверки их знаний, разрабатывали учебные планы. Красной нитью в подготовленном тексте проходила идея о том, что создаваемый университет должен удовлетворять насущные потребности Урала, содействовать его хозяйственному и культурному преобразованию.

Екатеринбургская организационная комиссия во главе с представителем Горного совета ВСНХ на Урале Борисом Владимировичем Дидковским нашла для университета 27 зданий, квартиры для преподавателей, обеспечила прием студентов в новорожденный вуз. Таковых оказалось 1382 человека⁷. В преподавательском штате университета числилось более 200 человек⁸. Совет Первой трудовой армии откомандировал в университет необходимых специалистов из войсковых частей Уральского военного округа.

Часть профессоров ранее работала в университетах Москвы, Петрограда, Казани, Томска, другие — в Уральском горном институте.

Были ученые с мировой известностью, почти всю жизнь проработавшие на заводах Урала металлурги, фанатики своего дела — создатель гидравлической теории расчета пламенных печей В. Е. Грум-Гржимайло и автор теории металлургических процессов И. А. Соколов. Альберт Петрович выхлопотал для всех преподавателей академические пайки, для большей части студентов — продовольственные карточки первой категории.

К учебе приступили уже в сентябре 1920 года, хотя декрет об организации Уральского университета был подписан лишь 19 октября.

Однако уже через неделю после начала занятий на университет обрушились невзгоды. От неосторожного обращения с железной печью сгорела почти вся крыша здания второй женской гимназии, отведенного медицинскому факультету. И 26 октября 1920 года Первой трудовой армией была занята под госпиталь и казармы часть лучших зданий университета.

Пинкевич бросился в Москву восстанавливать справедливость. Понадобились две грозные телеграммы, подписанные В. И. Лениным, чтобы здания были возвращены. Но в каком виде! Электрическая проводка сорвана, испорчены все уборные и колодец, загажены не только учебные корпуса, но и прилегающая территория. Понадобился срочный субботник,

чтобы хоть в малейшей степени обеспечить учебный процесс. А капитальный ремонт в зданиях продолжался еще целый год. Тем не менее 8 января 1921 года в оперном театре им. А. В. Луначарского состоялось торжественное открытие Уральского университета.

На собрании было зачитано поздравление А. М. Горького: «Посылая мой сердечный привет университету Екатеринбурга, его профессорам и студентам, я уверен, что первые будут делиться сокровищами знаний своих так же задушевно и щедро, как жадно и внимательно студенты будут брать эти сокровища. У человечества нет ценностей более существенных, чем ценности научной мысли...»⁹

Вместе с уральскими партийными и советскими руководителями выступал на торжественном собрании и профессор МГУ, автор учебника «Средние века. Историография и источниковедение» Д. Н. Егоров. Подобно другому московскому профессору, специалисту по аграрной истории Англии XVI—XVII веков А. Н. Савину, он был приглашен Альбертом Пинкевичем читать лекции для студентов педагогического института.

Педагогический институт — постоянная забота и боль Пинкевича. Необходимость вуза была очевидна. Из доклада Екатеринбургского губернского отдела народного образования следовало, что главным препятствием в школьном деле было отсутствие учителей: к 1920 году на всю Екатеринбургскую губернию остался лишь один педагогический техникум в Ирбите.

Педагогический институт был открыт осенью 1920 года в составе двух факультетов — словесно-исторического и естественно-географического. На первом курсе всех факультетов читались курсы «Анатомия и физиология человека» и «Политическая экономия». Дело в том, что Пинкевич считал социологию и биологию основой педагогики... Альберту Пинкевичу грезились учреждение, которое приступало бы к подготовке учителей не где-то в конце обучения на курсах методики, а «чтобы само построение всех учебных предметов было таким образом расположено, чтобы в общем получилось стройное, законченное целое с точки зрения педагогической». Знание трех иностранных языков, которым также обучали в университете, значительно расширяло кругозор будущих учителей. Из 20 преподавателей института 12 были профессорами¹⁰. Все они были крупнейшими специалистами в своих областях, пусть ни один из них не состоял в коммунистической партии. Впрочем, Уралобком ЦК РКП(б), который должен был следить за идеологической чистотой преподавания, претензий к Альберту Петровичу не имел.

Естественно-географический факультет педагогического института был обеспечен не только преподавательскими силами, но и оборудованием: 35 микроскопов в ботаническом и зоологическом кабинетах, богатейшая минералогическая коллекция, прекрасные химическая и физическая лаборатории, математический кабинет с ценной библиотекой (3 тыс. томов), кабинет педагогики и внешкольного образования (с лабораторией школьно-трудовых навыков). При университете открыли опытно-показательную школу. Отношение студентов (в основном бывших учителей) к практическим занятиям было полным глубокого интереса и увлечения, а посещаемость лекций была высокой. И это несмотря на то, что учащиеся педагогического института — единственные из всего университета — не получали студенческий паек¹¹.

Преподаватели педагогического института работали на курсах подготовки учителей, активно занимались культурно-просветительной деятельностью. Сам Альберт Петрович наряду с чтением лекций в университете по двум дисциплинам — «Геология» и «Педагогика» — выступал перед широкой публикой, объясняя задачи нового школьного строительства в России.

Деятельность А. П. Пинкевича по организации университета в июле 1921 года была отмечена премией. Директора институтов, входивших в состав университета, упрашивали его остаться на посту ректора.

Однако в августе 1921 года Пинкевич, как свидетельствуют очевидцы, решительно заявил: «Срок моей командировки на Урале истек» и уехал в Москву¹². Педагогический институт в составе университета закрывается в июле 1922 года.

Пинкевича, как и других беспартийных профессоров, конечно, раздражали привилегии, предоставляемые советской властью работникам физического труда при приеме в университет и начислении стипендий, а также постоянные заявления партийных и советских деятелей о том, что высшая школа есть орудие закрепления диктатуры пролетариата.

Хотя, справедливости ради, скажем и о том, что риторике тогдашних идеологов о прежней высшей школе, как аристократической по составу и кастовой по духу, Альберту Петровичу приходилось неоднократно повторять самому. Так на страницах «Студента-рабочего», органа рабфака Урал-университета, он писал в феврале 21-го: «Стало ясным, очевидным, что надо изменить самое студенчество, надо его оздоровить внесением туда поистине “народных” элементов. На первом месте должны быть рабочие, как более гибкий, чуткий элемент. Несомненно за ними были должны последовать и крестьяне, по мере выделения из их среды кадров, достаточно подготовленных для высшей школы. Изменение самого состава студен-

чества, орабочение его – вот важнейший результат учреждения рабочего факультета при высшей школе... Общий дух высшей школы станет иным, иначе пойдет работа, так как студенты пролетарии принесут с собой много накопленной, но еще не израсходованной энергии, много любви к науке и жажды к науке...»¹³

В Москве Альберта Петровича ждала ответственная работа в Комиссии по улучшению быта ученых и издательстве «Всемирная литература». Здесь он до 1923 года замещал уехавшего за границу Горького.

В апреле 1922 года Альберт Петрович отправился за границу, к поселившемуся в Берлине Алексею Максимовичу Горькому. Наверняка рассказал ему о двух встречах с В. И. Лениным, результатом которых стал декрет Совета народных комиссаров от 6 декабря 1921 года об улучшении быта ученых, отчитался о деятельности издательств, опекаемых Горьким, поведал о жизни писательских объединений в Москве и Петрограде.

Учесть весь опыт досоветской педагогики, включить в новую систему все ценное и приемлемое, изучить достижения педологии — вот что предстояло Альберту Петровичу. В 20-х годах ректор Второго МГУ, директор НИИ педагогики, член Государственного ученого совета профессор Пинкевич посещает Германию, Швецию, Финляндию, Норвегию, Францию, США, изучая постановку школьного дела в этих странах. Ему помогал прекрасное знание иностранных языков: английского, немецкого, французского, испанского и др. Участвует в международных конференциях (Веймар, 1926; Лейпциг, 1928), выступает с докладами о советской школе в Берлине и Вене. Его труды (он написал более 30 книг) переводятся на иностранные языки.

В 20—30-х годах А. П. Пинкевич — один из основных популяризаторов передового педагогического зарубежного опыта в СССР. Он — автор статей для Большой советской энциклопедии, рассказывающих о системах народного образования Западной Европы, книги о жизни и деятельности знаменитого педагога конца XVIII — начала XIX века И. Песталоцци, составитель многотомных хрестоматий по истории педагогики и марксистской педагогики. В хрестоматии наряду с марксистскими текстами Пинкевич помещает фрагменты из произведений предшественников и противников марксизма.

Ценные мысли об организации советской трудовой политехнической школы и детского самоуправления находили учителя в написанном Пинкевичем учебнике «Педагогика», который переиздавался шесть раз.

Итоги деятельности советской педагогики в 1917—1927 годах Альберт Петрович подводит в монографии «Советская педагогика за 10 лет».

В ЦК ВКП(б) вспомнили о многочисленных инициативах, проявленных профессором Пинкевичем в деле развития высшего педагогического образования, о его призывах сохранить предметное преподавание в школе и назначили Альберта Петровича председателем Высшего учебно-методического совета Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при СНК СССР.

Комитет руководил всеми высшими учебными заведениями СССР. Начиная с 1932 года в обязанности Пинкевича входило выяснение у наркоматов, какого рода специалистов они желают получить, определение сети учебных заведений, аспирантуры при них, выработка правил приема в вузы, утверждение учебных планов, программ, методов преподавания, контроль за ходом учебной работы.

А. П. Пинкевич и его непосредственный начальник Г. М. Кржижановский постарались подключить к решению этих задач общественные организации (научно-технические исследовательские общества, комсомол и т. п.). Был организован ряд широких совещаний по вопросу о вечернем и заочном обучении, о педагогических дисциплинах в вузе, о программах по математике, физике, химии, об учебниках.

В 1936 году за подписью Пинкевича выходят новые правила приема в вузы, в которых были сняты социальные ограничения для абитуриентов. Всесоюзным комитетом по высшему техническому образованию были восстановлены многие существовавшие до 1929 года политехнические институты (в том числе Уральский), открыты новые педагогические институты (в том числе в Свердловске), увеличено количество часов, отводимых на лекции, наведен элементарный порядок в учебном процессе, расширены затраты на строительство, ремонт учебных корпусов, общежитий вузов. Количество студентов выросло с 272 тыс. в 1932 году до 519 тыс. в 1936-м.

Отмечая плодотворную деятельность Пинкевича в аппарате Народного комиссариата просвещения, Президиум ЦИК Союза ССР 7 декабря 1934 года наградил Альберта Петровича почетной грамотой, а Совет народных комиссаров СССР — персональной легковой машиной.

Но как изменился в 30-е годы стиль печатных работ Пинкевича! Куда подевались легкость изложения, эмоциональная приподнятость, пафос трибуна? Теперь это сочинения добросовестного чиновника: цитаты из директив партии и правительства, отчеты о выполнении решений вышестоящих инстанций...

С 1934 года появляются обязательные «расшаркивания» перед И. В. Сталиным, а в июне 1937 года — призыв очистить высшую школу от всего чуждого и враждебного.

Догадывался ли Альберт Петрович, что через какое-то время сам окажется в числе «подлых врагов народа», подлежащих уничтожению? 25 декабря 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР А. П. Пинкевич был необоснованно приговорен к расстрелу как участник «троцкистско-зиновьевской террористической организации». Приговор приведен в исполнение в тот же день¹⁴.

¹ Кузнецов С. И сбывлась мечта // Урал. рабочий. 1980. 21 авг.

² Желаящие познакомиться с литературным творчеством *Адама Бельского* — таков псевдоним Пинкевича — смогут прочесть его рассказ в журнале «Известия Уральского государственного университета» (Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2000. № 16).

³ См.: Летопись. 1916. № 1. С. 418.

⁴ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. — М., 1957. С. 176.

⁵ Горький А. М. Собр. соч. — М., 1955. Т. 29. С. 441.

⁶ Пинкевич А. П. Тезисы доклада о реформе высшей школы // Урал. рабочий. 1921. 27 февр.

⁷ См.: Лазарев Л. А. К 3-й годовщине Уральского университета // Там же. 1923. 19 окт.

⁸ ЦГА РСФСР, ф. 1565, оп. 3, д. 406, л. 1.

⁹ Цит. по: Пинкевич А. П. К истории высшей школы // Красное студенчество. 1928—1929. № 3—4. С. 30.

¹⁰ ЦГА РСФСР, ф. 1565, оп. 3, д. 153, л. 62.

¹¹ Там же. Л. 61об., 62об.

¹² Воспоминания М. Н. Букиной.

¹³ Пинкевич А. Значение рабочих факультетов // Студент-рабочий. 1921. № 3. С. 5.

¹⁴ Архив музея истории УрГУ. Фонд А. П. Пинкевича, д. 1.

Борис Владимирович Дидковский

Ректор Уральского университета
с 30 ноября 1921 по ноябрь 1923 года

С фотографии 1921 года

В 1970 году туристы Уральского университета совершили восхождение на одну из самых недоступных вершин Приполярного Урала, гору Дидковского, и установили там скульптурное изображение Бориса Владимировича Дидковского¹. Имя Дидковского носят улицы в Верхотурье и поселке Павда. Кто же он, чье имя занесено на карту нашей Родины?

Борис Владимирович Дидковский родился 19 апреля (по старому стилю) 1883 года в городе Житомире Волынской губернии на Украине. Отец его служил в чине поручика в 127-м пехотном Путивльском полку².

Борис Владимирович принадлежал к самой малочисленной среди большевиков группе лиц с высшим образованием (0,6 % членов РКП(б) в 1923 году).

Выпускник Киевского кадетского корпуса (1900), Дидковский три года был студентом электротехнического института, а затем вольнослушателем физико-математического факультета университета в Петербурге (1903—1905). Завершил образование в Женевском университете — бакалавром математических и геологических наук (1913). Причина того, что учеба в высшей школе растянулась станет ясна, если мы вспомним, что это было за время: 1900—1913 годы вместили в себя для Дидковского не только напряженные научные занятия, работу ради куска хлеба (репетитором, чертежником, служащим минералогической конторы), но и печатание, распространение листовок, транспортировку с австро-венгерской границы

нелегальной литературы, руководство антиправительственными демонстрациями и забастовками, эмиграцию. Время было серьезное, и оно выковало характер серьезный и одновременно азартный. Привыкший идти в первых рядах протестантов, Дидковский дважды был жестоко избит жандармами. Он не останавливался перед самыми рискованными поступками. В 1906 году во время извержения Везувия, стремясь разгадать тайны геологического строения Земли, умудрился вплотную подобраться к вулкану, отбирая образцы пепла. В 1907 году от социалистов-революционеров ушел к анархистам.

Старательного студента заметил профессор Женевского университета, специалист по изучению рудных месторождений благородных металлов Луи Дюпарк. В 1913 году вместе с ним Дидковский вернулся в Россию и занялся геологическим исследованием Северного Урала, получив место главного геолога Николае-Павдинского горного округа. За 1913—1917 годы Борис Владимирович успел провести топографическую и геологическую съемку округа, поиск и разведку месторождений платины, золота, угля, железа и т. д. При нем на приисках перешли от старательской к механизированной добыче платины.

Пожалуй, такого администратора на Урале не видывали. Даже в суматошные февральские дни 1917 года трудно представить себе высокооплачиваемого, привилегированного специалиста, который разоружал бы полицию и руководил рабочей стачкой.

На три года геология отошла на задний план. Искать приходилось не платину и железо, а хлеб для голодающих рабочих. Ведь Дидковский, большевик с марта 1917 года, стал председателем продовольственной управы в Верхотурье. Руководил — не геологической съемкой, а вооруженными отрядами.

Подобно тому как в студенческие годы азарт исследователя гнал его на головокружительные кручи за интересными образцами минералов, азарт революционера толкал его на принятие весьма авантюрных порою решений. Чего стоил, например, захват власти в Верхотурье, где всего трое большевиков с одной винтовкой атаковали вооруженный отряд сторонников Временного правительства. Подошли. Распахнули дверь. Скомандовали караульным: «Оружие на стол!» А их человек пять-шесть. И они подчинились...³

Решительность и уверенность пригодились ему потом не раз: и при проведении национализации промышленности (соответствующий декрет СНК был разработан при участии Дидковского), и при руководстве операцией по перевозке из Тобольска в Екатеринбург августейшего семейства

Романовых и их окружения. Ставший после Октября 1917-го членом исполкома и президиума областного совета, а также зампредседателя Уралсовета, Б. В. Дидковский участвовал в решении участи царской семьи, входя наряду с Ф. И. Голощекиным и П. Л. Войковым в специальную «тройку». Присутствовал при размещении бывшего самодержца в Ипатьевском доме и личном обыске доставленных узников⁴. Осенью 1918 года белые назначили премию в 50 тыс. рублей за поимку Дидковского.

В это время Борис Владимирович дважды находился на волоске от гибели. Руководимый им отряд, охранявший путь на Кизел, угольную базу Советской России, несколько раз попадал в окружение.

На протяжении 20-х годов в центре внимания Дидковского была проблема районирования. Заместитель председателя Уралплана, он руководил научным коллективом, определяющим границы Уральской области. Конечная цель работы — превращение Урала в огромный промышленный конгломерат, связанный линией энергопередач, железных и шоссейных дорог, управляемый в основном из Екатеринбурга.

Научно-технической базой Уральской области должен был стать ново-рожденный Уральский университет. В состав его оргкомитета Б. В. Дидковский вошел как председатель Горного совета ВСНХ на Урале. На Дидковского обрушилось огромное количество поручений, начиная от участия в разработке устава университета и заканчивая обеспечением преподавателей и студентов пайками, дровами, огородами и жилой площадью.

Довольно щекотливым был вопрос о вхождении в состав Уралуниверситета горного института, который был открыт еще 9 октября 1917 года. В феврале 1920 года его тогдашний ректор Николай Георгиевич Келль сокрушался, что у института нет помещений, оборудования, очень мало преподавателей, а студенты не обеспечены стипендиями — все вынуждены где-нибудь работать⁵. А чуть позже выяснилось, что ни один студент горного института не может быть переведен на третий курс со второго, где учились всего-то 36 человек⁶.

4 августа 1920 года Дидковский предложил совету горного института принять следующую резолюцию: «Считая тесное объединение всех органов Уральского университета залогом процветания на Урале рассадника просвещения и науки, а вместе с тем и всех сторон народного хозяйства Советской России и Урала, Уральский горный институт спокойно и искренне отказывается от узкой и вредной для дела самостоятельности и входит как составная часть в единый государственный университет»⁷.

30 ноября 1921 года Дидковского назначили ректором Уральского университета⁸. Кроме того, он продолжал здесь же преподавать математику.

К этому времени университет оказался на грани закрытия. Финансирование из центра покрывало лишь 50 % потребностей вуза, несмотря на то, что из 12 первоначально имевшихся факультетов сохранили только четыре, сократили половину преподавателей и сотрудников, расходы свели к минимуму. Зарботную плату задерживали по три месяца.

В феврале 1922 года занятия оказались на грани срыва из-за аварии парового отопления и водопровода, отсутствия денежных средств на ремонт одного из учебных корпусов, пострадавшего от пожара, закупку препаратов и реактивов. Летом 1922 года Дидковскому удалось отстоять в Главпрофобре право на существование провинциальных вузов — не только Уральского, но и Донского, Томского. Сметное ассигнование для них было увеличено в 1,5 раза⁹. Кроме того, благодаря настойчивым ходатайствам Дидковского, в августе 1922 года Уральский областной съезд работников промышленности и транспорта согласился оказывать университету поддержку в размере 0,5 % отчислений от общей суммы зарплаты, выдаваемой на крупных заводах. Однако за август — декабрь 1922 года университет получил лишь треть обещанной помощи¹⁰.

Источником доходов могла стать плата за выполненные для народного хозяйства исследования. Но для того, чтобы проводить эти исследования, нужно было сохранить высококвалифицированные кадры и приобрести качественное оборудование для университетских лабораторий.

И то и другое было непросто. Закупленное еще в 1921 году в Германии оборудование застряло в Петроградском порту — Наркомпрос не оплатил вовремя таможенные сборы.

Для того чтобы накормить людей, руководству университета пришлось построить сложную бартерную цепочку. Сдали в аренду принадлежащие университету сельскохозяйственные орудия. Арендную плату пустили на создание мастерской по ремонту сельскохозяйственных машин. Продукты, вырученные за ремонт, поступили на стол преподавателей. Дополнением к академическому пайку были овощи, выращенные в подсобном хозяйстве Уральского университета «Адуевский камень».

В декабре 1922 года для того, чтобы оплатить труд рабочих, изготовивших оборудование для единственной в России лаборатории механического обогащения полезных ископаемых, ректор был вынужден продать принадлежащий университету электромотор.

Зато 1923 год стал первым нормальным учебным годом в истории Уральского университета. Наконец получили из-за границы долгожданное оборудование и литературу. Библиотека университета увеличилась с 17,8 тыс. томов (1920) до 100 тыс. томов (1922)¹¹. Дидковский организовал

новую кафедру — поиска и разведки месторождений полезных ископаемых. Ожилась работа химико-металлургического научного кружка преподавателей и студентов. Вышел в свет первый номер «Известий Уральского государственного университета».

Многие профессора работали в «Уралплане», «Уралпромбюро», трестах, синдикатах, здравооделах Екатеринбургской губернии...

Геологи, горняки, металлурги, химики, лесники, медики и другие специалисты университета наладили связь с горно-добывающими, металлургическими, химическими предприятиями Урала. Почти все преподаватели университета активно участвовали в работе Уральского общества любителей естествознания, Уральского отделения Русского металлургического общества, Уральского медицинского общества. За 1923—1924 годы ученые и студенты университета выполнили 110 научно-исследовательских работ, 85 % из них — по заданию уральской промышленности¹². Плата за выполненные работы пополнила бюджет университета.

А. В. Луначарский, посетивший Екатеринбург летом 1923 года и ознакомившийся с работой Уральского университета, отметил, что молодые учебные заведения страны цепко утверждают себя в жизни и становятся полезными элементами нового строительства¹³.

За 1922—1924 годы Уральский университет подготовил 78 дипломированных медиков. На подходе были крупные выпуски геологов и металлургов. Но в 1924 году Б. В. Дидковский уже не был ректором.

Его обвинили в том, что он слишком прямолинейно проводит коммунистическую линию. Яблоком раздора стала стипендиальная политика. Дидковский считал, что Советское государство не должно материально поддерживать выходцев из состоятельных классов с непролетарской психологией. Противостояние завершилось компромиссом. Летом 1923 года наиболее известные приверженцы идеи академической автономии деканы горного и медицинского факультетов Александр Александрович Гапеев и Иосиф Аронович Левин были высланы из Екатеринбурга (в Москву и Нижний Новгород, где они также заняли руководящие посты в высшей школе), но и Дидковский подал в отставку. Причем Борис Владимирович просил начальника Екатеринбургского отдела ГПУ оставить декана медицинского факультета И. А. Левина во время следствия на свободе — просьба, которая делает честь Дидковскому. Ведь как раз И. А. Левин был одним из самых непримиримых его оппонентов и неоднократно прямо заявлял, что Дидковский управлять университетом не способен¹⁴.

Если с большинством студентов технических факультетов отношения Дидковского так и не наладились, то для рабфаковцев он был своим чело-

веком. Борис Владимирович добывал для них стипендии, пайки, одежду, помог организовать профсоюзные ячейки и клуб.

С университетом связь не прервалась и после ноября 1923 года. Борис Владимирович до 1930 года читал лекции по дисциплине «Поиск и разведка полезных ископаемых» в Уральском политехническом институте. Слушавшие эти лекции студенты отмечали, что они просты по форме и чрезвычайно содержательны. Импонировало умение преподавателя увязывать текущие проблемы с отдаленными перспективами, заглядывать далеко вперед.

Хорошо знакомые Дидковскому студенты 20-х годов стали основателями научных школ на Урале. В 30—60-е годы XX века они возглавляли политехнический, горный, медицинский институты в Свердловске, Министерство геологии РСФСР (Н. С. Сиунов, П. Я. Ярутин, П. С. Катаев, С. В. Горюнов).

Преподаватели Уральского университета А. Е. Маковецкий, А. Н. Иконичкий, Э. К. Лейрих, С. Н. Остроухов, А. И. Смирнов работали в возглавляемом Дидковским «Уралплане» над Генеральным планом хозяйства Урала. Некоторое представление о деятельности Дидковского в Уралплане дают сохранившиеся материалы и доклады: «Ориентировочная схема пятилетнего перспективного плана по каменноугольной промышленности Урала (1923—1927)»; «О работе по составлению плана электрификации области»; «О кустарной промышленности Уралобласти», «О пятилетнем перспективном плане дорожного строительства» (февраль 1926); «О состоянии и перспективах основной химической промышленности Урала» (июль 1926); «Урал как промышленный комбинат и его перспективы на ближайшее пятилетие» (декабрь 1928)¹⁵.

В 1924 году по инициативе и на средства «Уралплана» под руководством Бориса Владимировича была организована Северо-Уральская экспедиция. В течение пяти лет экспедиция обследовала огромную территорию Приполярного Урала. Результаты исследований использовались Уралпланом при составлении плана первой пятилетки. Тогда-то благодарные ученые и присвоили имя Дидковского одной из самых высоких точек Исследовательского кряжа на Приполярном Урале¹⁶.

Большое внимание Б. В. Дидковский уделял расширению железных дорог, возведению мостов, плотин и других объектов инженерной инфраструктуры. Его большой заботой было ускорение строительства в Свердловске водопровода, канализации, жилых домов, телефонного хозяйства, подъездных путей к станции Шарташ и моста через реку Исеть.

Генеральный план реконструкции Урала, разработанный при участии Дидковского, предусматривал строительство шести заводов-гигантов в Свердловске, Нижнем Тагиле, Магнитогорске, Челябинске. Но развитие сырьевой базы Урала резко отставало от темпов индустриализации. Об этом было много разговоров на подготовленной в 1927 году Б. В. Дидковским Первой Уральской областной конференции по изучению производительных сил Урала. Ликвидировать этот прорыв пришлось опять Борису Владимировичу. В октябре 1930 года его назначают начальником Уральского геологического управления. Он разыскивает специалистов, привлекает для консультации видных ученых (академиков А. Е. Ферсмана, Д. В. Наливкина, И. М. Губкина), комплектует геологические партии и рассылает их по всему краю — от южных отрогов Уральского хребта до Заполярья. С большим трудом выбивает буровое оборудование. Впервые в геологоуправлении между центром и полевыми устанавливает двустороннюю радиосвязь. Знает по имени и отчеству не только всех начальников партий и геологов, но и буровых мастеров, коллекторов, многих рабочих. Как когда-то о рабфаковцах, Борис Владимирович заботится о своих новых подчиненных: вовремя ли выдают им зарплату, как обстоит дело с продовольствием, есть ли спальные мешки, газеты, книги, работает ли радио...

В 30-е годы сотрудники Уральского геологического управления, бывшие студенты Дидковского, М. И. Гарань, М. И. Меркулов, А. К. Бруштейн, Н. А. Каржавин, П. М. Идкин и др. открыли и разведали огромные запасы железной и медной руды, бокситов, бурых углей, хромитов, калийных солей. Были проведены геологические и геофизические съемки, впервые составлена среднемасштабная геологическая карта промышленной части Урала.

Разведанные в 30-е годы запасы полезных ископаемых обеспечили сырьем Богословский алюминиевый, Среднеуральский медеплавильный, Челябинский металлургический заводы, Магнитогорский металлургический комбинат. Проектировали и руководили этими гигантами индустрии также бывшие студенты Дидковского. Одиннадцать из них стали лауреатами Сталинской, три — Ленинской премий.

Распорядок дня начальника Уральского геологического управления был предельно напряженным. Вставал он в семь утра, домой приходил в десять вечера, если, конечно, в этот день не было заседаний.

Обстановка кабинета Бориса Владимировича была подчинена главному требованию: всё для работы. Три стены занимали книжные шкафы. Здесь стояли труды Дюпарка на французском языке, словари — французский, немецкий, английский, итальянский, испанский. Аскетизм Бориса Влади-

мировича удивлял многих. И осенью, и зимой он ходил в одном и том же пальто шинельного покроя, в кепке и ботинках без галош¹⁷.

Осенью 1936 года Бориса Владимировича без всяких объяснений сняли с работы. Возможно, поводом к этому послужило письмо, пришедшее в августе 1936 года на имя наркома НКВД Н. И. Ежова, где сообщалось, что Б. В. Дидковский, ближайший друг троцкистов С. В. Мрачковского и Н. И. Уфимцева, стоял на платформе троцкизма и, руководя Уралгеологострестом, довел его до развала, окружив себя чужаками. В частности, белогвардейцу Г. Г. Китаеву купил за счет треста дом¹⁸.

Борис Владимирович действительно в 1918 году разделял точку зрения Троцкого на Брестский мир (военные действия с Германией не ведем, мирный договор с ней не подписываем); в 1921 году был сторонником государственствления профсоюзов (платформа Л. Троцкого, Н. Бухарина, А. Андреева, Ф. Дзержинского) — считал, что дискуссия о профсоюзах полезна, так как выявляет различные точки зрения, а упоминаемый в письме Григорий Георгиевич Китаев, которому Борис Владимирович помог решить квартирный вопрос, — известный геолог, первооткрыватель Вишневогорского редкометалльного месторождения, один из организаторов Уральского геологического музея.

Время шло. Бориса Владимировича охватывало отчаяние: «Не знаю, что делать и что делают со мной! Имею опыт, знание, желание, силу, а меня лишают самого дорогого — работы». Когда январским вечером 1937 года его уводили, Дидковский успокаивал жену: «Товарищи разберутся, и через три дня я вернусь». Следствие тянулось семь месяцев. Первые пять из них Дидковский категорически отрицал принадлежность к контрреволюционной троцкистской организации.

Следователь выходил из себя: «Предупреждаю вас о вашем отвратительном поведении на следствии». Признательные показания датируются 5 и 7 июнем 1937 года. Их текст четко делится на две части. Одна, где сообщается личный состав антисоветской организации, в которую якобы входит Б. В. Дидковский, дословно повторяет показания председателя Челябинского облисполкома М. А. Советникова, сделанные 4 июня 1937 года. Создается впечатление, что текст одного документа просто вписали в другой.

В начальной части показаний Дидковский пересказывает содержание бесед, которые он вел в 1932 году со своим предшественником на посту председателя Уралплана Львом Ефимовичем Гольдичем. Лев Ефимович кончил жизнь самоубийством еще до ареста Дидковского и повредить ему признания Бориса Владимировича не могли.

«Мы вели разговоры о внутривнутрипартийном режиме, который мы рассматривали как невыносимо тяжелый, а также о темпах индустриализации. <...> Темпы индустриализации построены без учета действительных возможностей; это привело к огромной хозяйственной диспропорции, в результате которой страна зашла в тупик. Огромные планы индустриализации и развертывание непомерно высоких темпов привело к огромным капиталовложениям, которыми страна не располагает. В результате этого все тяготы курса перекладываются на плечи рабочего класса и крестьянства и сопровождаются снижением жизненного уровня трудового населения города и деревни. <...> Неправильный курс партии на высокие темпы индустриализации привел к неправильному, антиленинскому курсу и в отношении к деревне. Жесткая система чрезвычайных мер привела к резкому падению уровня сельского хозяйства и к политическому разрыву рабочего класса с крестьянством. <...> Руководство ЦК ВКП(б) все неудачи своего политического курса пытается объяснить... обострением классово-вой борьбы, идя на применение жесточайших репрессивных мер. <...> Изменить положение можно только путем... смены руководства ЦК. <...> Положение внутри ВКП(б) и в стране таково, что открытые формы борьбы совершенно исключены...»¹⁹

Здесь следователю становится скучно, и он прерывает подозреваемого. Такого рода рассуждения сотрудники ОГПУ-НКВД слышали уже не раз и от коммуниста, первого секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б) Москвы М. Н. Рютина, и от монархиста, профессора металлургического факультета Уральского политехнического университета И. А. Соколова, и от десятков других умных советских граждан, принадлежавших к разным политическим партиям и социальным группам...

Мария Николаевна Букина, жена Бориса Владимировича, навсегда запомнила последнюю встречу с мужем. Это было 13 августа 1937 года. «Будем говорить только о деле», — сразу предупредил жену Дидковский. Последним делом его жизни было руководство подготовкой к 17-й сессии Международного геологического конгресса, который летом 1917 года проходил впервые в СССР. Необходимо было в кратчайший срок создать геологический музей, показать достижения геологической науки за 20 лет советской власти. Дидковский был готов к этому заданию. Еще в молодости он изучил крупнейшие минералогические музеи Европы. За свою жизнь собрал по крайней мере четыре значительные минералогические коллекции. Одна из них была подарена Женевскому университету, другая выставлялась в Кремле, последняя вошла в состав экспозиции знаменитого Уральского геологического музея²⁰.

Через несколько часов он предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, которая предъявила ему обвинение: участие в террористической организации правых на Урале.

Мы никогда не узнаем, какими соображениями руководствовался Борис Владимирович, признавая себя виновным. Возможно, подобно своему другу, участнику Гражданской войны С. В. Мрачковскому, расстрелянному в августе 1936 года, Борис Владимирович считал, что нужно любой ценой сохранить партию, которая одна способна спасти революцию. Кажется, он до последней минуты не верил, что его могут расстрелять не белые, а красные. В своем последнем слове он сказал: «Я не опасен для советской страны. Я 27 лет работал геологом и готов работать в любых условиях».

Приговором стала высшая мера наказания...²¹

Реабилитирован Борис Владимирович Дидковский 22 сентября 1956 года.

¹ См.: Вечерний Свердловск. 1970. 25 сент.

² Архив музея истории Свердловского горного института. Фонд Б. В. Дидковского.

³ Букина М. Н., Постнов Ю. С. Революционер-ученый. — Свердловск, 1969. С. 139.

⁴ См.: Зайцев Г. Б. Романовы в Екатеринбурге: 78 дней. — Екатеринбург, 1998. С. 22.

⁵ См.: Главацкий М. Е. История рождения Уральского университета. — Екатеринбург, 2000. С. 27.

⁶ См.: Уральский рабочий. 1921. 7 янв.

⁷ ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 32, л. 186.

⁸ Там же. Ф. Р-1946, оп. 1, д. 2, л. 13.

⁹ См.: Уральский рабочий. 1922. 29 июня.

¹⁰ ГАСО, ф. Р-193, оп. 1, д. 14, л. 165; Уральский рабочий. 1922. 15 дек.

¹¹ См.: Уральский рабочий. 1922. 15 дек.

¹² ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 104, л. 95об.

¹³ См.: Главацкий М. Е. Указ. соч. С. 124.

¹⁴ ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 104, л. 40; ГАОСО, ф. 1, оп. 2, д. 25669, л. 20.

¹⁵ См.: Большевики-ленинцы на Урале. — Свердловск, 1989. С. 42.

¹⁶ См.: Архипова Н. Самая высокая вершина // Вечерний Свердловск. 1977. 16 авг.

¹⁷ Геология — жизнь моя. — М., 2001. Вып. 6. С. 208.

¹⁸ См.: Урал. XX век: Кн. для чтения. — Екатеринбург, 1997. С. 319, 320.

¹⁹ ГАОСО, ф. 20163, д. 5928, т. 1, л. 24, 25.

²⁰ См.: Тагильцева Н. Вершина имени Дидковского // Вечерний Свердловск. 1988. 10 марта.

²¹ ГАОСО, ф. 1, оп. 2, д. 20163, л. 102, 103, 103об.

Владимир Васильевич Алфёров

**Ректор Уральского университета
с 13 ноября 1923 по 10 декабря 1924 года**

С фотографии 1914 года

Герой следующего очерка — Владимир Васильевич Алфёров — самый молодой из ректоров Уральского государственного университета. По возрасту он был немногим старше своих студентов, а то и вовсе их ровесником, ведь за плечами у многих были и фронты Гражданской войны, и работа на заводах Урала, и подготовка на рабфаке. В 1923 году вновь назначенному ректору только исполнилось 28 лет.

О семье и юности Алфёрова известно немного: родился 10 июня (по старому стилю) 1895 года, москвич. Из мещан: отец его до революции служил старшим приказчиком в торговой фирме В. А. Прибылова, представителя обособившейся в Москве династии купцов богородского происхождения, специализировавшихся на торговле нитками и т. п.

В. В. Алфёров окончил с серебряной медалью учрежденное по приказу Александра I Московское коммерческое училище — что, кроме аттестата о среднем профессиональном образовании, давало ему в Российской империи звание личного почетного гражданина.

Затем были два курса Московского коммерческого института (1914—1916), первого в России высшего учебного заведения экономического профиля. В этом элитном вузе преподавали такие выдающиеся ученые, как историки А. А. Кизеветтер и Д. М. Петрушевский, правоведы С. А. Муромцев и С. А. Котляревский, философы Б. П. Вышеславцев и Н. А. Ильин. Курсы лекций и практические занятия по философии и истории экономи-

ческих учений в течение всего дореволюционного периода вел один из блестящих представителей Серебряного века, «легальный марксист», профессор С. Н. Булгаков.

Однако доучиться здесь Владимиру Алфёрову не удалось. Он рано связал себя с борьбой против самодержавия. Входил в студенческий подпольный кружок социал-демократического направления, вел агитационную работу в Замоскворечье — на Рябовской и Даниловской мануфактурах, позднее — среди работников Замоскворецкого трамвайного парка. В августе 1915 года принимал участие в подготовке и проведении общегородской стачки трамвайщиков, участниками которой стали свыше 300 водителей, кондукторов и слесарей.

В ходе последовавшего полицейского разбирательства Владимир Алфёров был арестован. Революционная часть студенчества выразила протест против незаконных действий полиции в отношении своего товарища, послав на имя ректора Московского коммерческого института П. И. Новгородцева коллективное письмо со 193 подписями. За отсутствием прямых улик, которые бы доказывали его личное участие в состоявшейся акции рабочей солидарности, через три месяца Алфёров был освобожден, но получил отказ на право жительства в Москве.

Член РСДРП с 1916 года, Владимир Алфёров весной был призван в действующую армию. Окончил школу прапорщиков в Одессе, получив первый офицерский чин.

Октябрьскую революцию Алфёров встретил на боевых позициях. Был избран секретарем военно-революционного комитета Юго-Западного фронта — того самого, которым командовал А. И. Деникин, известный впоследствии деятель Белого движения.

В январе 1918 года В. В. Алфёров принимал участие в работе III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде — как делегат от 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии.

И слушал выступление открывшего съезд председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, который объявил, что «перед нами один из важнейших вопросов: строительство новой грядущей жизни и создание Всероссийской власти. Мы должны здесь окончательно решить, будет ли эта власть иметь какую-либо связь с буржуазным строем или окончательно и бесповоротно установится диктатура рабочих и крестьян...»¹

Есть фамилия Алфёрова и среди большевиков, делегатов V Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоявшемся в начале июня 1918 года в Москве².

В этот период Владимир Васильевич по поручению партии занимался созданием местных органов рабочего управления фабриками и заводами. В. В. Алфёров – активный участник Гражданской войны: был помощником комиссара Вольской дивизии 4-й армии Восточного фронта (май — июль 1918), заместителем начальника политотдела 1-й армии Восточного фронта (июль — сентябрь 1919)³.

После демобилизации из армии Владимир Васильевич — член президиума, заместитель председателя Главного комитета по делам бумажной промышленности и торговли (Главбум) Высшего совета народного хозяйства.

До прихода в Уралуниверситет В. В. Алфёров занимал ряд важных хозяйственных постов. Был заведующим производственным отделом Сибпромбюро ВСНХ (1921), членом президиума, ответственным секретарем Уральского экономического совещания (1921—1922). Затем заместителем председателя, членом Президиума Уральского промышленного бюро ВСНХ (1922—1923), где занимался проблемами финансирования промышленных предприятий, планирования народного хозяйства региона, был членом секции районирования в «Уралплане» (1923). Занимал пост управляющего Уральским отделом Промбанка (1923), представлял промбюро в правлении Пермской железной дороги (1923). На должности председателя правления треста «Ураласбест» (с 1923) он останется и на период своего ректорства в Уралуниверситете — будет совмещать.

Согласно характеристике, подписанной 3 февраля 1923 года секретарем Уралбюро ЦК РКП(б) М. М. Харитоновым, Владимир Васильевич Алфёров — «вдумчивый советский работник».

Однако при этом старый партиец – член РСДРП еще с 1915 года, прошедший вместе с В. И. Лениным работу в Цюрихской секции большевиков и вместе с Владимиром Ильичем вернувшийся в Россию в одном поезде – попросту поставил крест на будущей карьере Алфёрова: «Как администратор годится только на вторые роли».

Впрочем, далее Моисей Харитонов стал в своей характеристике чуть терпимее и написал: «Может работать в областном масштабе. Интересуется партийной жизнью. Плохой оратор, но неплохой пропагандист»⁴.

В ноябре 1923 года Уралбюро ЦК РКП(б) решило рекомендовать В. В. Алфёрова на пост ректора Уральского университета, где он с 1922 года читал курс лекций «Организация производства и распределения»⁵.

В ответ на это В. В. Алфёров направляет в Уралбюро ЦК РКП(б) резкое письмо: «...бюро ЦК РКП(б) заставляет меня взять работу, к тому же чрезвычайно ответственную, в которой я ничего не понимаю и для изучения

которой мне потребуется много времени... Я совершенно не согласен с общей политической линией бюро ЦК РКП, которая проводится по отношению к Уральскому университету. Эта линия ориентируется на выставление ректором коммуниста и подавление самостоятельности профессуры путем репрессий. Ряд фактов, явившихся следствием указанной линии бюро ЦК РКП, меня совершенно убеждает в ее ошибочности. Во-первых, репрессии по отношению к профессуре не вскрыли ни одного антисоветского политического течения, а следовательно объективно направлялись против проявления советской активности профессорами середняцкого типа. Эту активность нужно было, наоборот, суметь подчинить и организовать своим руководством. Этим же объясняется неудачная высылка вредных профессорских элементов, когда случайно, благодаря тенденциозному подходу, бюро ЦК РКП выслало заведомо советского профессора Гапеева⁶, которого в Москве центральные органы принуждены были устраивать и с кафедрой, и даже при помощи ГПУ ему разыскивали квартиру. Во-вторых, назначение меня ректором университета, человека, заведомо не знающего этого дела, объективно говорит за то, что линия на выставление ректором коммуниста также провалилась, ибо коммуниста-просвещенца, видимо, не находится...»⁷

По всей видимости, В. В. Алфёрова не могла не пугать та «пассивность, даже демонстративное нежелание что-либо делать при существующем порядке и форме управления ун[иверсите]том со стороны ... части профессорско-преподавательского персонала...», о которой в редакционной статье «На пороге 4-года» было написано в 1923 году в октябрьском номере «Студента-рабочего», органа исполбюро профсекций Уральского государственного университета. Ведь «эта пассивность, — уточнялось в публикации журнала, — бойкотирование общей организационной, академически-учебной работы, отказ от активного участия в общей работе и жизни ун[иверсите]та, сказывается отрицательно на темпе развития ун[иверсите]та, тормозя, мешая установлению нормальных отношений сотрудничества внутри отдельных частей университета»⁸.

Тем не менее кандидатура Владимира Васильевича Алфёрова 27 ноября 1923 года была предложена общему собранию профессоров и преподавателей Уральского университета для выбора на пост ректора. Из 65 присутствующих на собрании 55 проголосовали за Алфёрова, 10 — воздержались⁹.

В партийную организацию Уральского университета поступила докладная записка от некоего студента, в которой сообщалось, что, по мнению профессора В. Е. Грум-Гржимайло и его единомышленников, Алфёров бу-

дет кладом для профессоров, так как это — один из самых податливых и уступчивых коммунистов¹⁰.

Сегодня, на удалении лет, трудно объективно судить, насколько «уступчивым» был ректор Алфёров. Одно можно сказать со всей определенностью: давление на него по самым разным аспектам ректорской деятельности было страшное. Касалось это и учебных планов — чего стоит, скажем, безапелляционное требование, прозвучавшее в одной из статей официального органа «исполбюро профсекций» Уральского государственного университета: «...курс физики должен строиться на житейской прикладной основе»¹¹. Проявлялось это и в самом стиле организации университетской жизни.

Как отмечают историки, направление Алфёрова на руководство университетом во многом определялось жесткой внутрипартийной дискуссией того периода. «Перед В. В. Алфёровым ... ставилась задача очистить университет от влияния троцкистов. Ему удалось за короткий срок консолидировать парторганизацию университета. Вскоре после его назначения коммунисты университета дружно осудили Льва Троцкого и его сторонников»¹².

При Владимире Васильевиче Алфёрове Уральский государственный университет чуть было не стал еще одним вузом советского государства, носящим имя вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. По крайней мере, таковым было единодушное решение нескольких траурных собраний — факультетских, партийных, комсомольских, общеуниверситетского, состоявшихся в январе 1924 года, после получения правительственного сообщения о последовавшей смерти Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Несколько телеграмм с просьбами о присвоении вузу имени Ильича ушли тогда в Москву¹³.

В. В. Алфёров работал ректором до начала декабря 1924 года. К сожалению, ему не удалось сохранить медицинский факультет, переведенный в Пермь. И еще одно его досадное поражение на вузовском поприще: ушел из университета крупнейший ученый-металлург Владимир Ефимович Грум-Гржимайло — перебрался в Москву, где продолжил педагогическую работу в МВТУ и Горной академии. Сам Алфёров был убежден, что, несмотря на принципиальные политические разногласия между считающим коммунизм утопией профессором старой «закалки» и советскими руководителями, необходимо было удержать корифея уральской металлургии в университете.

Отметим и положительные моменты его ректорства. Защитили дипломные проекты первые пять инженеров, подготовленные в стенах Уральского

университета¹⁴. Первым выпускником химико-металлургического факультета стал бывший офицер Белой армии Н. В. Грум-Гржимайло¹⁵ (Николай Владимирович был сыном уже упоминавшегося профессора-металлурга В. Е. Грум-Гржимайло), а горного факультета — бывший красный командир специалист-обогащитель В. А. Кулибин¹⁶ (потомок известного изобретателя Ивана Кулибина). Оба — из дворян.

Лаборатории университета выполнили 113 исследовательских работ, 85 % из них — по заданию уральской промышленности¹⁷. На химико-металлургическом факультете организовали первую в мире лабораторию теории металлургических процессов (заведующий — профессор И. А. Соколов). В июне 1924 года при участии Ивана Александровича Соколова и его учеников была проведена опытная плавка на кузнечном коксе в доменной печи Нижнесалдинского завода, наглядно показавшая возможность использования этого угольного сырья в доменных печах Урала.

На факультетах появилось оборудование, закупленное в Германии и Швеции. Горняки объединились в Общество друзей минералогии. При кабинете марксизма открыли первую на Урале психотехническую лабораторию (заведующий — врач Г. В. Сегалин)¹⁸. И наконец, при Уральском университете появился научно-исследовательский институт. Сотрудники его пяти отделений должны были заниматься разведкой полезных ископаемых и поисками новых технологий их обогащения, маркшейдерскими, геодезическими, магнитометрическими, электромеханическими, теплотехническими и химико-металлургическими исследованиями, изучением дерева и его переработки.

Кроме того, Алфёров поддержал инициативу профсоюзных ячеек об открытии клуба пролетарского студенчества, что способствовало успешной культурно-массовой работе во вверенном ему вузе.

После возвращения в Москву В. В. Алфёров был назначен членом правления Центрального бумажного треста.

С 1925 года Владимир Васильевич находился на партийной работе: был заведующим агитационно-пропагандистским отделом Рогожско-Симонского райкома РКП(б) (Москва), членом Московского комитета ВКП(б) (1925—1930).

В 1929 году В. В. Алфёров был избран председателем ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности. Владимир Васильевич и представлял московскую партийную организацию на XV и XVII съездах ВКП(б), проходивших, соответственно, в декабре 1927-го и январе — феврале 1934 года. Довелось В. В. Алфёрову и поработать в Баку: там он заведовал отделом агитации и пропаганды ЦК Компартии Азербайджана (1930—1932).

В 1932—1933 годах В. В. Алфёров учится на историко-партийном отделении Института красной профессуры, после чего заведует культурно-пропагандистским отделом политического управления Народного комиссариата путей сообщения.

В марте 1935 года Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) вынесла В. В. Алфёрову выговор за отсутствие с его стороны надлежащего руководства печатью политического управления.

С августа 1935 по сентябрь 1937 года Владимир Васильевич — ответственный инструктор Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и одно время помощник секретаря ВЦСПС¹⁹.

В ночь на 4 ноября 1937 года к дому 24/6, по улице Воронцовской, где проживал В. В. Алфёров, подъехал «воронок», и Владимир Васильевич был арестован органами ОГПУ. А 19 марта 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР ему был вынесен смертный приговор — за якобы участие в контр-революционной террористической организации.

И он был расстрелян на спецобъекте НКВД под Москвой — печально известном Бутовском полигоне, где нашли свою смерть еще более 20 тыс. мучеников этой «русской Голгофы».

Реабилитирован Алфёров 28 мая 1955 года²⁰.

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 15, л. 7.

² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 35, д. 30, лл. 28—34.

³ ЦИАМ, ф. 417, оп. 7, д. 783; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 года — март 1918 года. — М., 1977.

⁴ ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 137, л. 12.

⁵ В книге «УГТ-УПИ: Очерки истории (1920—2005)», вышедшей в Екатеринбурге в 2005 году, приводится дата 13 ноября 1923 года — как начало деятельности Алфёрова в У. Г. У (так тогда писали сокращенное название вуза). См. указ. соч. с. 24.

⁶ Гапеев Александр Анисимович (1881—1958), геолог, профессор (с 1920), возглавлял горный институт в составе Уралуниверситета. В 1923-м выслан в Москву «за противодействие политике советской власти в области образования». Преподавал в вузах Москвы. Крупнейший отечественный специалист в области изучения месторождений каменного угля. Лауреат Сталинской премии за открытие Карагандинского угольного бассейна (1948).

⁷ Там же. Ф. 4, оп. 22, д. 98, л. 11—12.

⁸ Студент-рабочий. 1923. № 1(9). С. 13.

⁹ ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 104, л. 60.

¹⁰ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 2, л. 144.

¹¹ См.: Студент-рабочий. 1924. № 7(15). С. 13.

¹² УГТУ-УПИ: Очерки истории (1920—2005). — Екатеринбург, 2005. С. 25.

¹³ См.: Студент-рабочий. 1924. № 4—5. С.

¹⁴ ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 395, л. 85.

¹⁵ Там же. Д. 150, л. 346.

¹⁶ Там же. Д. 128, л. 249.

¹⁶ Судьба Владимира Александровича Кулибина (1896—1955) достойна ее описания в книгах. Судите сами, сын бывшего вице-губернатора, выпускник юнкерского училища (1917), воюет в Гражданскую на стороне красных. Работал инженером на Саткинском чугуноплавильном заводе (1926—1929) и в тресте «Востокруда» (1931). Арестовывался по делу «промпартии». Чудом вышел на свободу. Написал 112 научных трудов по технологиям обогащения и подготовке железных руд к плавке. Проектировал обогатительные и агломерационные фабрики. Подготовил и защитил кандидатскую диссертацию (1943).

¹⁷ ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 104, л. 95об.

¹⁸ См.: Студент-рабочий. 1925. № 4—5.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 4878/7255.

²⁰ См.: Вечерняя Москва. 1994. 3 окт.

Сергей Алексеевич Бессонов

**Ректор Уральского университета
с 10 декабря 1924 г. С 15 мая 1925 года,
после переименования вуза, ректор
Уральского политехнического института —
по сентябрь 1927 года**

С фотографии 1925 года

Два в одном — это популярный слоган наших дней. Но ректор Бессонов в середине 20-х годов прошлого века станет руководителем вуза, который, сидя в одном и том же кресле будет — последовательно — возглавлять два высших учебных заведения...

Сергей Алексеевич Бессонов родился 6 августа (по старому стилю) 1892 года в заштатном городе Киржач Покровского уезда Владимирской губернии: по переписи 1896 года, в городе проживало 3 633 жителя, было 8 шелкоткацких фабрик и одна фабрика медных и бронзовых изделий, имелись церковноприходское и начальное городское училища, а также учительская семинария. Однако сын дьячка-переплетчика пошел по пути отца и после окончания во Владимире духовного училища поступил в здешнюю духовную семинарию, откуда был исключен за политическую деятельность и выслан под надзор полиции на родину.

С 1911 года Сергей Бессонов — член партии эсеров, т. е. социалистов-революционеров.

Московским миллионером-меценатом Н. А. Шаховым, известным благотворителем и учредителем стипендий, в 1912 году Бессонов был отправлен учиться в Бернский университет (Швейцария). В Швейцарии он вступил в Международную организацию социалистической молодежи. В 1914 году Сергей Алексеевич вернулся в Россию завершать высшее образование.

С. А. Бессонов начинает учиться в Петроградском университете, но вскоре подвергается административному наказанию: он был выслан в Вологодскую губернию за политическое выступление на студенческом собрании.

В ноябре 1915 года был призван в действующую армию. После Февральской революции избран председателем полкового совета. Демобилизован в мае 1917 года.

В 1917—1918 годах — член исполкома Вологодского губернского Совета крестьянских депутатов, эсеровского губкома, затем — Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов. Руководил отделом Вологодского союза кооперативов. Порвал с эсерами в августе 1918 года и в октябре об этом заявил официально.

В 1919 году добровольцем вступил в Красную армию, где работал на руководящих постах в органах снабжения. Член РКП(б) с мая 1920 года¹.

Учился на экономическом отделении Института красной профессуры (1921—1924)². В характеристике, составленной членами аттестационной комиссии института в 1923 году, говорится, что Бессонов — блестящий лектор, солидный научный работник и вполне сложившийся преподаватель вуза³. После окончания учебы он около года работал в Германии, Великобритании, углубляя знания в области теоретической экономики и совершенствуя иностранные языки.

10 декабря 1924 года общим собранием профессоров и преподавателей Уральского университета Бессонов был избран ректором (44 голоса — за, 2 — против, 4 человека воздержались)⁴.

В Уральском университете Бессонов возглавлял кафедру общественных наук (читал курс «Капитализм и пролетарская революция»), был деканом рабфака (1925), председательствовал в редакционном комитете журнала «Известия Уральского университета» (с 1925 года — «Известия Уральского политехнического института»).

Причем сам много писал. Так в январском номере «Студента-рабочего» за 1925 год — тогда это был «орган бюро ячейки ВКП(б) и исполкома Уральского госуниверситета, бюро ячейки РКП(б) Урало-Сибирского коммунистического университета, и объединенного исполнбюро техникумов г. Свердловска» — С. А. Бессонов опубликовал статью «О преподавании новых языков», где призвал студентов активнее изучать иностранные языки⁵.

В майском выпуске «Студента-рабочего» за этот же год — теперь уже «органа горбюро пролетарского студенчества, бюро ячейки РКП(б) Урало-Сибирского коммунистического университета и совпартшколы» — Сергей Александрович пишет программную статью «Задачи летней практики», где

выдвигает лозунг: «Поменьше бумажного канцелярского изучения завода, побольше знакомства с реальными заводскими профессиями»⁶.

С. А. Бессонов продолжал традиции сотрудничества преподавателей и студентов, работников научных учреждений Уральского университета с промышленными предприятиями Урала. За 1924/25-й учебный год химико-металлургический факультет по заданиям «Егоркопей» и Баранчинского завода, «Уралхима», завода «Огнеупор», «Уралплана», «Уралплатины», «Гормета», облсовнархоза, новой электростанции Свердловска, Уральской горно-технической конторы, «Челябтреста», промторга, промкомбината, «Уралзолота», НТО ВСНХ, Уральского областного совета народного хозяйства, «Уралмеди» провел более 100 научно-исследовательских работ. Горный факультет по заданию «Кизелкопей», «Уралмета», «Егоркопей», «Ураласбеста», «Уралплатины», облсовнархоза, «Уралплана», геологического комитета выполнил 21 работу⁷.

В мае 1925 года Уральский университет планировал принять участие в Харбинской выставке товаров взаимного экспорта Китая и СССР. Были подготовлены работы лаборатории химически чистых реактивов и мастерской точных приборов⁸. К сожалению, после неоднократного переноса сроков открытия выставки она так и не состоялась.

Бессонов поставил вопрос о строительстве специальных зданий для университета, продолжении участия в финансировании университета предприятий уральской промышленности.

В 1925 году был открыт лесопромышленный факультет, 17 выпускников университета получили дипломы инженеров⁹.

Студентам ректор С. А. Бессонов запомнился как человек удивительно талантливый. Все притягивало к нему молодежь: тончайший ум, широкая эрудиция, гражданская позиция, идейная убежденность, четкость и конкретность требований, умение оперативно разрешать повседневную текучку и многое-многое другое. Но особенно привлекал его редчайший талант оратора.

Студент того времени В. В. Константинов, который впоследствии станет профессором УПИ, вспоминал: «Мне посчастливилось слышать лекцию Бессонова о международном положении. Зал, как всегда в таких случаях, был заполнен до предела. На кафедру энергично вышел стройный мужчина средних лет в отличном сером костюме и белоснежной сорочке с модным галстуком. Хорошая осанка, горделиво посаженная голова, интеллигентное лицо с большими карими “соколиными” глазами. Зал взорвался аплодисментами. Видя безуспешную попытку председателя призвать собравшихся к порядку, Бессонов высоко поднял руку над головой: “Товарищи! К чему эта

игра в ладушки, когда надо заниматься делом?” — голос твердый, хорошо поставленный. Студенты засмеялись, и тут же наступила мертвая тишина.

Четкая дикция, ясная логика, сдержанные жесты, какая-то приподнятость сразу завладели вниманием слушателей. Временами казалось — большой артист с душой исполняет любимую роль. В свою энергичную речь оратор включал сравнения, образы, поговорки. Говорил он два часа. И два часа его мысли вливались в сознание слушателей, чтобы остаться там надолго, может быть навсегда. Расходились потрясенные могучей силой воздействия этого человека: “Мировой оратор!” — “А ведь с таким же блеском он говорит на любом европейском языке!”... Позднее я учился у многих профессоров в Москве, слышал выдающихся ораторов, но такого, как профессор Бессонов, не доводилось ... Такими ораторами, как Бессонов, не делаются, а только рождаются, да и то редко»¹⁰.

Ректор Бессонов заботился не только о профессиональном образовании уральских студентов, но и о развитии их культуры, при этом большое внимание он уделял их внешнему облику.

Выпускник химико-металлургического факультета доцент А. А. Борецкий вспоминает: «В середине 20-х годов был какой-то особый шик щеголять небрежностью в одежде: “Мы, видите ли, пролетарские студенты”... Помнится зажигательная, гневная речь ректора: “Пролетарский студент — значит, воротник рубашки расстегнут, рукава засучены до локтей... Вздор! Студент должен быть опрятным, подтянутым”»¹¹.

Сфера научных интересов С. А. Бессонова — экономика западноевропейских стран XIX века и политэкономия социализма. Он опровергал утверждения сторонников «новой оппозиции» о государственно-капиталистической природе советской промышленности¹². В бытность С. А. Бессонова ректором Уральского университета им были написаны монографии «Современная Англия» (Свердловск, 1925) и «Развитие машин» (Москва, 1926).

Человек, повторим эту характеристику, любящий четкость и конкретность, Сергей Александрович Бессонов в ситуации, когда в университете остались только естественно-научные факультеты (плюс рабфак, где также готовили к поступлению на горный и химико-технологический), и оказался тем человеком, который вначале поставил вопрос о целесообразности переименования университета, затем сам же и ответил на него, 6 мая 1925-го подписав приказ о новом названии — *Уральский политехнический*.

Совнарком РСФСР официально утвердит переименование 15 мая 1925 года.

В 1927—1930 годах С. А. Бессонов — профессор экономического отделения Института красной профессуры, Института экономики РАНИОН, член Государственного ученого совета¹³.

Затем по предложению Н. Н. Крестинского переходит на дипломатическую работу: в 1930—1932 годы он — сотрудник советского торгового представительства в Германии, в 1932—1933 годы — заместитель торгпреда Советского Союза в Великобритании, в 1933—1937 годы — советник полпредства СССР в Германии¹⁴.

Бессонов участвовал в заключении советско-германских экономических соглашений о товарообороте и других переговорах.

В начале 1937 года Сергей Бессонов получил из НКВД телеграмму, в которой ему предписывалось возвратиться в Москву.

Впоследствии Бессонов рассказывал своим сокамерникам, что ни о чем не подозревал, но если бы даже знал, что вызывают для того, чтобы арестовать, все равно приехал бы. «Уж лучше сидеть в нашей, советской тюрьме, чем сделаться невозвращенцем и скитаться чужим человеком в чужой стране!» — восклицал он¹⁵.

Арестовали С. А. Бессонова 28 февраля 1937 года в связи с делом о так называемом *антисоветском правотроцкистском блоке*. По этому же делу проходили Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский и другие старые большевики.

По воспоминаниям Н. К. Илюхова, сидевшего в Бутырской тюрьме вместе с Бессоновым, на допросах Сергея Алексеевича методично избивали, превратили здорового, крепкого человека в изможденного инвалида. Предупредили, что пытать будут и после суда, если во время открытого судебного процесса он не признает себя виновным. Бессонов согласился дать «чистосердечные» показания¹⁶.

Вопросы на судебном процессе Сергею Алексеевичу задавал его давний знакомец по Наркомпросу А. Я. Вышинский — Андрей Януарьевич как тогдашний член коллегии наркомата часто контактировал в середине 20-х с уральским ректором.

В инсценированном судилище Бессонова «проводили» в качестве связника между бухаринско-зиновьевским блоком и Троцким, оттого он первым давал показания на суде и от его признаний многое на процессе зависело.

Сломленный на допросе Бессонов признал и личные встречи с Троцким, и связь с германской разведкой, и даже получение в июле 1934 года непосредственно от Троцкого установки на физическое устранение Алексея Максимовича Горького¹⁷.

13 марта 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Бессонова Сергея Алексеевича как не принимавшего прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий к тюремному заключению сроком на 15 лет с поражением в политических правах на пять лет по отбытии заключения и с конфискацией всего личного имущества¹⁸.

Бессонов и в тюрьме оставался педагогом. Учил своих товарищей по несчастью немецкому языку. Развлекал их красочными рассказами о пережитом, но ложных надежд на скорое торжество справедливости не внушал. Он ясно видел, что накрывшая их всех волна большого террора вызвана стремлением Сталина уничтожить своих личных политических врагов. «Я с вами согласен в том, что рано или поздно партия скажет свое слово, — делился он своими мыслями с заключенными. — Но я не уверен, доживем ли мы сами до этого дня. Это будет тогда, когда наш Политиздат массовым тиражом издает “Завещание Ленина”, о существовании которого мы, члены партии, знаем понаслышке и одно только знакомство с которым карается тюрьмой»¹⁹.

С. О. Газарян, деливший с Бессоновым камеру в Соловках, вспоминал, что Сергей Алексеевич по натуре был веселым, жизнерадостным человеком, но временами очень тосковал²⁰: его жена, Антонина Дмитриевна Бессонова, тоже была арестована, а о судьбе их единственной дочери-школьницы он ничего не знал. Встретиться с ними Сергею Алексеевичу так и не довелось.

8 сентября 1941 года, когда немецко-фашистские войска приближались к Орлу, Бессонова и еще 160 заключенных орловской тюрьмы, якобы ведших пораженческую агитацию, приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу, километрах в десяти от Орла²¹.

7 февраля 1966 года Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговоры в отношении С. А. Бессонова. Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС 5 августа 1966 года восстановила его в партии (посмертно)²².

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 8082/115286.

² См.: Дубленных В. В. «Бухаринец» Бессонов // Урал. следопыт. 1991. № 3. С. 6.

³ ГАРФ, ф. 5284, оп. 1, д. 102, л. 5.

⁴ ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 104, л. 120.

⁵ Студент-рабочий. 1925. № 1(19). С. 80.

⁶ Там же. № 5. С. 3.

⁷ См.: Культурное строительство на Среднем Урале, 1917—1941: Сб. док. — Свердловск, 1984. С. 110—111.

⁸ См.: Участие УГУ в Харбинской выставке // Студент-рабочий. 1925. № 2—3.

⁹ ГАСО, ф. Р-227, оп. 1, д. 395, л. 85.

¹⁰ Уральский политехнический институт, 1920—1970: Ист. очерк. — Свердловск, 1970. С. 55.

¹¹ Уральский государственный университет. — Свердловск, 1980. С. 15.

¹² См.: Бессонов С. А. Эксплуатируется ли уральский рабочий? — Свердловск, 1926. С. 41, 42.

¹³ См.: Научные учреждения и научные работники СССР. — М., 1930. Т. 4.

¹⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 90—91.

¹⁵ Цит. по: Газарян С. О. Это не должно повториться // Звезда. 1989. № 1. С. 77.

¹⁶ См.: Дубленных В. В. Указ. соч. С. 7.

¹⁷ Правда. 1938. 3 марта. С. 5

¹⁸ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 91.

¹⁹ Газарян С. О. Указ. соч. С. 77.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124—131.

²² См.: Там же. 1989. № 5. С. 91.

***ВРЕМЯ ДИРЕКТОРОВ
В СВЕРДЛОВСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ***

Анатолий Сергеевич Соколов

**Директор Свердловского университета
с 14 ноября 1931 по 3 января 1932 года**

С фотографии 1913 года

Если вчитаться в хронологию смены руководителей Уральского университета — а сведения с указанием времени, когда то или иное первое лицо возглавляло вуз, приводятся во многих изданиях (наша книга не будет исключением), — то Анатолий Сергеевич Соколов — безусловный «рекордсмен» по тому, какой малый срок он занимал пост директора. Да, как раз с *него* так называлась должность руководителя вуза.

Летом 1931 года в адрес Народного комиссариата просвещения РСФСР была отправлена президиумом Уральского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов докладная записка. Вот фрагменты из нее:

«Широко развернувшееся строительство Урало-Кузнецкого комбината и коренная реконструкция всех отраслей народного хозяйства области предъявляет огромный спрос на научные силы различных специальностей и квалификаций. Наличный состав научных сил ни в какой степени не удовлетворяет потребностей уральского хозяйства и культурного строительства как в кадрах исследовательских работников, так и кадрах преподавателей высшей школы...

До сих пор на Урале почти не существует учреждений, которые готовили бы исследовательские кадры в области естественных наук. Из этого следует необходимость организации на Урале университетского типа учебного заведения, в задачу которого входила бы подготовка: а) иссле-

довательских кадров в области естественных наук; б) преподавателей высшей школы по общеобразовательным дисциплинам, являющимся базой специально-технической подготовки (математика, физика).

Потребность в работниках этого типа особенно обострена в связи с быстрыми темпами развертывания на Урале вузов.

В настоящее время имеется вузов — 15, сельскохозяйственных вузов — 2, педагогических вузов — 3, медицинских вузов — 2, Коммунистический вуз и отделение Промышленной академии.

Президиум Уральского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов считает наиболее целесообразным развертывание университета... в Свердловске.

1) Университет, подготавливающий кадры теоретических работников, преподавательский состав высшей школы, должен иметь широкие и прочные связи с основными базами нового промышленного строительства и социалистического сельского хозяйства, с высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими учреждениями различных специальностей, а также хозяйственными организациями; все эти связи могут быть осуществлены в Свердловске, в центре крупнейших новостроек Урала (на юге — Магнитогорск, «Челябтракторострой», Челябинская государственная районная электростанция, Бакальский металлургический завод; на севере, северо-востоке, северо-западе — «Тагилстрой», «Уралмедьстрой», «Стальмост», Березники; вблизи — Уральский завод тяжелого машиностроения, на востоке — основные колхозные районы Зауралья и крупнейшие совхозы; из Свердловска легче всего связь с вузами Урала (Пермь, Тюмень, Челябинск, Златоуст, Троицк, Магнитогорск); в Свердловске сосредоточена основная масса научно-исследовательских институтов...

3) Нахождение университета в Свердловске обеспечит постоянное и неослабное методическое руководство его научной и ученой работой, ввиду близости Уральского отделения Коммунистической Академии... <...>

4) Университету в Свердловске может быть обеспечена прочная база как со стороны лабораторного оборудования, так и обслуживания научными силами; в течение первых лет такой базой смогут являться вузы Свердловска...»¹

13 октября 1931 года постановление об организации в Свердловске университета с отделениями: физическим, химическим, механико-математическим, геологическим и астрономо-геодезическим Совнаркомом РСФСР было принято². На пост директора создаваемого вуза нашли одного из самых образованных в городе Свердловске коммунистов — историка, быв-

шего помощника директора Пермского университета Анатолия Сергеевича Соколова.

Анатолий Сергеевич окончил в 1917 году историческое отделение историко-филологического факультета Московского государственного университета. Прошел курс Археологического института по археологическому отделению. Работал у известнейших ученых М. М. Богословского, Ю. В. Готье, М. К. Любавского...

Анатолий Сергеевич Соколов родился 8 сентября 1895 года в селе Покров-Раменье Мологского уезда Ярославской губернии. Его отец, священник, перевез в 1903 году семью в Омск, где Анатолий Сергеевич и окончил в 1913 году мужскую классическую гимназию.

Драматическая история превращения аполитичного, религиозно настроенного мальчика в воинствующего атеиста, сочувствующего большевикам, хорошо описана Анатолием Сергеевичем в автобиографии. Приводим отрывки из нее.

«Время, которое я провел в университете, было очень глухим... Вся "общественная жизнь" студенчества выливалась главным образом в форму разного рода "экономических" организаций: общество взаимопомощи, издательские общества и т. д. В этого рода студенческой общественной жизни я принимал деятельное участие: активно работал в качестве члена правления в обществе взаимопомощи, в Московском "студенческом издательстве"... Каждому из нас приходилось тогда выбирать ту или иную позицию в вопросе об отношении к войне... До этого времени, как и огромное большинство моих товарищей, пребывал в политической спячке. После долгих размышлений, споров и колебаний я примкнул к пораженчеству, мотивируя свою позицию тем, что военное поражение будет политическим поражением самодержавия и ускорит революцию. Дальше этого моя политическая мысль тогда не шла. Мне удалось весьма счастливо избежать мобилизации в военное училище: когда брали первокурсников, я был на втором курсе, когда стали брать второй курс — я оказался на третьем и т. д. Февральская революция, естественно, должна была очень сильно двинуть вперед наше политическое развитие. Приходилось разбираться в речах, мнениях, газетных статьях. Но и тогда еще мои политические представления были в достаточной степени смутны...

В момент Октябрьского переворота, затянувшегося в Москве, как известно, на целую неделю, я стоял в стороне. Нечего, конечно, от едва начавшего политически прозревать студента требовать, чтобы он шел в Красную гвардию, и то хорошо, что он не стал в ряды Белой гвардии. А ведь добрая половина нашего курса ушла именно туда³.

Вскоре после Октябрьской революции я уехал в Омск, где жил отец. Я занялся преподавательской работой на Атаманском хуторе (так назывался тогда пристанционный поселок). Октябрьская революция дала возможность широко развернуть внешкольно-просветительскую деятельность, поэтому недостатка в работе не было. С декабря 1917 года я впервые выступил в качестве преподавателя географии на общеобразовательных курсах... В марте 1918 года внешкольным отделом Омской железной дороги были организованы курсы для рабочих, на которых я преподавал историю...

С осени 1918 года, кроме гимназии взрослых, я читал эпизодически лекции и небольшие курсы лекций, на которые собиралось до 200 и более человек рабочих железнодорожных мастерских. Тема лекций: по истории классовой борьбы и русского революционного движения. В то же время преподавал историю в школах для детей...

В конце марта или в апреле 1919 года ... я должен был явиться в армию. 5 мая я попал рядовым в 44-й Сибирский стрелковый полк... На 12 ноября была назначена эвакуация обоза из Омска, меня отпустили домой для сборов, я ушел и больше в армию Колчака не вернулся.

После восстановления советской власти в Омске у нас закипела работа... Когда организовался на Атаманском хуторе районный отдел народного образования, я был назначен заведовать внешкольным подотделом.

С февраля 1920 года я инструктор по внешкольному подотделу Сибирского областного отдела народного образования. Летом 1920 года во внешкольном подотделе возникла мысль — организовать в г. Усть-Каменогорске для Западного Алтая крестьянский университет... С этой целью я вместе с тремя другими товарищами-лекторами был отправлен туда. В течение июня — августа я работал на курсах по внешкольному образованию и на учительских курсах, а с осени началась работа в Алтайском крестьянском университете (заведующим учебной частью). Одновременно с этим вел работу в педагогическом техникуме, уездной партийной школе и, что меня особенно захватило, в качестве члена ячейки содействия рабоче-крестьянской инспекции.

В марте 1921 года я поехал в Омск за литературой для университета... Когда я приехал в Сибполитпросвет и сделал доклад об университете, там сочли за благо меня оставить работать в Сибполитпросвете. Там развернулся научно-популяризаторский подотдел, куда меня посадили сначала в качестве инструктора, а через две недели в качестве заведующего. Одновременно продолжал читать лекции в Институте народного образования. Осенью 1921 года вместе с Сибполитпросветом переехал в Новони-

колаевск. При нашем сотрудничестве агитпроп Сибирского бюро ЦК РКП взялся за издание учебника политграмоты в тезисах. Многие из глав этого учебника написаны мною... Преподавал историю культуры в Новониколаевском педагогическом техникуме, в партийной школе⁴. С февраля 1922 года — заместитель заведующего Сибполитпросвета...»⁵

В апреле 1923 года А. С. Соколов стал кандидатом в члены РКП(б). В мае 1923 года получил предложение перебраться в Сибирский коммунистический университет в качестве преподавателя истории.

В университете, который с декабря 1923 года назывался Урало-Сибирским коммунистическим и располагался в Екатеринбурге, Анатолий Сергеевич участвует в разработке учебных программ курсов по истории, заведует историческим кабинетом, а в 1925 году назначается проректором по учебной части.

«Что касается биографии личной, — далее исповедуетсЯ Анатолий Сергеевич, — то здесь могу отметить один наиболее острый для меня момент. Это разрыв с отцом в сентябре 1919 года на почве отношения к колчаковщине и советской власти; немалую роль в этом разрыве сыграла и моя работа в области антирелигиозной пропаганды. Православный поп, человек старого закала, отец, естественно, не мог примириться с красной властью, лишившей церковь ее официально-преимущественного положения в стране, а его лично — казенного жалования, казенной квартиры, бесплатных проездных билетов (он служил в "железнодорожной" церкви при станции Омск) и пр. После одного очень бурного «политического» разговора я от отца уехал. Этому разрыву способствовало еще и то, что, приехав на станцию Омск, я сначала среди своих учащихся, а затем и среди широких слоев железнодорожных рабочих повел антирелигиозную пропаганду. Помню, весной 1919 года, придя с одной из "исповедей" в Великом посту, отец позвал меня к себе и рассказал, что у него на исповеди была одна из моих учениц, плакала, металась и говорила, что до тех пор у нее никаких религиозных сомнений не было, а теперь, после моих бесед с ними в школе, она не находит себе места. У меня, что называется, "сердце взвыгло", а отец потребовал, чтобы я прекратил пропаганду и не "развращал" его "духовных детей". Грозил, как водится, проклятием. На меня это не подействовало...»⁶

В 1923—1924 годах по заданию агитпропа Сибирского бюро ЦК РКП(б) Соколов написал учебник для партийных школ под заглавием «Три революции. Очерк истории революционного движения в России в XX веке». В 1924 году эта книга тиражом в 10 тыс. экземпляров вышла в екатеринбургском издательстве «Уралкнига».

Эта работа А. С. Соколова еще не была произведением зрелого ученого. Вопросы становления и развития капиталистического общества, подъемов и кризисов капиталистического производства в России, как отмечали эксперты, излагались по М. И. Туган-Барановскому и М. Н. Покровскому, а история трех революций в России давалась по Л. Д. Троцкому, который обильно цитировался — особенно при описании событий 1917 года. Автор честно знакомил читателей с документами, исходящими из враждебных политических лагерей (манифестами Николая II, приказами А. И. Деникина и т. п.), различными точками зрения историков на события политической жизни России.

Роковым для Анатолия Сергеевича окажется упоминание среди вождей большевиков, арестованных в июле 1917 года Временным правительством, Л. Б. Каменева и Л. Д. Троцкого. Это, а также финал книги, где Соколов приводит высказывание В. И. Ленина о том, что победоносный социализм будет создан лишь в результате революционного сотрудничества пролетариев всех стран передового капитализма⁷, впоследствии дало основание отнести Анатолия Сергеевича к числу троцкистов.

Но этот гром грянет в 1932 году, когда местные партийные лидеры, напуганные заявлением И. В. Сталина, что либерализм в отношении троцкизма есть головотяпство, граничащее с преступлением, будут шарахаться от одного упоминания имени Троцкого.

До этого Соколов успеет много где поработать: заведующим подотделом пропаганды отдела пропаганды и агитации Уралобкома ВКП(б) — он как раз тогда будет утвержден в партийном членстве (1926—1927), доцентом, заведующим кафедрой русской истории (1927—1928), деканом педагогического факультета (1928—1929), помощником директора по научно-учебной части (1930) Пермского университета, заведующим научно-методическим сектором Уральского отдела народного образования (1930—1932), заведующим кафедрой социально-экономических наук Уральского индустриально-педагогического института (1930—1932) и наконец директором Свердловского университета.

Организационное бюро, занимавшееся подготовкой открытия Свердловского государственного университета, впервые собралось 30 октября 1931 года.

По инициативе Анатолия Сергеевича Соколова члены оргкомитета обратились с письмом к директорам научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и вообще к ученым Свердловска с просьбой обсудить вопросы о структуре новорожденного университета и помощи ему⁸. Соколов написал на эту тему статью, которая во многом повторяла

текст докладной записки Уральского областного исполнительного комитета по поводу открытия Свердловского университета. Статья была напечатана в газете «Уральский рабочий» от 20 ноября 1931 года. Вопрос о точном профиле подготавливаемых университетом специалистов был решен лишь в начале 1934 года.

В октябре же 1931 года был объявлен прием на отделения: механико-математическое, физико-техническое, геолого-минералогическое, географическое и астрономо-геодезическое⁹. Нерешенность вопроса о специализациях приводила к трудностям комплектования педагогическими кадрами. К декабрю 1931 года на работу в университет смогли пригласить 14 преподавателей, причем почти все они были совместителями¹⁰. Сложно было найти кандидатуры на должности заведующих кафедрами. Их в то время было шесть: математики, физики, общей химии, геологии, общего земледения и экономической географии, черчения.

Собственной материальной базой университет не располагал. Ему выделили шесть комнат в Институте красной профессуры (ул. 8 Марта, 66) и 50 мест в общежитии областного отдела народного образования. Кабинетов, лабораторий не было. Было настолько тесно, что даже директор университета и его помощник размещались на хорах актового зала.

Стоимость имеющегося оборудования оценивалась в 1,7 тыс. рублей. Книжный фонд библиотеки составлял 8 тыс. томов¹¹. К декабрю 1931 года Наркомпросом было выделено университету 188 834 рублей¹². Этого было недостаточно. Соколов намеревался отправиться в Москву и Ленинград для постановки в Народном комиссариате просвещения вопроса о немедленном внеплановом снабжении университета.

Дирекция начала разрабатывать план строительства университетского городка. Предполагалось, что к осени 1933 года будет окончено строительство основного учебного корпуса и двух домов для 100 семей преподавателей, к октябрю 1934 года построят четыре общежития на 4 тыс. человек¹³. Однако ни в 1931-м, ни в 1932 году на капитальное строительство Наркомпросом ни копейки выделено не было.

В конце ноября 1931 года на заседании руководителей кафедр университета А. С. Соколов докладывал, что при плановом контингенте в 240 человек принято 230 человек, причем 76 % из них рабочие, колхозники, батраки¹⁴. Впрочем, реально к занятиям 25 декабря 1931 года приступили лишь 80 человек, в январе эта цифра увеличилась до 182. Дирекция университета была вынуждена предлагать уже зачисленным иногородним студентам воздерживаться от приезда в Свердловск до персонального вызова — ввиду отсутствия общежитий. Ими были обеспечены лишь 25 %

от общего числа студентов. Студенты, приехавшие без персонального вызова, неделями ночевали на железнодорожном вокзале. Среди учащихся университета выходцы из рабочих и крестьян составляли 49 %¹⁵ (а не 76 %, как обещал Соколов), коммунисты и комсомольцы — 29 %¹⁶ вместо обещанных директором 32 %. Коммунистов было всего 13 человек.

Занятия начались с чтения лекций по математике, физике, геодезии, немецкому языку¹⁷. В будущем предполагалось, конечно, проводить и практические занятия, используя временно лаборатории других вузов Свердловска. В основу учебных планов руководители университета собирались положить соотношение между теорией и практикой три к двум¹⁸. Но партийная и комсомольская ячейки университета заклеили такие планы, как троцкистские¹⁹.

Особенное возмущение у общественных организаций, осуществлявших идейный контроль, вызвала позиция заведующего механико-математическим отделением А. В. Ольшванга, который считал, что «...наука не может быть классовой... в математике есть много такого, что не может иметь никакого прикладного значения, но, что очень важно для полноты самой математики... наука не пользуется вниманием советской власти...»²⁰.

Ну а коль скоро за подбор преподавательских кадров отвечал директор, то он в результате был обвинен в развале работы Свердловского университета, при этом ему припомнили еще и его пособничество реакционной профессуре Пермского университета.

1 января 1932 года общее собрание ячейки ВКП(б) Уральского отдела народного образования принимает решение исключить «троцкиста Соколова» из рядов ВКП(б), освободить его от заведования кафедрой социально-экономических дисциплин Уральского индустриально-педагогического института и руководства «Обществом педагогов-марксистов», поставить вопрос об увольнении его из Свердловского университета и редакции «Уральской советской энциклопедии»²¹.

Анатолий Сергеевич еще на что-то надеется. 2 января 1932 года в записке, адресованной членам бюро ячейки ВКП(б) Уральского отдела народного образования, он объясняет, что видел свою задачу на посту декана педагогического факультета Пермского университета «в высвобождении из-под влияния реакционной профессуры молодой части научных работников и привлечении к нам тех из «стариков», которые казались не безнадежными в смысле подчинения их нашему влиянию»²².

Однако в постановлении бюро Уралобкома ВКП(б) от 7 декабря 1931 года деятельность А. С. Соколова в Пермском университете оценили как сползание с партийно-классовых позиций, давшее «возможность груп-

пе реакционной профессуры перейти в наступление на генеральную линию партии и советской власти»²³.

В программе вузовского курса «История народов СССР», в школьных учебниках, разрабатываемых при участии А. С. Соколова, партийные органы увидели игнорирование классовой оценки исторических событий, отсутствие увязки исторического материала с современностью и прежде всего классовой непримиримости к кулачеству...

На собрании бюро ячейки ВКП(б) Анатолий Сергеевич в отчаянии заявляет: «Большевиком, таким, как мы понимаем большевика, я не был; постоянные вывихи, колебания, сдача позиций, желание обойти острые больные вопросы, примиренчество — это, конечно, не большевизм. В некоторых случаях я шел на борьбу, но я не помню ни одного случая, где бы я с резкостью поставил вопрос...»²⁴

На следующий день он добавляет: «Хочу ли я исключения из партии? Не хочу. Могу ли я исправиться? Если бы была возможность работать в партии, я бы исправился. Я считаю теперь себя свободным от системы троцкистского мировоззрения»²⁵.

Видимо, Соколову все-таки вернули партийный билет. Это следует из информации в газете «Вечерняя Москва» от 8 ноября 1991 года, где в контексте рассказа о сталинских репрессиях, есть и сообщение об Анатолии Сергеевиче Соколове.

Вот оно: «А. С. Соколов. Член ВКП(б). Образование высшее. Доцент Горьковского педагогического института. Арестован 22 февраля 1936 года. Расстрелян 3 октября 1936 года. Кремирован и тайно захоронен в могиле № 1 Донского кладбища (Москва)».

К сказанному можно добавить то, что Анатолий Сергеевич был посмертно реабилитирован в июне 1956-го.

¹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 9, д. 1058, л. 176—177.

² ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 1, л. 158; Культурное строительство на Среднем Урале: Сб. док. 1917—1941. — Свердловск, 1984. С. 247.

³ В 1917 году А. С. Соколов служил архивариусом в главном комитете Всероссийского земского союза.

⁴ С февраля 1922 по май 1923 года А. С. Соколов — председатель правления Сибирского фотокинокомбината в Новониколаевске.

⁵ ЦДООСО, ф. 4, оп. 20, д. 4521, л. 4—7.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ См.: Соколов А. С. Три революции: Очерк истории революционного движения в России в XX веке. — Екатеринбург, 1924. С. 207.

⁸ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 31, л. 3.

⁹ См.: *Соколов А. С.* Открытие Уральского государственного университета // Урал. рабочий. 1931. 20 нояб.

¹⁰ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 31, л. 8.

¹¹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 16—18.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 31, л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 5, л. 21об.

¹⁶ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 3, л. 9.

¹⁷ См.: *Папулов Г. Н.* Второе рождение университета // Уральский государственный университет в воспоминаниях. — Екатеринбург, 2000. С. 45—46.

¹⁸ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 31, л. 8.

¹⁹ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 6, л. 153.

²⁰ Горняк. 1932. 7 янв.

²¹ ЦДООСО, ф. 1068, оп. 1, д. 36, л. 9.

²² Там же. Л. 15—18.

²³ Культфронт Урала. 1931. № 11—12. С. 18.

²⁴ ЦДООСО, ф. 1068, оп. 1, д. 37, л. 4.

²⁵ Там же. Л. 3.

Николай Андреевич Дербуков

Директор Свердловского университета
с 3 мая 1932 по 9 июля 1933 года

С фотографии 1930 года

Жена основателя Советского государства В. И. Ленина Надежда Константиновна Крупская (1869—1939) была одним из самых признанных теоретиков педагогики в СССР.

По известному выражению А. В. Луначарского, «она была душою Наркомпроса», так что все стратегические вопросы развития образования решались при ее активном участии. С 1929 года Крупская была назначена заместителем народного комиссара по просвещению и оставалась на этом посту до конца своих дней.

Имя Крупской носила созданная в 1923 году Академии коммунистического воспитания, выпускники которой — Н. А. Дербуков и З. Ф. Торбакова — начиная с 1932 года, становятся директорами Свердловского государственного университета.

Одной из задач Академии им. Крупской была подготовка руководящих кадров для системы народного образования СССР — районного, городского и областного уровня.

Первым из выпускников весьма престижного тогда советского вуза пост директора Свердловского государственного университета занимает Николай Андреевич Дербуков, только что окончивший двухгодичный организаторско-инспекторский факультет Академии коммунистического воспитания, на который принимали лиц, имевших не менее трех лет партийного стажа и (пятилетний и более) опыт руководящей работы в народном образовании.

Николай Андреевич Дербуков родился в июле 1895 года в поселке Песочное Ярославской губернии, где располагалась фабрика, за год до его рождения купленная «Товариществом М. С. Кузнецова» и успешно выпускавшая теперь знаменитый кузнецовский фарфор. Его отец был рабочим на фарфоровом производстве.

В 1914 году Николай Андреевич окончил Новинскую учительскую семинарию, в 1918 — Ярославский учительский институт.

Преподавал в младших классах школы села Спас-Мякса Ярославской губернии (1914—1915), в школах 2-й ступени сел Бор, Ичкалка Ярославской губернии (1918—1919), города Княгинин Нижегородской губернии (1919—1920). Приобрел репутацию инициативного и энергичного работника. Ввел в школе детское самоуправление, создал ячейку интернационалистов. Организовал волостную передвижную библиотеку, руководил драматическим кружком. Участвовал в экспроприации церковного имущества.

В 1919 году Н. А. Дербуков вступил в РКП(б) и был назначен политруком роты в Княгининском уездном военкомате. С 1920 года Николай Андреевич находился на ответственной советской, профсоюзной, партийной работе: председатель уездного отдела народного образования; ответственный секретарь Княгининского уездного профбюро в селе Большое Мурашино Нижегородской губернии; уполномоченный профсоюза по Княжнинскому уезду Нижегородской губернии; заведующий агитационно-пропагандистским отделом Княжнинского уездного комитета РКП(б) (город Васильсурск Нижегородской губернии); заместитель председателя Нижегородского губернского отдела просвещения.

С 1925-го Николай Андреевич Дербуков — инспектор, заведующий губернским отделом народного образования в Нижнем Новгороде, а также заместитель председателя губернского и краевого обществ «Долой неграмотность».

С 1930-го Дербуков — заведующий кабинетом организации и планирования народного образования уже упоминавшейся Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Он — автор ряда статей по вопросам народного образования¹.

По воспоминаниям выпускника Свердловского университета Г. Н. Папулова, это был «невысокий, коренастый человек решительного характера, с громким голосом»².

Директор пришел в университет с надеждой, что у его учебного заведения вполне светлое будущее.

Надежда эта была подкреплена тем, что уже в июне 1932 года исполнительный комитет Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов наконец-то обратился в Совет народных комиссаров РСФСР с просьбой выделить средства на строительство учебного корпуса, студенческого общежития и квартир для преподавателей Свердловского университета³.

Правда, повторилась уже знакомая нам по предыдущим очеркам ситуация, и в 1932 году денег на капитальное строительство так и не дали, однако бюджет университета в целом вырос более чем в два раза и составил 459 709 рублей, в том числе расходы на оборудование увеличились более чем в три раза⁴.

В ноябре 1932 года университет переехал в здание по улице 8 Марта, 62, которое он делил с педагогическим институтом.

В распоряжении университета оказалось 14 комнат⁵. Здесь расположились четыре лаборатории: физическая, химическая, испытания сопротивления материалов, геодезическая; три учебных кабинета: минералогии и петрографии, исторической геологии и палеонтологии, общественных наук. Частично оборудование кабинетов было изготовлено самими студентами. Почти в два раза вырос книжный фонд библиотеки (с 8 тыс. до 14 тыс. 318 томов). Только вот учебники, составляющие ее, по большей части подходили для технических вузов.

Осенью 1932 года впервые провели набор студентов на специальности «Теоретическая и прикладная математика», продолжили обучение по специальностям «Сопротивление материалов», «Теоретическая механика», «Гидродинамика», «Металлофизика», «Теплофизика», «Физика колебаний», «Общая геология», «Минерал-петрография», «Геохимия», «Палеонтология», «Метеорология», «Сейсмометрия», «Электрометрия».

Из-за ухода — переехал в Пермь, где также стал работать в университете — одного из самых квалифицированных профессоров, Вадима Александровича Кондакова, который в течение года проработал в Свердловске деканом геолого-географического факультета, читая курс «Общей геологии», пришлось закрыть географическую специальность и кафедры — экономической географии и черчения.

Зато открыли новые кафедры: теоретической механики, теории упругости, астрономогеодезии и гравиметрии, общественных дисциплин. На них работало 34 преподавателя, однако $\frac{3}{4}$ были совместители⁶.

Под общежитие университет получил от Уральского отдела народного образования дом (на улице Никольской — нынешняя Белинского). Здание без коммунальных удобств, нештукатуренное, с плохими печами требо-

вало ремонта. Кроме того, университет купил неблагоустроенный и недостроенный барак (на улице Байнауховской — так называлась тогда часть нынешней улицы Белинского за Исетью). Приводить его в более-менее жилой вид собирались силами студентов. Предполагалось, что таким образом 60 % нуждающихся студентов найдут себе крышу над головой⁷.

Николай Андреевич получил задание обеспечить летом 1932 года прием в университет 380 человек. Причем 50 % из них должны быть рабочими, 25 % — колхозниками и 25 % — служащими; 40 % — коммунистами, 30 % — комсомольцами⁸.

Для выполнения этого плана Дербуков предложил партийно-комсомольской организации Свердловского университета принять меры по вербовке абитуриентов. Каждый должен был привести в университет по два партийца и по два комсомольца.

Неудачи в проведении набора начались сразу. Удалось принять лишь 262 человека. В основном это были служащие (67,5 %), рабочих — всего 20,2 %, колхозников — 6,8 %, бедняков-единоличников — 5,3 %. Коммунистов набралось только 29 человек (11 % первокурсников), правда, было много комсомольцев — 99 человек (34 % от вновь принятых)⁹.

Преподаватели Свердловского государственного университета, согласно Постановлению ЦИК СССР от 19 сентября 1932 года «Об учебных программах и режимах в высшей школе и техникумах», тогда в срочном порядке перестраивали свою методическую работу. Вузам страны предстояло к 1 января следующего года пересмотреть учебные программы и отвести в них на общетехнические и специальные дисциплины 80—85 % всего учебного времени.

Срок обучения увеличивался до 5 лет, а специализация начиналась с 3-го курса. Новый подход предполагал также сдачу итогового госэкзамена и защиту квалификационной дипломной работы. Наряду с учетом текущей успеваемости вводились и две зачетные сессии — по итогам осеннего и весеннего семестров.

Тут надо подробнее сказать, что в стране к этому времени явно ненормальная практика вузовского преподавания, когда под демагогические рассуждения о некоем «практицизме» образования из учебных часов сокращались лекции. Под влиянием отдельных горячих голов из Главпрофобра последние несколько лет преобладал бригадно-лабораторный метод, при реализации которого студенты того или иного курса разделялись на группы (бригады), которые, получив учебное задание, коллективно выполняли его и также коллективно — в лице одного-двух представителей — отчитывались за него на семинарах или особых проверочных встречах с

преподавателями. К чести преподавателей Свердловского университета, они никогда не отказывались от лекций как важнейшей составляющей учебного процесса — даже в те времена, когда это считалось проявлением консерватизма.

О «передовой» педагогической практике, которая активно насаждалась, можно судить хотя бы по статье некоего Н. Бочкарева, под рубрикой «Академическая работа», опубликованной в ежемесячнике «Студент-пролетарий» (в отличие от нашего «Студента-рабочего» — это уже издание Пермского университета). Публикация называлась «О стержневании учебной работы Вуз'а» (такое вот практиковалось написание) и была направлена на исключение всех «ненужных» научных предметов и практических занятий: «Помимо принципа целевой необходимости в выборе предметов в учебный план приходится выдвигать и другой — наибольшую экономию времени и сил при наибольшей продуктивности»¹⁰. Ну а панацеей объявлялось *стержневание*: это когда «все предметы, вошедшие в учебный план, делятся на три разряда: основной предмет-стержень, ближайшие — родственные и менее родственные, но все же необходимые предметы»¹¹. И получалось, что при стержне-педагогике к вспомогательным относились биология, социология, физика, химия...¹²

Однако вернемся к практике СГУ, ведь даже в переработанных программах для научно-исследовательской работы, к сожалению, не нашлось ни времени, ни места: эти программы недостаточно отражали последние достижения науки, да и не по всем учебным дисциплинам они были.

Лабораторные занятия по физике и химии часто срывались: подводили некачественная аппаратура и малоквалифицированные ассистенты. Учет успеваемости студентов страдал бессистемностью. Разрываясь между многочисленными местами службы, педагоги нередко опаздывали на работу; глядя на них, прогуливали занятия студенты.

Именно прогулы были по значимости основной причиной отчисления студентов. Далее шли неуспеваемость (в январе 1933 года 26 % студентов были переведены в следующий семестр условно, 58 % получали лишь удовлетворительные оценки¹³), материальная необеспеченность и болезни.

В какой-то мере виноват был в этом директор университета, который попросту не успевал следить за всем: вдобавок сам учился тогда в Институте марксизма-ленинизма.

Организацией распространения опыта лучших педагогов и студентов университета Н. А. Дербуков занялся лишь весной 1933 года. На эту тему 20 мая 1933 года было проведено расширенное производственное сове-

щение, заслушаны и обсуждены доклады заведующего кафедрой геометрии, профессора математики Н. П. Горина «Как я учу», студентов И. П. Зотина, А. Т. Синегубова, В. Ю. Скульского «Как я учусь»¹⁴.

Не удалось закупить необходимого количества дров, и в аудиториях было холодно. К началу учебного года не окончили ремонт общежития, не были даже застеклены окна. В другом, достроенном студентами общежитии так плохо работали печи, что в разгар зимы жильцов срочно пришлось переселять в учебный корпус университета.

Скверно работала столовая.

На лето 1933 года Н. А. Дербуков планировал организовать университетское подсобное хозяйство и таким образом решить продовольственную проблему. Весной 1933 года был заключен договор с колхозом о совместной деятельности по выращиванию картофеля. Плоды этого договора пожинали уже другие руководители¹⁵.

После окончания летней академической сессии 1933 года Н. А. Дербукова перевели на другую работу. Причиной тому, видимо, был огромный отсев студентов — 185 человек (47 % от общего числа обучавшихся в университете в сентябре 1932 года)¹⁶. Кроме того, всем было известно, что в университете сильны «классово чуждые настроения».

Так, например, студент Петряев заявлял, что в СССР систематически ухудшается материальное положение рабочих¹⁷. Показательно, что студенты знали о присутствии среди учащихся «классово чуждых элементов», но не информировали об этом администрацию.

Нельзя сказать, что Дербуков не проявлял классовой бдительности. Так, по личному его распоряжению как классово чуждые элементы из университета были отчислены девять человек¹⁸. Только это не было результатом личной злобности — скорее, знамением времени. Да и в быту Николай Андреевич был известен как очень добрый человек: он, к слову сказать, отдал свою квартиру более нуждающемуся сослуживцу. При том, что у самого Николая Андреевича была немаленькая семья: жена и трое детей.

Недостатки Свердловского университета были характерны, пожалуй, для всех вузов Свердловска той поры¹⁹. Тем не менее общественные организации и дирекция Свердловского университета высшими партийными органами были обвинены в бездеятельности²⁰. Последовали организационные выводы.

С 1933 года Николай Андреевич Дербуков работал начальником одного из повсеместно создаваемых тогда политических отделов при машинно-тракторной станции в станице Степная (во вновь образованной в январе

1934-го Челябинской области). Снят по формулировке: «За провал хлебо-заготовок».

Затем занимал должности инспектора по подготовке технических кадров (1935), помощника начальника отдела по подготовке технических кадров Свердловского областного земельного управления (1935—1936), заведующего отделом культурно-просветительной работы Октябрьского райкома ВКП(б) города Свердловска (1936—1937).

Первого августа 1937 года он получил строгий выговор с предупреждением за притупление классовой бдительности к врагам народа. Последний пост Дербукова — заведующий отделом народного образования Октябрьского района Свердловска.

Умер Н. А. Дербуков от рака желудка в 1939 году.

С Уральским государственным университетом была связана и жизнь членов семьи Николая Андреевича Дербукова²¹.

Его жена, Вера Семеновна Дербукова, преподавала историю на рабочем факультете Свердловского университета. Их старшая дочь, Тамара Николаевна Дербукова, после окончания факультета иностранных языков в Ленинграде полвека проработала на кафедре иностранных языков Уральского университета, где в 1957—1969 годах заведовала этой кафедрой. Студентов покоряла ее увлеченность, влюбленность в свой учебный предмет, чувство юмора.

В 1949 году окончила историко-филологический факультет Уральского университета младшая дочь Н. А. Дербукова — Вера Николаевна Дербукова-Полякова, в дальнейшем — заслуженный учитель РСФСР. Она руководила педагогической практикой студентов исторического факультета Уральского университета.

Сын Николая Андреевича и Веры Семеновны Дербуковых, Владимир Дербуков, студент 5 курса Уральского индустриального института, был призван в Красную армию и погиб в 1942 году на Ленинградском фронте.

²¹ Архив УрГУ. Личное дело Н. А. Дербукова.

² Папулов Г. Н. Второе рождение университета // Уральский государственный университет в воспоминаниях. — Екатеринбург, 2000. С. 44, 45.

³ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 1, л. 154, 155.

⁴ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 31.

⁵ Там же. Ф. 161, оп. 1, д. 58, л. 119—123.

⁶ Там же. Ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 18, 21.

⁷ Там же. Ф. 285, оп. 1, д. 6, л. 183об.

⁸ Там же. Л. 167.

⁹ Там же. Л. 183, 183об.

¹⁰ См.: Студент-пролетарий. 1925. № 9—10. С. 36.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Там же

¹³ Там же. Л. 232, 232об.

¹⁴ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 8, л. 19, 20.

¹⁵ Там же. Д. 36, л. 86об.

¹⁶ Подсчитано по: ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 33; ф. 161, оп. 1, д. 58, л. 119—123.

¹⁷ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 5, л. 67.

¹⁸ Там же. Ф. 161, оп. 1, д. 58, л. 119—123.

¹⁹ Там же. Д. 86, л. 177.

²⁰ Там же. Ф. 285, оп. 1, д. 511, л. 69.

²¹ См.: Уральский университет. 1985. 27 нояб.

Зинаида Федоровна Торбакова

Исполняла обязанности директора
Свердловского университета
с 9 июля 1933 по 13 мая 1934 года

С фотографии 1928 года

Зинаида Федоровна Торбакова при рождении получила совсем другое имя: она и в похвальных листах Калужской женской гимназии, которую окончила с отличием, еще фигурирует как *Евфимия* — благочестивая, священная, если переводить с древнегреческого. Девочку назвали так в честь христианской великомученицы, которую православные поминают в сентябре, а Торбакова как раз и родилась 13 сентября 1900 года в деревне Теплякова Чертенской волости Мосальского уезда Калужской губернии. Новое имя у машинистки губкома РКП(б) звучало не столь «по-церковному» — Зинаида. Хотя суть осталась прежней, ведь в переводе имя означает «рожденная Зевсом», «божественная дочь»...

В любом случае, это был сознательный выбор не только нового имени, но и новой судьбы... И это было символично: «Повсюду, где бы мы ни были, мы замечали свидетельства зарождения у трудящегося человека достоинства и самоуважения», — так писал о первых месяцах Октябрьской революции американский журналист Альберт Вильямс Рис¹.

В то время как он совместно с Джоном Ридом обсуждал в Петрограде проблему нового статуса рабочих, в домике на изрытой ямами окраине Калуги над пальцами склонялась миловидная восемнадцатилетняя девушка, единственная кормилица в семье. Под ее проворными пальчиками на белом полотне салфетки рождались вышитые красными нитками слова: «Вчера рабы — сегодня граждане!»

Товарищи по ячейке коммунистов-учащихся — а Зина была членом РКСМ с мая 1918-го и вступила в РКП(б) в ноябре того же года — ценили аккуратную и самостоятельную Зину. Не случайно, что именно она была командирована губернским отделом социального обеспечения в июне 1919 года в Москву за игрушками для организуемых детских садов и яслей³. Задание имело большое политическое значение: необходимо было завоевать расположение работающих матерей к советской власти.

Зина добиралась до столицы три дня. В окно вагона видела медленно ползущие поезда, облепленные, точно муравьями, людьми с мешками за спиной, вокзалы с выбитыми стеклами...

Пока Зина бегала по раскаленной солнцем Москве, разыскивая отдел снабжения Народного комиссариата просвещения, ей то и дело попадался на глаза плакат: «Тогда лишь гражданин чего-нибудь достоин, когда он — гражданин и воин!» Половина коммунистов Калуги к тому времени уже ушла на фронт. Калужская городская комсомольская организация объявила себя целиком мобилизованной еще в апреле 1919-го. И Зинаида просится на Урал, туда, где красные войска, осуществив Сарапуло-Воткинскую, Пермскую и Екатеринбургскую операции, начинали наступление на белых и освобождение Сибири.

В августе наконец отпустили «на Колчака» и Торбакову⁴.

И где бы ни работала Зинаида Федоровна: в Троицком уездном комитете РКП(б) или Сарапульской, Курганской совпартшколах, в Свердловском областном крестьянском комитете взаимопомощи, Свердловском обкоме работников просвещения или Уралобкоме ВКП(б), — везде о ней отзывались положительно. С поправками, разумеется, на бюрократический стиль той эпохи.

Вот характеристика на Зинаиду Федоровну Торбакову, хранящаяся в делах Уралбюро ЦК РКП(б) за 1924 год: «Квалифицированный работник женотдела губернского масштаба. Имеет инициативу и организаторские способности, но в работе проявляет нервность, разбрасывается; систематического руководства осуществлять не может; не всегда проявляет необходимый такт. Целесообразно использовать для аппаратной партийной работы под руководством авторитетных товарищей в губернском и областном масштабах»⁵.

23 марта 1933 года Зинаиду Федоровну Торбакову, выпускницу Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, назначили заведующей учебной частью, а с 9 июля — исполняющей обязанности директора Свердловского университета⁶.

По словам уже цитированного в этой книге выпускника Свердловского университета Георгия Николаевича Папулова, с Зинаидой Федоровной Торбаковой были знакомы чуть ли не все студенты университета⁷. Именно при ней произошел перелом в жизни вуза. Г. Н. Папулов пишет: «1933/1934-й учебный год — первый нормальный учебный год с регулярным чтением лекций, сдачей зачетов, составлением рефератов и более или менее устоявшимся бытом учебного заведения»⁸.

А ведь вспоминает бывший студент очень тяжелое время: ни нормального учебного здания, ни общежитий, ни лабораторий и оборудования...

В этом году в структуре университета произошли изменения. На июнь 1933 года Свердловский университет состоял из физико-математического и химико-геологического факультетов; подготовка шла по специальностям «Математика», «Теория упругости», «Физика», «Астрономогеодезия», «Химия», «Геология», «Геохимия»⁹. К началу 1934 года Народный комиссариат просвещения РСФСР наконец-то сообщил, специалистов какого профиля должен выпускать университет; прислал учебные планы и программы для всех факультетов. Появились новые кафедры (всего их стало 12): геометрии, математического анализа, сопротивления материалов, гидрогеологии¹⁰.

Библиотека университета выросла почти в два раза по сравнению с 1932 годом и составила 26 929 томов¹¹. В ней появилась литература, соответствующая университетской программе. В большом количестве стали выписывать иностранные издания¹². Учебниками студенты были обеспечены на 75 %¹³. Число кабинетов и лабораторий увеличилось более чем в два раза (стало 15). Хотя для их оборудования выделили средств даже больше, чем в 1932 году (115 090 рублей¹⁴), степень удовлетворения потребностей в оборудовании колебалась от 60 % (геодезический кабинет) до 10 % (кабинет исторической геологии и палеонтологии)¹⁵.

Правда, к осени 1934 года кабинет исторической геологии и палеонтологии значительно пополнился коллекциями минералов, ископаемых, которые собрали студенты во время производственной практики на реке Чусовой. Силами студентов были проведены силовая и осветительная сети для лабораторий, вычерчены карты, диаграммы. Все линзы и зеркала для астрономических приборов изготовлены также ими. З. Ф. Торбакова материально поощряла такую инициативу. Кроме того, заказы факультетов выполняли организованные в 1934 году при помощи доцента С. В. Муратова стеклодувная и механическая мастерские. Лучше всего обслуживали студенческие занятия астрономический, геологический и минералогический кабинеты. Их сотрудники были премированы Зинаидой Федоровной.

Но бо́льшая часть оборудования, приготовленного для установки в лабораториях, не была даже распакована. Катастрофически не хватало учебных площадей. Университет располагал всего двенадцатью учебными комнатами. Учеба шла в две смены, но уже в более комфортабельной обстановке. Учебное здание было побелено и покрашено. Проведен водопровод в лаборатории, капитально отремонтированы отопление и канализация, запасено достаточное количество топлива. Во всем здании, кроме двух комнат северного крыла, всю зиму было тепло¹⁶.

В университете работали 37 педагогов, доля совместителей сократилась до 35 %¹⁷. Среди штатных преподавателей появились выпускники аспирантуры МГУ, перспективные молодые ученые — доценты Петр Капитонович Ишков (погиб в 1941 году на фронте) и Анатолий Николаевич Тулайков (в дальнейшем один из ведущих профессоров Московского физико-технического института); среди внештатных — заведующий научно-исследовательской лабораторией треста «Востоксталь», автор получившего мировое признание нового метода объемного химического анализа — ванадатометрии — Витольд Сигизмундович Сырокомский, один из лучших преподавателей математики Свердловска профессор Николай Порфирьевич Горин.

Опытные педагоги делились своим мастерством с молодыми. Так, Н. П. Горин выступал с докладами «Как я готовлюсь и строю свою лекцию», «Организация систематического учета успеваемости»¹⁸. Продолжалась заложенная весной 1933 года традиция проведения методических совещаний. Вопросы, которые здесь обсуждались, были поставлены студентами университета. В стенной газете университета были помещены 28 писем студентов на тему «Как я учусь» и 12 статей преподавателей «Как я учу»¹⁹.

В планах университета впервые появился раздел «Научная деятельность преподавателей». В 1934 году был скомплексован первый том научного журнала «Известия Свердловского государственного университета»²⁰. Однако он не вышел из печати. Вероятно, причиной было включение двух статей доцента кафедры общественных наук Виктора Соломоновича Рейжевского, подозреваемого в связях с партийным оппозиционером (т. н. новая оппозиция) Григорием Евсеевичем Зиновьевым, в 1932-м году исключенным из ВКП(б). В августе 1934 года В. С. Рейжевский покинул Свердловск; в ноябре 1936 года он был арестован в Одессе и расстрелян в мае 1937 года²¹.

С последними результатами своих научных исследований преподаватели знакомили студентов на заседаниях научных кружков, организованных в 1933 году. Среди докладчиков — заведующий отделом теоретической физики Уральского физико-технического института, создатель уральской

научной школы физиков-теоретиков С. П. Шубин; сотрудник научно-исследовательского геологоразведочного института Академии наук СССР, будущий член-корреспондент АН СССР, известнейший палеонтолог А. Н. Криштофович; организатор Русского общества любителей мироведения, пионер пропаганды в России идеи межпланетных полетов, руководитель лучшего научного кружка университета — астрономического — С. В. Муратов²². Недоброжелатели считали, что лишенный избирательных прав дворянин С. В. Муратов находится под особым покровительством З. Ф. Торбаковой. Среди тем, обсуждаемых на заседаниях научных кружков, — «Теория относительности», «Расщепление атома», «Проблемы межпланетного воздухоплавания»²³.

Увеличение числа штатных преподавателей позволило разработать твердое расписание учебных занятий и общественных мероприятий. Резко сократилось количество опозданий преподавателей и пропусков студентами занятий по неуважительным причинам и болезни.

Этому способствовало улучшение состояния университетских общежитий. На 98 тыс. рублей, которые по настоянию Торбаковой выделил Наркомпрос университету, удалось купить недостроенный дом. К январю 1934 года студенты его сдали в эксплуатацию. Всего к июлю 1934 года университет владел пятью домами для общежитий. Правда, все они были без коммунальных удобств, некоторые даже не электрифицированы²⁴. Общежитиями были обеспечены 58 % всех студентов университета²⁵. Усилиями Торбаковой через Наркомснаб СССР был получен наряд на пикейные одеяла и постельные принадлежности на сумму 5 тыс. рублей.

Особой статьей было продовольствие. Ведь еще осенью прошлого года руководители Уральской области — 1-й секретарь обкома И. Д. Кабаков и председатель облисполкома М. К. Ошвинцев направили в Москву шифрограмму следующего содержания:

«ЦК ВКП(б).

т. Сталину.

Секретно

Установлен фонд снабжения на октябрь 28 тысяч тонн вместо 34 тысяч тонн в сентябре. Из-за недостатка хлеба мы вынуждены были сократить нормы выдачи по спискам на 20 %.

Кабаков, Ошвинцев».

Ценой невероятных усилий дирекции и студентов при университете удалось организовать столовую. На улучшение питания студентов З. Ф. Торбакова сумела получить 10 тыс. рублей²⁶. Кроме того, подшефный колхоз выделил студентам за работу на его полях 60 тонн картофеля,

140 тонн овощей вырастили в подсобном хозяйстве университета. Дневной рацион студента в столовой Свердловского университета повысился с 2 тыс. калорий (в 1932/33-м учебном году) до 3 тыс. калорий (в 1933/34-м учебном году²⁷) и обходился учащемуся в 1 рубль — 1 рубль 20 копеек (размер обычной студенческой стипендии — 50 рублей в месяц; к 1 июля 1934 года стипендии получали 91,4 % учащихся университета).

Впервые Свердловский университет обеспечил своих научных работников и сотрудников дровами и овощами.

Улучшилась организация досуга студентов. Ожилась в университете и оборонно-спортивная работа.

Так, к примеру, 59 снайперов университета получили значок «Ворошиловский стрелок» (в их числе была и З. Ф. Торбакова, которая стала командиром и комиссаром студенческого батальона Свердловского государственного университета), а 23 человека сдали нормы ГТО²⁸.

При военном кабинете организовали физкультурный кружок. В его распоряжении было 50 пар лыж и 12 пар коньков²⁹. Немного, конечно, для массовых регулярных занятий зимними видами спорта, но и этого хватило, чтобы на межвузовских городских соревнованиях по лыжам команда университета заняла первое место.

Около полутора десятков студентов объединились в литературный кружок. Силами кружка художественной самодеятельности было дано четыре концерта. Почти 70 % студентов имели абонементы в театры оперы и оперетты. В университете работала киноустановка, и 55 % студентов посещали киносеансы³⁰.

За 1933/34-й учебный год уменьшилось количество отчисленных студентов. Их было 108 человек, т. е. 27,5 % от общего числа приступивших к учебе в сентябре 1933 года³¹. Несколько повысилась успеваемость. Если в июле 1933 года неудовлетворительные оценки получили 4,6 % студентов физико-математического факультета, то в июле 1934 года — только 2,1 %. На химико-геологическом факультете дело обстояло следующим образом: в июле 1933 года неуспевающих было 3, 3 %, в июле 1934 — 1,6 %³². При этом факультеты, курсы и группы, соперничающие между собой по учебным показателям, не всегда оценивались по сопоставимым результатам — социалистическое соревнование по большей части было организовано формально.

З. Ф. Торбакову не могло не тревожить ничтожное влияние партийной организации на студентов и научных работников. Доля коммунистов среди студентов уменьшилась с 17,9 % в 1932 до 4,3 % в июле 1934 года³³. Сту-

денчество отнюдь не было рабоче-крестьянским. Большинство — из служащих (68,3 %) ³⁴.

Даже на рабфаке, который — в идеале — должен был представлять собой оплот пролетарского влияния, нашли, если следовать терминологии резолюции партийной ячейки СГУ, «контрреволюционный документ» ³⁵. По словам З. Ф. Торбаковой, «студенты не бдительны к вредительским проделкам классовых врагов, которые хулиганят, портят инвентарь, воруют и т. д.» ³⁶

В 1934 году фактически было выполнено большинство заданий первой пятилетки (в первоначальном, не повышенном, варианте). В результате Народный комиссариат просвещения смог запланировать выделение средств для надстройки и реконструкции учебного здания Свердловского университета в размере 1 млн 157 тыс. рублей, 500 тыс. рублей обещал дать из местных средств Свердловский областной исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Был заказан рабочий проект перестройки здания университета, получено 70 % необходимых строительных материалов и проведены подготовительные работы для надстройки учебного корпуса. Предполагалось, что коробку здания с подведением его под крышу закончат к 15 октября 1934 года.

Однако в это время у Свердловского государственного университета был уже другой директор...

¹ См.: *Вильямс Р.* Путешествие в революцию. — М., 1977. С. 158.

² Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 41, в. ф. 1000.

³ Там же. О. ф. 2362.

⁴ Там же. В. ф. 998.

⁵ ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 47, л. 123.

⁶ Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 41, в. ф. 999, 1000.

⁷ См.: *Папулов Г. Н.* Второе рождение университета // Уральский государственный университет в воспоминаниях. — Екатеринбург, 2000. С. 53.

⁸ Архив музея истории УрГУ. Фонд Г. Н. Папулова. Воспоминания. С. 194.

⁹ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 5, л. 60.

¹⁰ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 36, л. 18.

¹¹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 17, д. 147, л. 18.

¹² «При УрГУ получается около 100 иностранных технических журналов», — свидетельствовал в январе 1925 года тогдашний ректор университета С. А. Бессонов в журнале «Студент-рабочий». 1925. № 1 (19). С. 80.

¹³ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 36, л. 13об.

¹⁴ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 31.

¹⁵ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 36, л. 13об.

- ¹⁶ Там же. Л. 10об.
- ¹⁷ ЦДООСО, ф. 4, оп. 17, д. 147, л. 21.
- ¹⁸ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 36, л. 20об.
- ¹⁹ Там же. Л. 77об.
- ²⁰ Там же. Л. 39.
- ²¹ ГААОСО, д. 25656, л. 33об.; Вечерняя Москва. 1992. 26 авг.
- ²² ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 36, л. 22.
- ²³ Там же. Л. 18об.
- ²⁴ Там же. Л. 25об.
- ²⁵ ЦДООСО, ф. 4, оп. 17, д. 147, л. 17об.
- ²⁶ ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 36, л. 26.
- ²⁷ Там же. Л. 86об.
- ²⁸ Там же. Л. 23об.
- ²⁹ Там же. Л. 86.
- ³⁰ Там же. Л. 23.
- ³¹ Подсчитано по: ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 33; ф. 4, оп. 13, д. 418, л. 43об.
- ³² ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 36, л. 30, 31.
- ³³ ЦДООСО, ф. 4, оп. 12, д. 222, л. 88.
- ³⁴ Там же. Оп. 17, д. 147, л. 22.
- ³⁵ Там же. Ф. 285, оп. 1, д. 6, л. 132об.
- ³⁶ Там же. Л. 133.

Виктор Валерьянович Мокеев

Директор Свердловского университета
с 27 июня 1934 по 14 марта 1935 года

С фотографии 1930 года

Из лиц, руководивших Уральским университетом в тридцатые годы, Виктор Валерьянович Мокеев был, пожалуй, человеком самых разнообразных знаний.

Один только список полученных им вузовских дипломов впечатляет. Судите сами: за его спиной уездное училище в Нерчинске (1904), физико-математический факультет Петербургского учительского института (1907), четыре курса юридического факультета Томского университета (1922), агрономо-хлопководческий факультет Среднеазиатского хлопкового института (1931), плюс оконченный уже после отъезда с Урала исторический факультет Львовского педагогического института (1950).

Именно его прислали на должность директора — в Москве решили, что пора всерьез помогать Свердловскому государственному университету становиться на ноги. К этому времени Мокеев уже был профессором — получил это звание по кафедре советского государственного права, заведую в Узбекской педагогической академии (г. Самарканд) совсем другой кафедрой — марксизма-ленинизма и философии (1828—1932). И успел поручивать Саратовским университетом.

Виктор Валерьянович обладал огромным и разнообразным опытом управленческой, педагогической и воспитательной работы. Впрочем, о некоторых аспектах своей деятельности он предпочитал не распространяться...

Виктор Валерьянович родился 31 октября 1887 года в городе Нерчинске Забайкальской области. Из мещан. Сын канцелярского служащего.

Из автобиографии Виктора Валерьяновича известно, что, будучи студентом Петербургского учительского института, он увлекся чтением философских трудов. Годы столыпинской реакции усилили его тягу к философии идеалистического толка, богословским наукам. Карьера «чиновника от просвещения» (в 1907—1911 годах Мокеев преподавал в Минусинске и Барнауле) его не привлекала. В обывательской атмосфере захолустного городка он задыхался.

В апреле 1911 года учитель Барнаульского четырехклассного училища Виктор Валерьянович Мокеев принял духовный сан и стал священником в селе Кнышенское Минусинского уезда Енисейской губернии. В течение двух лет он проповедовал евангельские истины, вел жизнь подвижника: всё, что приобретал, раздавал бедным. Однако вскоре разочаровался, как в богословской теории, так и в клерикальной практике и вышел из духовного сословия.

С 1913 по 1917 год В. В. Мокеев работал инструктором по внешкольному образованию в городе Ачинске. Тогда же он начал изучать марксистскую литературу.

По словам Виктора Валерьяновича, в которых нельзя не увидеть внятного отпечатка своеобразия текущего момента, «с первых дней Октябрьской революции сознательно перешел на сторону пролетариата»¹.

В 1917—1918 годах В. В. Мокеев лектор, заведующий культурно-просветительного отдела губернского Совета рабочих депутатов (Красноярск); руководитель внешкольной работы, член редакционной коллегии при Совете рабочих депутатов (Ачинск).

В период колчаковщины заведовал высшими начальными училищами — теми, где продолжали учебу выпускники училищ двухклассных в местечке Щегловск, а также в селе Новорождественское Томской губернии.

В ноябре 1919 года командованием Красной армии, выбившей колчаковцев из села, был поставлен на пост председателя волостного ревкома, а затем избран председателем волостного исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов.

В январе 1920 года В. В. Мокеев принят в члены РКП(б).

Далее послужной список Виктора Валерьяновича выглядит следующим образом: лектор по общественным вопросам от губернского отдела народного образования; заместитель заведующего агитпропа губкома РКП(б), губернский инструктор, заместитель заведующего отделом юстиции (Томск, 1920—1922); прокурор Омской губернской прокуратуры

(1922—1923); прокурор губернской прокуратуры, член бюро партийной ячейки, горсовета (Кострома, 1923—1925); прокурор уголовного суда коллегии Верховного суда СССР (Москва, 1926); прокурор при Народном комиссариате юстиции и заместитель помощника прокурора республики по общему надзору (Москва, 1925—1926); заместитель заведующего подотделом общего надзора и заместитель помощника прокурора республики (Москва, 1926—1928); член СНК, ЦИК, ЦКК, коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянского контроля по группе аппарата, прокурор Узбекской ССР (Самарканд, 1928—1930); директор Среднеазиатского хлопкового института (Самарканд, 1930—1931); заведующий кафедрой диалектического материализма, профессор Узбекской педагогической академии и ветеринарного института (1931—1932); директор университета, профессор, заведующий кафедрой диалектического материализма (Саратов, 1932—1933); заведующий краевым отделом народного образования, член президиума, партийного бюро ячейки крайисполкома, член ревизионной комиссии при крайкоме ВКП(б) (Сталинград, 1933—1934).

В 1921—1934 годах по совместительству вел педагогическую работу в советско-партийных школах, на рабфаках, в вузах, практически во всех упомянутых в данном биографическом очерке городов.

Двадцатые годы — время расцвета публицистической деятельности Виктора Валерьяновича Мокеева. Он — автор научных и научно-популярных трудов по аграрной экономике (На повороте. — М.: ГИЗ, 1923; Деревня на новых путях — Кострома, 1923; Аренда земли. — М., 1926; Кабальные сделки. М.: Юриздат, 1927), советскому строительству и праву (Конституция РСФСР: Популярный очерк. — М.: Юриздат, 1925; Три года на страже революционной законности. Исторический очерк о деятельности прокуратуры РСФСР. М., 1926; более 50 статей в журнале «Еженедельник советской юстиции»).

Все восемь с половиной месяцев своего директорства в Свердловском государственном университете В. В. Мокеев заведует кафедрой общественных наук, читает курс лекций по диалектическому материализму. Ну а как руководитель — борется за финансирование вуза.

По данным на сентябрь 1934 года, на физико-математическом, химическом и геологическом факультетах СГУ учились 558 студентов по специальностям: «Математика», «Теория упругости», «Экспериментальная, техническая физика», «Металлофизика», «Теплотехника», «Астрономогеодезия», «Гравиметрия», «Неорганическая химия», «Органическая химия», «Коллоидная химия», «Геохимия», «Геология», «Минералогия»². 46 преподавате-

лей были объединены в 15 кафедр³. Новыми из них были: геохимии, физической химии, иностранных языков.

Вуз располагал 19 кабинетами и лабораториями⁴. За 1934/35-й учебный год были созданы кабинет геохимии, лаборатория физической химии⁵. Как и в предыдущие годы, приборы часто изготавливали сами студенты. Однако в целом оборудование кабинетов СГУ было хуже, чем в том же Свердловском педагогическом институте, не говоря уже про Уральский индустриальный институт, организованный путем объединения отраслевых вузов Свердловска...

В июне 1934 года университету полностью передали здание бывшей духовной семинарии на улице 8 Марта, 62 (все 35 комнат)⁶, только учебных площадей все равно не хватало.

Поэтому В. В. Мокеев начал свою деятельность традиционно с обращения в Москву к начальнику Управления университетов и научно-исследовательских учреждений Х. З. Габидулину. Очередной раз директор университета напоминал о миллионе, обещанном на строительство нового учебного корпуса университета, о кредитах на организацию лабораторий, кабинетов, о необходимости обеспечить университет высококвалифицированными кадрами. Ходатайствовал об отпуске 50 тыс. рублей на покупку дома для научных работников. Тогда-то впервые был поднят и вопрос об открытии в университете исторического факультета⁷. Планировали сделать это в 1935 году, но смогли осуществить лишь в 1938-м.

Количество, качество, структура преподавательских кадров оставались проблемой для университета. На июнь 1934 года доля совместителей среди преподавателей опять поднялась и составила 41,3 %⁸. Причем особенно плохо обстояло дело с высококвалифицированными специалистами. Так, скажем, из шести профессоров университета пять были совместителями. Одной из причин подобного положения было отсутствие квартир для ученых.

Не дождавшись 50 тыс. от вышестоящих инстанций, В. В. Мокеев купил дом для преподавателей, потратив на это 27 тыс. рублей из других статей университетского бюджета. Изъятие такой суммы крайне тяжело отозвалось на работе университета: были приостановлены приобретение оборудования, оплата санаторно-курортных путевок студентам, отправка на производственную практику и т. п.

Не смог В. В. Мокеев обеспечить выполнение плана реконструкции учебного корпуса университета. Так и не были получены утвержденные проекты надстройки, отопления, канализации, вентиляции, электрооборудования; не было части смет, отсутствовал график работ. Принятый им на-

чальник строительства оказался невежей и пьяницей. В 1934 году план строительства был выполнен лишь на 59 % при значительном перерасходе средств против утвержденной сметы (около 1 тыс. рублей ушло на переделки, были приписки). С ноября 1934 по март 1935 года строительство было заморожено. Не велись работы по заготовке материалов для продолжения строительства.

Расстроилась при В. В. Мокееве и работа учебной части: отсутствовали программы по 15 дисциплинам, расписания стихийно менялись, не были заключены договоры на производственную студенческую практику по всем факультетам.

У самого директора появились и более важные заботы.

Надвигалась чистка партийных рядов. И у Мокеева были основания опасаться за свое будущее: это ведь только в Свердловске никто не знал о том, что два года Виктор Валерьянович был священником. В анкетах 20—30-х годов он об этом, конечно же, не писал. Оттого в идеологических вопросах Виктор Валерьянович, непременно проявляет высокую классовую бдительность. Так, в 1934—1935 годы восемь студентов были исключены из Свердловского университета за «контрреволюционные выступления» и сокрытие чуждого социального происхождения⁹. Правда, часть из них потом была восстановлена Народным комиссариатом просвещения. Многочисленной в СГУ категорией беспартийных (96,4 % преподавателей и студентов университета) Виктор Валерьянович так и смог найти общий язык. Более того, напугал их заявлением, что основными задачами партийной организации университета будут выявление перерожденцев и борьба с мелкобуржуазной стихией¹⁰.

Ну а партийная организация (всего 22 человека) в силу объективно сложившихся обстоятельств раскололась на сторонников *старого* (З. Ф. Торбакова) и *нового* (В. В. Мокеева) директоров.

Согласно заключению комиссии Свердловского обкома ВКП(б), которая обследовала Уральский университет летом 1935 года, «директор Мокеев не только не руководил идейной и воспитательной жизнью партийной организации, но вносил в нее своим поведением элементы разложения (группирование вокруг себя людей, задабривание их перед своей чисткой, отказ от работы в парткоме и решение вопросов через голову партийного комитета вдвоем с секретарем парткома, неуместные и назойливые указания парткому на необходимость выдвигать его, Мокеева, кандидатуры в те или иные органы для поддержания его авторитета¹¹ и т. д.)... Дирекция и партийная организация не смогла преодолеть недооценки изучения общественных дисциплин со стороны части студенчества. Кафедра

общественных наук, которой руководил В. В. Мокеев, не обеспечила руководства общественно-политическими дисциплинами. За весь учебный год собиралась всего два раза, без представителей студенчества. Вопросами организации и контроля педагогическим процессом не занималась. В конкурсе на лучшие лекции, семинары не участвовала¹². Не возглавляла среди беспартийных специалистов пропаганды марксистского мировоззрения, пронизывания конкретных дисциплин материалистической диалектикой. Студенческих научных кружков по диалектическому материализму нет. Учебники по специальным дисциплинам, имеющие кантианские и махистские ошибки, не раскритикованы»¹³.

Обвиняли В. В. Мокеева и в недостаточном количестве студентов пролетарского происхождения (на 1 января 1935 года — 25,4 % всех учащихся Свердловского университета). Но в этом идейном и кадровом упущении — по сложившейся у партийных инстанций традиции — обвиняли практически всех руководителей Свердловского/Уральского университета...

Коммунисты Свердловского университета ставили перед Свердловским обкомом ВКП(б) вопрос о привлечении Мокеева к партийной ответственности за срыв реконструкции здания университета¹⁴.

Отрадными явлениями в жизни университета 1934/35-го учебного года стало уменьшение прогулов и последовавшее снижение отсева: за весь 1934/35-й год — 70 человек (12,5 % от всех учившихся в сентябре 1934 года)¹⁵.

По словам выпускника геологического факультета 1937 года Г. Н. Папулова, «к 1934 в университете остались лишь студенты, заинтересованные в получении специальности. Большую часть времени эта публика уделяла глубокой проработке материала, не ограничиваясь минимумом, даваемым на лекциях»¹⁷. Хорошо работали студенческие научные кружки при кафедрах математического анализа, механики, на химическом факультете. Часть руководителей студенческих научных кружков оказалась в числе победителей университетского конкурса на лучшего преподавателя. При определении победителей конкурса учитывалось мнение студентов. Стипендиями были обеспечены 85 % всех студентов университета, а 5,8 % студентов получали повышенные стипендии (150 рублей)¹⁸.

Г. Н. Папулов вспоминает: «Конечно, по вечерам были не только научные кружки и дополнительные занятия, но и посещение кино, театров» (52 % студентов имели льготные абонементы в оперный театр, 72 % — в драматический, 16 % — в оперетту)¹⁸. Получили широкое распространение кружки «западных танцев». Силами участников драматического кружка были поставлены пьесы драматурга Владимира Киршона и модного тог-

да автора лирико-бытовых комедий Василия Шкваркина. Продолжались спортивные состязания.

Узнав о том, что Мокеев — больше не директор СГУ, студенты Свердловского университета были уверены, что весной 1935 года Виктор Валерьянович не прошел чистку и был исключен из ВКП(б).

На самом деле все обстояло иначе.

5 июля 1935 года Виктора Валерьяновича Мокеева откомандировали в распоряжение ЦК ВКП(б)¹⁹. Там для него нашли место службы подальше от Урала.

С июля 1935 по апрель 1936 года В. В. Мокеев — заместитель наркома просвещения Таджикской ССР. А затем по 1945 год он живет в столице Киргизии городе Фрунзе, где работает директором ветеринарного института (1936), заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в медицинском (1936—1944) и педагогическом (1944—1945) институтах. Его работой довольны. Он награждается орденом «Знак Почета» (1944), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Киргизской ССР (1944), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946).

Еще девять лет В. В. Мокеев работает во Львове: он заведует кафедрой марксизма-ленинизма в политехническом (1945—1946) и медицинском (1946—1947) институтах, профессор университета им. И. В. Франко (1947—1950).

Затем ветеран высшей школы возвращается на Урал и до самого своего выхода на пенсию по старости (с 1 августа 1954 года) работает в Перми — профессором кафедры марксизма-ленинизма тамошнего университета и руководит работой аспирантов по истории ВКП(б).

В Перми В. В. Мокеев был еще и одним из руководителей областного комитета защиты мира.

Скончался Виктор Валерьянович Мокеев в мае 1972 года в Москве²⁰.

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 41291/217401.

² ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 33; ГАСО, ф. Р-2110, оп. 2, д. 1, л. 62.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Архив музея истории УрГУ. Фонд 3. Ф. Торбаковой, д. 27, в. ф. 1158, л. 15.

⁵ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 27.

⁶ ГАСО, ф. р-2110, оп. 2, д. 36, л. 11.

⁷ Там же. Д. 1, л. 62—64.

⁸ Архив музея истории УрГУ. Фонд 3. Ф. Торбаковой, д. 27, в. ф. 1160, л. 6.

⁹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 23.

¹⁰ Там же. Оп. 13, д. 418, л. 130б.

¹¹ Не случайно выпускник физико-математического факультета Свердловского университета 1937 года И. С. Кейзер в своих воспоминаниях так пишет о В. В. Мокееве: «Проходимец, но довольно развитой, начитанный, представительный мужчина». См.: Архив музея истории УрГУ. Д. 14.

¹² Это обвинение не соответствует действительности, ведь ассистент кафедры общественных наук М. П. Демидов был среди победителей университетского конкурса на лучшего преподавателя. Впрочем этого преподавателя для парторганов ко времени работы комиссии в СГУ уже не существовало: в январе 1935 года его уволили — одним из поводов для увольнения послужили слова, озвученные на лекции — о том, что марксизм ничего не возводит в абсолют (см.: ЦДООСО, ф. 4, оп. 13, д. 418, л. 28).

¹³ ЦДООСО, ф. 4, оп. 13, д. 418, л. 4.

¹⁴ Там же. Ф. 285, оп. 1, д. 9, л. 95.

¹⁵ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 23.

¹⁶ *Папулов Г. Н.* Второе рождение университета // Уральский государственный университет в воспоминаниях. — Екатеринбург, 2000. С. 54.

¹⁷ ЦДООСО, ф. 4, оп. 13, д. 418, л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 49об.

¹⁹ Там же. Оп. 20, д. 2255, л. 4.

²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 41291/217401.

Вениамин Григорьевич Рубинштейн

**Исполняющий обязанности директора
Свердловского государственного
университета со второй половины марта
по июнь 1935 года**

К тому множеству действительных и мнимых недостатков, которые обнаружила у В. В. Мокиева комиссия Свердловского обкома ВКП(б) к лету 1935 года, одним из самых существенных для всего коллектива СГУ оказалось неумение Виктора Вальерьяновича вести строительные работы и, как следствие, срыв плана надстройки учебного корпуса университета.

Осенью 1935 года студентам Свердловского университета фактически негде было учиться.

С января 1935 года обязанности директора Свердловского государственного университета исполнял первый декан физико-математического факультета, доцент кафедры теоретической механики Вениамин Григорьевич Рубинштейн.

Впрочем, с конца января 1935-го по начало мая — еще раз посмотрите на даты в подзаголовке к очерку — номинальным директором считался Идель Абрамович Перель (1891—1937), тогдашний заведующий Уральским областным отделом народного образования.

А В. Г. Рубинштейн в должности директора формально не утвердили, оставили заместителем директора по учебной и научной работе. Решающую роль в этом, безусловно, сыграло то, что Рубинштейн был беспартийным. Подход вполне в духе того времени — эпохи обострения идеологической конфронтации в обществе.

В материалах комиссии, обследовавшей работу Свердловского университета в 1935 году, находим следующую его характеристику: «Опыт работы и научная квалификация вполне достаточны, но в политическом отношении беспринципный, бесхребетный человек; в самые острые моменты устраняется под тем или иным предлогом от разрешения вопроса»¹.

Зато мнение З. Ф. Торбаковой о Вениамине Григорьевиче было иным: «...тов. Рубинштейн является одним из основных организаторов Свердловского университета, фактически несменным зав. учебной частью и за время существования университета в разные периоды ведущим университет в целом, за отсутствием директоров не менее двух лет (подчеркнуто нами. — Ред.)...»²

Поэтому-то было бы большой несправедливостью исключить этого человека, всю свою жизнь отдавшего делу высшего образования, из числа героев этой книги — руководителей Свердловского университета.

О начальном периоде жизни В. Г. Рубинштейна известно не так много. В заполненных им анкетах сохранилось только упоминание, что он родился в 1887 году в семье служащего текстильной фабрики.

А вот далее о Вениамине Григорьевиче уже можно говорить чуть подробнее.

Образование В. Г. Рубинштейн получил, если судить по сохранившимся ответам на вопросы анкет, на машиностроительном отделении политехнического института в городе Дормштадте (Германия) по специальности «Механика» (1913). После чего работал помощником механика текстильной фабрики в селе Наволоки Кинешминского уезда Костромской губернии (1914—1916, 1917—1918). Установил здесь шесть двигателей системы Дизеля по 180 лошадиных сил, заведовал силовой станцией.

В 1916—1917 годах находился на военной службе (Тамбов).

По некоторым источникам, в 1918 году в Томском техническом институте прослушал курс лекций профессора В. Е. Грум-Гржимайло «Металлургические печи».

С 1918 года В. Г. Рубинштейн трудится на Южном Урале. Начинает конструктором на Саткинском металлургическом заводе (Златоустовский округ), где спроектировал и построил ряд подъемных механизмов. Затем работает заведующим Златоустовского механико-металлургического техникума, созданного на базе технического училища, в 1919-м возвращенного из Барнаула, где оно оказалось вместе с отступавшими войсками А. В. Колчака.

В качестве преподавателя В. Г. Рубинштейн ведет в техникуме курсы «Детали машин», «Соппротивление материалов».

В 1921-м техникум был волевым решением городских инстанций переименован в так называемый Практический институт — с трехгодичным курсом обучения. Ректором был назначен В. Г. Рубинштейн. Впрочем, из-за отсутствия должной материально-технической базы институт в 1923 году был закрыт и вновь стал средним учебным заведением — Уральским механико-металлургическим техникумом.

В. Г. Рубинштейн много сил прикладывает для того, чтобы возглавляемый им техникум стал одним из лучших на Урале. В частности, он организовал для учащихся механическую мастерскую при Златоустовском механическом заводе. Написал задачник по технической механике для техникумов и фабрично-заводских училищ, ряд статей на тему «Организация педагогического процесса в индустриальных учебных заведениях».

Этот техникум, носящий ныне имя выдающегося металлурга П. П. Аносова, и по сей день успешно работает в городе Златоусте, справедливо считаясь одним из лучших средних учебных заведений Урала.

С 1928-го В. Г. Рубинштейн становится инспектором по индустриальному образованию Уральского отдела народного образования (Свердловск).

С 1930 года Вениамин Григорьевич исполняет обязанности директора по учебной части, заведует кафедрой теоретической механики Уральского индустриально-педагогического института, входит в Уральский областной методический совет.

В декабре 1931-го Вениамин Викторович был уволен с работы. Обвинение, предъявленное педагогу, с позиций нашего времени кажется анекдотическим — ведь речь идет о методике преподавания одного из разделов физики. Однако в те годы оно прозвучало как приговор: в составленных Рубинштейном учебных программах не были указаны для изучения анти-троцкистские выступления И. В. Сталина. К тому же слабо просматривалась связь всей этой теоретической учебы с конкретными задачами социалистического строительства...

Рубинштейн, естественно, покаялся, признал свои ошибки и обещал их исправить. Ведь в те годы активное участие в политическом просвещении служило главным критерием участия педагога в воспитательной работе.

С 29 января 1932 года он уже работает в Свердловском университете: заместителем директора по научной и учебной части (февраль 1932 — март 1933; июнь 1935 — октябрь 1936), заведующим отделением математики и механики (январь — сентябрь 1932), доцентом (1933), заведующим кафедрой прикладной механики, теории упругости (1932—1936), деканом физико-математического факультета (1933—1934), исполняющим обязанности директора (15 марта — 2 июня 1935). Читает лекции по курсам

«Прикладная механика», «Детали машин». Занимался исследованием напряжений, возникающих при передаче вращательного движения в рабочих элементах зубчатых передач.

Работа В. Г. Рубинштейна в Свердловском университете началась в весьма сложных условиях. Профили специальностей, учебные планы, программы еще только обсуждались преподавателями вновь рожденного вуза. Преподавателей было всего 18, из них штатных пять.

Дирекция университета начала налаживать учебный процесс. К 1 февраля 1932 года установили количество учебных групп и специальностей. В. Г. Рубинштейн обратился с просьбой к преподавателям, студентам, сотрудникам вносить предложения об улучшении учебной работы в университете. Разработал инструктивные письма с указанием точных требований, предъявляемых к преподаванию учебных дисциплин, критериев оценки успеваемости студентов, формы отчетной документации преподавателей и студентов. Организовал четкое документационное обеспечение деятельности учебной и административно-хозяйственной части Свердловского университета.

Долго не удавалось добыть деньги на строительство учебных зданий, студенческих общежитий, квартир для преподавателей. Когда же хоть какие-то суммы появлялись, Вениамин Григорьевич участвовал в защите проектов бюджета Свердловского государственного университета перед вышестоящими инстанциями (в 1934 году) и утверждении проекта пристройки учебного корпуса университета (1935), что предшествовало возобновлению процесса строительства. Разумеется, В. Г. Рубинштейн в меру сил способствовал также и оборудованию лично им курируемого кабинета прикладной механики.

Используя свои прежние тесные связи с промышленными предприятиями Златоуста, Сатки, Бакала и других индустриальных центров Южного Урала, В. Г. Рубинштейн обеспечил проведение там производственной практики студентов университета в 1933—1935 годах.

Его усилия на педагогическом поприще не остались незамеченными, и 2 июня 1934 года за преданное и добросовестное отношение к налаживанию и постановке работы, организацию учебной работы на физико-математическом факультете, активное участие в общественной работе (а он избирался членом районного и городского Советов рабочих депутатов города Свердловска) и чуткий подход к студентам Вениамин Григорьевич был премирован.

Беспартийному В. Г. Рубинштейну в период «и. о. директорства» очень помогала его собственная научная квалификация: он и до СГУ, и в годы ра-

боты в нем, и после Свердловского университета будет умело «прятаться» от идеологических сшибок, которые так напористо входили в жизнь каждого, с головой погружаясь в свою любимую механику. Уж в ней-то, в механике, есть своя логика, есть и законы, которые не нарушить никому — даже с учетом пресловутой революционной целесообразности.

И если тоталитарное государство год от года все туже и туже *закручивало гайки*, определяя индивиду роль всего лишь *винтика* в социалистическом строительстве, то В. Г. Рубинштейн, по крайней мере, был «винтиком» с ученой степенью.

А Советское государство совсем недавно — в январе 1934 года — постановлением Совета Народных комиссаров СССР регламентировало квалификацию вузовских преподавателей. В постановлении «Об ученых степенях и званиях» формулировались требования к соискателям ученой степени и ученого звания, разъяснялся служебный статус кандидатов и докторов наук, ассистентов, доцентов и профессоров³. Так что при всей своей идейной «бесхребетности» доцент В. Г. Рубинштейн был фигура для своего времени достаточно статусная.

К тому же как педагог любил свою работу. Не случайно 22 октября 1936 года приказом директора Свердловского университета З. Ф. Торбаковой (это уже при новом ее приходе к руководству Свердловским государственным университетом) Вениамину Григорьевичу Рубинштейну была вынесена благодарность.

Впрочем, существовали и другие оценки его деятельности. В том числе, и уже процитированная, содержащаяся в материалах комиссии Свердловского обкома ВКП(б). Очевидно, Вениамин Григорьевич и впрямь не любил рисковать. Именно этим можно объяснить то, что в августе 1936 года, после ареста заведующего кафедрой общественных наук В. Е. Семенова и восьми студентов физико-математического факультета, обвиненных в пропаганде троцкизма, Рубинштейн поспешил подать заявление об уходе из университета и покинул Урал.

Его путь лежит на берега Волги, в город Рыбинск Ярославской области, где в 1932 году был открыт авиационный институт. С осени 1936 года В. Г. Рубинштейн становится заместителем директора этого вуза по учебной и научной работе, одновременно возглавляя организованную им кафедру «Детали машин и теория механизмов».

В начале 1942-го, в связи с отступлением Красной Армии в ходе Великой Отечественной войны, Рыбинский авиационный переводят в Уфу — и он становится Уфимским авиационным институтом им. Серго Орджоникидзе. Чуть раньше, осенью 1941 года, в столицу Башкирии, точнее, в ее

предмestье — Черниковку, эвакуируется часть факультетов Московского нефтяного института им. И. М. Губкина.

В условиях усиливавшегося в военное время дефицита кадров Вениамина Григорьевича Рубинштейна назначают директором Черниковского филиала «Губкинки», в 1948 году получившего статус Уфимского нефтяного института. Этим вузом В. Г. Рубинштейн и будет руководить до своей смерти в 1950 году.

Разумеется, среди тех кафедр, которые с первых дней существования нового высшего учебного заведения начнут готовить специалистов для нефтяной отрасли, будет и кафедра прикладной механики, которую возглавлял сам В. Г. Рубинштейн.

¹ ЦДООСО, Ф. 4, оп. 13, д. 418, л. 11.

² См.: Уральский государственный университет в биографиях. — 2-е изд. — Екатеринбург, 2000. С. 112.

³ Об ученых степенях и званиях: Постановление СНК СССР от 13.01.1934 // Правда. 1934. 13 янв.

Зинаида Федоровна Торбакова

**Директор Свердловского университета
со 2 июня 1935-го по 3 сентября 1937-го.**

С фотографии 1928 года

Летом 1935 года пост директора СГУ оказался вакантным, и первый секретарь Свердловского ОК ВКП(б) Иван Дмитриевич Кабаков в приказном порядке велел занять его Зинаиде Федоровне Торбаковой, которая с ноября 1934-го работала в обкоме инструктором отдела культуры и пропаганды марксизма ленинизма¹. Возражения Зинаиды Федоровны, которая знала, как плохо обстоят дела в университете, не были приняты во внимание.

Приказ Народного комиссариата просвещения РСФСР о вступлении Торбаковой в должность директора Свердловского университета был подписан 2 июня 1935 года. Студенты старших курсов по этому случаю прислали ей поздравительную телеграмму.

Вплоть до 1937 года в Совете народных комиссаров РСФСР не было единого мнения: нужен ли Свердловску университет.

Ярым сторонником сохранения этого учебного заведения был упомянутый выше первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) Иван Дмитриевич Кабаков. Ряд видных ученых Урала — Исаак Константинович Кикоин, Семен Петрович Шубин, Анатолий Николаевич Тулайков, ленинградский академик Абрам Федорович Иоффе — находили более разумным присоединить «хилый» университет к «богатому» Уральскому индустриальному институту.

Следствием этих колебаний было крайне скудное финансирование Свердловского университета. С 1935 по 1937 год он получил лишь четверть

необходимых средств², половину нужных строительных материалов. При этом, если «отпускали деньги на строительство, не давали фондов на материалы и наоборот»³. Все это сделало условия пребывания З. Ф. Торбаковой на посту директора Свердловского университета, по ее собственным словам, «жуткими»⁴.

Что же представлял из себя вуз, куда возвратилась Зинаида Федоровна? Вот как она сама характеризовала тогдашнюю ситуацию: «При отсутствии собственного учебного здания университет вынужден был ютиться... под лестницей у ряда школ. <...> Учебного здания не было, общежитий для студентов, кроме трех щитовых неблагоустроенных, барачного типа домов за городом, также не было ... и никаких квартир для научных работников...»⁵

Почти все внимание Зинаиды Федоровны поглощали проблемы с возведением начатой еще в 1934 году надстройки здания учебного корпуса (ул. 8 Марта, 62). Торбакова ранее никогда не занималась строительством. Поэтому не смогла вовремя заметить, что проект здания выполнен неудачно, при составлении смет не был предусмотрен ряд необходимых работ. В дальнейшем это не могло не привести к перерасходу средств, выделенных на строительство.

К октябрю 1935 года положение было ужасающим. Единственный учебный корпус стоял без крыши. Стекла в окнах нижних этажей выбиты. Лестницы без перил, электропроводки нет. Коридоры завалены строительным мусором. В помещениях гуляли сквозняки. Ценой невероятных усилий удалось выхлопотать для занятий помещения в индустриальном и горном институтах. Часть студентов и администрация принуждены были работать в недостроенном здании. Дым, холод... Люди переболели, исстрадались.

Зинаиде Федоровне пришлось исполнять неблагодарную роль «толкача»: «Мне одновременно пришлось строить здание и учить. В своей работе я натолкнулась на невероятные трудности...» — отмечала она в письме в партколлегию при уполномоченном Комиссии партконтроля по Свердловской области⁶. Куда она только ни обращалась с просьбами о помощи, выделении фондов на дефицитные материалы, сантехническое и другое оборудование для университета! Ей удалось два раза побывать на приеме у председателя Совета народных комиссаров РСФСР Даниила Егоровича Сулимова, председателей Госплана и Комитета по высшей школе, председателя Комиссии по материальным фондам при Совете народных комиссаров РСФСР, наркома коммунального хозяйства, заместителей наркомов тяжелой промышленности и внутренней торговли, председателя треста «Стальсбыт», директоров заводов Москвы и Урала. По ее инициативе руководя-

щие органы различных уровней (вплоть до Совета народных комиссаров РСФСР) приняли 12 решений, касающихся надстройки учебного корпуса, оборудования Свердловского университета, строительства общежития, жилого дома для преподавателей⁷.

«Каждый выстроенный кубометр, каждый добытый шпингалет давался мне с боя!», — писала Торбакова, уже находясь под следствием⁸.

Постоянный дефицит рабочей силы Зинаида Федоровна пыталась восполнить участием в процессе строительства студентов. Выпускница химического факультета В. А. Копалова вспоминает об энтузиазме, с которым трудились ее сокурсники⁹.

Однако были и такие молодые люди, кому беспрестанные субботники были в тягость, да и от учебы они порядком отвлекали, давая повод недовольства у студентов. По этому поводу ими даже было написано письмо в газету «Уральский рабочий»¹⁰. Бюро Свердловского горкома ВКП(б) потребовало от Торбаковой прекратить привлечение студентов к строительным работам¹¹.

В феврале 1936 года университет въехал в надстроенный корпус, хотя тот еще не был принят государственной комиссией. Недоделки (отсутствие приточно-вытяжной вентиляции, силового тока для лабораторий) смогли ликвидировать лишь только перед Великой Отечественной войной. Тем не менее учебная площадь университета увеличилась вдвое. Удалось развернуть 24 учебные лаборатории и кабинета, построить учебную обсерваторию (руководитель С. В. Муратов), открыть читальный зал на 120 человек. Книжный фонд библиотеки на 1 июля 1937 года составил 51 270 томов¹². Наконец-то в лабораториях появилось импортное оборудование.

В 1936 году при университете организовали заочный сектор по подготовке учителей полной средней школы и курсы по повышению квалификации преподавателей неполной средней школы.

В 1937 году вышел давно ожидаемый первый том «Ученых записок Свердловского университета».

Но для полноценной научной работы по-прежнему не хватало ни свободных площадей, ни специальной литературы, ни приборов, ни кадров.

Правда, при Торбаковой процент совместителей среди преподавателей снизился с 57 до 24 %¹³. Это было результатом длительных и часто безрезультатных переговоров директора университета с представителями руководящих органов (вплоть до Совета народных комиссаров РСФСР) и непосредственно со столичными университетами. Для штатных профессоров нужны были 24 комфортабельные квартиры, а горсовет после многочис-

ленных просьб Торбаковой выделил лишь семь, да и то в здании, которое сам университет достраивал¹⁴.

В 1937 году удалось привлечь к работе кандидата физико-математических наук Антона Пантелеймоновича Комара. Он организовал в университете кафедру рентгеноструктурного анализа и рентгеновскую лабораторию. Тогда же из Кургана был приглашен в университет профессор Авенир Александрович Яковкин, видный специалист в области астрономии. В университетской обсерватории он с группой студентов начал регулярные наблюдения над Луной и звездами.

Сложность была в том, что в 1935—1937 годах из 74 преподавателей Свердловского университета 11 принадлежали к числу «социально чуждых» или ранее репрессированных. Об одном из них, заведующем кафедрой исторической геологии, организаторе лучшего в университете кабинета — палеонтологии, доценте Евгении Евгеньевиче Попове даже его жена говорила, что, будучи лояльным к власти, советским он не станет. Поскольку эти люди работали честно и добросовестно, способствовали развитию университета, Зинаида Федоровна их защищала и даже пыталась продвигать по карьерной лестнице.

Так, она хлопотала об утверждении в звании профессора любимца студентов, заведующего кафедрой астрономогеодезии и гравиметрии, руководителя лучшего студенческого кружка Сергея Владимировича Муратова. Это было нелегко. Хотя высланный в 1931 году из Ленинграда по делу Русского общества любителей мироведения С. М. Муратов к 1934 году был уже освобожден из-под надзора и восстановлен в политических правах, его фамилия постоянно фигурировала в списке подозрительных. В «Материалах проверки личного состава преподавателей Свердловского университета» за 1935 год читаем: «Муратов на просьбу слушателей дать философское обоснование разбираемых вопросов выставляет противоположные точки зрения, предлагая студентам выбрать любую»¹⁵.

Случалось Торбаковой защищать и социально чуждых студентов, за что ей приходилось выслушивать упреки от работников Ленинского райкома ВКП(б)¹⁶.

По вопросу об отношении Зинаиды Федоровны к нуждам студентов сохранились прямо противоположные свидетельства.

Студент физико-математического факультета, член комитета комсомола Свердловского университета Илья Николаевич Чигвинцев 13 августа 1937 года заявил на допросе следователю НКВД, что к Торбаковой невозможно попасть на прием, что она не реагирует на критические замечания в студенческой стенной печати. Студенческие общежития не благоустро-

ены, не меняются матрасы, мебель. Электропроводка в аварийном состоянии, и ее чинят сами студенты. Часто нет кипяченой воды¹⁷. То же самое не раз говорили Зинаиде Федоровне на партийных собраниях университета.

Впрочем, в 1957 году Чигвинцев уже заявлял, что Торбакова заботливо относилась к бытовым нуждам студентов¹⁸. Выпускник химического факультета 1941 года, член комитета комсомола И. И. Райхер вспоминает: «В 1936 году Зинаида Федоровна устроила прием для поступивших в университет отличников. Директор приветствовала "новобранцев", пожелала им успехов и угостила яблоками»¹⁹.

Выпускник физико-математического факультета 1936 года, член партийной ячейки И. С. Кейзер вспоминает: «Торбакова часто собирала комсоров групп, почти всегда присутствовала на заседаниях профкома, давала ценные советы по общественной работе»²⁰.

На протяжении 1936 года, преодолевая сопротивление чиновников Народного комиссариата просвещения, Зинаида Федоровна выплачивала повышенную стипендию отличникам. В зависимости от учебного курса она колебалась от 144 до 237 рублей²¹. Согласно распоряжению Народного комиссариата просвещения средний размер стипендии должен был составлять 119 рублей²². В 1936/37-м учебном году стипендиями было обеспечено 87—91 % студентов университета²³.

Кроме того, студентам оказывалась индивидуальная помощь, в 1936/37-м учебном году она превысила 10 тыс. рублей²⁴.

В архиве Уральского государственного университета сохранилось письмо студента физико-математического факультета М. В. Таборова, адресованное Торбаковой. В нем студент описывает свое бедственное материальное положение. На письме резолюция: «Выдать Таборову 200 рублей. Торбакова. 21 февраля 1937 г.»²⁵

Выпускник физико-математического факультета 1937 года В. А. Фадеев писал осенью 1937 года Зинаиде Федоровне: «Часто вспоминаем о Вас и о Ваших заботах и удивляемся, как хватало у Вас терпения уделять так много внимания нам. Я никогда не забуду дня из студенческой жизни, когда получил от Вас ботинки. Мне было и совестно, и радостно»²⁶.

Осенью 1937 года наконец-то вступило в строй студенческое общежитие на 250 человек (ул. Детский городок, ныне Чапаева, 20). Впервые жилье студентов было обеспечено всеми коммунальными удобствами. В шести общежитиях и на частных квартирах, которые арендовал университет, жили 410 учащихся (70 % от всего числа студентов)²⁷.

Конечно, большую часть свободного времени студенты проводили не в скромно обставленных общежитиях, а в театрах, кино (в 1935 году универ-

ситет располагал 576 льготными театральными абонементом²⁸), в учебном корпусе или на свежем воздухе, занимаясь в различных кружках. Были здесь кружки текущей политики, хоровой, музыкальный, драматический, литературный, изобразительных искусств. В 1935/36 учебном году в университете организовали спортивную школу (отделения лыжное, конькобежное, легкой атлетики, физкультуры), построили тир. В 1936/37-м учебном году Свердловский университет занял первое место в соревновании четырех вузов Свердловска по стрельбе. Девять студентов университета обучались в школе пилотов им. И. Д. Кабакова, 141 — имели значок «Ворошиловский стрелок», 344 — «Противовоздушная и химическая оборона», 101 — «Готов к санитарной обороне», 352 — «Готов к труду и обороне». Зинаида Федоровна Торбакова также была ворошиловским стрелком. В мае 1936 года ей и военному руководителю университета Николаю Максимовичу Рыжову приказом наркома просвещения Андрея Сергеевича Бубнова была объявлена благодарность за хорошую постановку оборонной работы²⁹.

Итоговым показателем деятельности любого руководителя вуза по традиции считаются результаты выпускных экзаменов его студентов. В 1936/37-м учебном году к государственным экзаменам было допущено 186 человек. Из них 52 человека экзамены не выдержали, 31 получили дипломы первой степени, 103 — второй³⁰.

Дипломная работа студента химического факультета Б. Ф. Маркова «Экспериментальное исследование адсорбции ионов йода на ртути», выполненная под руководством выпускника Уральского университета 1925 года Олега Алексеевича Есина, оказалась серьезным научным открытием. Явление, обнаруженное студентом и профессором, получило на международной конференции по электрохимии в Канаде название «эффект Есина — Маркова». В дальнейшем Борис Федорович Марков стал доктором химических наук, его монография «Электрохимия расплавленных солей» была переведена на английский язык, издана в США.

По неполным данным, среди первых выпускников Свердловского университета — член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института геологии и геохимии Л. Н. Овчинников, девять докторов наук, в том числе крупнейший специалист в области математических задач квантовой физики А. Г. Сигалов, два первооткрывателя месторождений полезных ископаемых, в том числе Н. В. Шмелев, лауреат Сталинской премии, три заслуженных учителя школы РСФСР и отличник народного просвещения. Пятеро преподавали в Уральском политехническом институте, шестеро — в Уральском университете. Среди них Борис Викторович Падучев,

заведующий кафедрой теоретической физики, декан физико-математического факультета и проректор по учебной работе; Александр Александрович Меленцов, заведующий кафедрами математического анализа и теории функций, декан факультета повышения квалификации преподавателей математики. Всего этого, конечно, не могли знать члены комитета комсомола Свердловского университета, которые в 1937 году обвинили Торбакову в выпуске «бракованной продукции».

Тучи сгущались... Зинаида Федоровна тщетно пыталась обнаружить причины необязательности строителей, бюрократизма советских чиновников, хамства представителей органов социального обеспечения. Как она тосковала по сплоченности, товарищеской близости, которая царила в партийных организациях ее молодости! Куда это все ушло?

Объяснение — как партии, так и всей стране — предлагалось обескураживающе простое: «Вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств задела в той или иной степени все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные»³¹. Как дисциплинированный член партии Торбакова была обязана этому верить.

Требованием дня стало повышение бдительности. И вот уже Зинаиде Федоровне в распре профессоров чудится политическая подоплека, неявка на государственный экзамен студентки рассматривается, как результат классово чуждого влияния, религиозность преподавателя расценивается, как идеологическая диверсия, а все затруднения в строительстве университета связываются с засевшими в руководстве врагами народа.

Один за другим арестовывались учащиеся и преподаватели: апрель — сентябрь 1936 года — девять студентов физико-математического и геологического факультетов, август 1936-го — заведующий кафедрой общественных наук В. Е. Семенов, май 1937-го — доцент геологического факультета Е. Е. Попов, июнь 1937-го — на химическом факультете сразу двое: профессор Е. А. Крюгер и ассистент С. Ким³². Вопросов по поводу этих событий задавать было не принято.

Среди лиц, обвиненных в измене, оказался И. Д. Кабаков, первый секретарь Свердловского областного комитета ВКП(б). Зинаида Федоровна не раз бывала у него на приеме, обращалась с деловыми письмами — он серьезно помогал университету. Этого оказалось достаточным для обвинения Торбаковой в пособничестве врагам народа. 5 августа 1937 года Зинаида Федоровна была исключена из ВКП(б)³³, 3 сентября 1937-го уволена с работы.

Находясь под следствием, З. Ф. Торбакова активно пишет заявления во властные структуры, пытаясь и выстроить линию своей защиты, и

добиться, если не справедливости, то хоть какого-то снисхождения: «Не будучи в течение пяти лет в отпуске и заболев острым нервным воспалением лица, я так и не могла достать в областных организациях и лечебной комиссии путевку для лечения, несмотря на мое личное обращение к Кабакову. Этот факт подтверждает, что у врагов народа никакой материальной поддержки я не получала»³⁴.

На самом первом допросе Торбакова заявила, что обвинение во вредительской деятельности категорически отрицает. Еще не предполагала, видимо, тогда, что всего через 23 дня, 10 апреля 1938 года, согласится дать «признательные» показания³⁵.

Мотивировку признаний она объясняет в записке родным. Вот что они прочитали на полотняном лоскуте, найденном в подоле шубы, которую Зинаида Федоровна передала им из тюрьмы: «Мне предъявлена статья 58-7-10-11. [М. П.] Орахелашвили, [М. С.] Эпштейн, Русаков (Пермь), заведующий Областным отделом народного образования (Кавказ), [В. Е.] Семенов, студенты, [Е. А.] Крюгер, [Е. Е.] Попов показали, что я состою в органах правых, вела контрреволюционную работу. Ложь явная. Однако убеждают [в] интересах партии, страны [признаться]³⁶. Пережила и перенесла многое. В интересах семьи и будущего решила с меньшей тратой сил скорее выйти из тюрьмы. Так поступают большинство. Результат один и тот же, доказать ничего нельзя, только вредишь себе, сидеть по 8—9 месяцев без передач и свиданий в одиночках на хлебе и воде. Думала, не переживу. Вы должны понять. Вины у меня нет, для чего это делается — не знаем. Надо сделать все, чтобы быть вместе. Здесь оставаться не следует. Они охотно будут высылать такой народ, будут помогать устроиться, отказываться не надо. Если случится с Сашей [Александр Никитич Карпов, муж З. Ф. Торбаковой], надо поступать так же. Подлинные враги узнаются здесь по их поведению. Волкова сидит со мной 8 месяцев, результат тот же. Сидеть здесь жутко, не дождусь конца. Только бы быть вместе. Надо сохранить здоровье. Страшное у меня позади...»³⁷

В ходе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР Зинаида Федоровна Торбакова виновной себя признала полностью. В последнем слове просила учесть: она сумеет доказать, что больше врагом народа не будет³⁸.

Текст приговора, вынесенного 8 августа 1938 года, гласил: «Торбакова в 1935 году была завербована в контрреволюционную террористическую диверсионно-вредительскую организацию правых, действовавшую в Свердловской области, руководителем этой организации Кабаковым. Как участник контрреволюционной организации, Торбакова разделяла

террористические методы борьбы организации в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства и, занимая должность директора Свердловского госуниверситета, Торбакова проводила вредительскую деятельность в госуниверситете. Кроме этого, Торбакова там же создала три террористические группы для подготовки и совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства. Признавая Торбакову виновной в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-7, 58-8 и 58-22 УК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР, руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, приговорила Торбакову Зинаиду Федоровну к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества. Приговор окончательный и в силу постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежит немедленному исполнению³⁹.

Ей было 38 лет.

Дело было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 5 апреля 1958 года: «Приговор Военной коллегии от 8 августа 1938 года в отношении Торбаковой Зинаиды Федоровны по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено»⁴⁰.

¹ См.: Архивы Урала. 2006. № 9—10. С. 260.

² ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 5, л. 64.

³ См.: Архивы Урала. 2006. № 9—10. С. 265.

⁴ Архив музея истории УрГУ. Фонд. З. Ф. Торбаковой, д. 40, л. 260б.

⁵ См.: Архивы Урала. 2006. № 9—10. С. 263, 267.

⁶ Там же. С. 264.

⁷ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 10, л. 170б.

⁸ См.: Архивы Урала. 2006. № 9—10. С. 267.

⁹ См.: Очерки истории Уральского университета. — Свердловск, 1967. С. 32.

¹⁰ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 25656, л. 48.

¹¹ Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 40, л. 183.

¹² Там же. Д. 35.

¹³ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 10, л. 59; Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 35, л. 4.

¹⁴ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 5, л. 60.

¹⁵ Там же. Ф. 4, оп. 13, д. 418, л. 5.

¹⁶ Там же. Ф. 285, оп. 1, д. 11, л. 43.

¹⁷ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 25656, л. 44, 45.

¹⁸ Там же. Л. 113.

¹⁹ Архив музея истории УрГУ. Фонд И. И. Райхера, д. 72.

²⁰ Архив музея истории УрГУ. Фонд И. И. Райхера, д. 14.

²¹ Там же. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 35, л. 58. В 1937 году обед в студенческой столовой стоил 3 рубля, льготный одноразовый трамвайный билет 10 копеек, пара ботинок 100—120 рублей.

²² Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 35, л. 59.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 35, л. 60.

²⁵ Архив УрГУ. Св. 63. Личное дело М. В. Таборова.

²⁶ Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 40, в. ф. 1169.

²⁷ Там же. Д. 35, л. 56.

²⁸ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 31.

²⁹ Экспозиция музея истории УрГУ. В. ф. 190.

³⁰ Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 40, л. 108.

³¹ *Сталин И. В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. — М., 1954. С. 3.

³² ГААОСО, д. 19582, 17243.

³³ Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 38, в. ф. 1880.

³⁴ См.: Архивы Урала. 2006. № 9—10. С. 267.

³⁵ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 25656, л. 8.

³⁶ Обвинительные показания против З. Ф. Торбаковой давали студенты СГУ А. Н. Дорофеев, И. Н. Чигвинцев, ассистент М. Г. Корякин, секретарь партийной организации университета Р. А. Парфенов.

³⁷ Личный фонд С. И. Голикова.

³⁸ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 25656, л. 5об.

³⁹ Там же. Л. 58об.

⁴⁰ Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, в. ф. 3320.

Семен Матвеевич Евминов

**Исполняющий обязанности директора
Свердловского университета с 19 сентября 1937,
утвержден в должности директора
8 октября 1938 года, 28 мая 1939 года отозван**

С фотографии 1938 года

Май 1986 года жителям Новочеркасска, столицы донского казачества, запомнился строительными работами возле храма Александра Невского — на смену ветхому деревянному сооружению возводили каменное здание. И вряд ли кто-то из обывателей, кроме соседей и ближайшей родни, обратил внимание, что в семье маляра Матвея Евминова родился сын Семен...

Семен Матвеевич Евминов, очередной директор Свердловского государственного университета, был попросту лишен детства по причине ужасающей бедности родителей. Его отец не мог содержать семью, в которой было четверо детей. Так что Евминов-младший, окончив Новочеркасское церковноприходское училище, одиннадцати лет отроду «ушел в люди».

Работал маляром-кровельщиком в мастерских Владикавказской железной дороги, на станции Прохладная — это нынешняя Кабардино-Балкария. Затем двинул на Донбасс — был саночником, коногоном, забойщиком на Смоляниновской угольной шахте близ города Юзовка Екатеринославской губернии.

В 1916 году рядовой 90-го пехотного запасного полка Евминов смог окончить краткосрочные курсы учебной команды и был произведен в младшие унтер-офицеры. Правда, уже в марте 1917 года болезнь глаз позволила ему выйти в отставку.

В дни Октябрьской революции сочувствующий большевикам кровельщик одной из мельниц саратовских мучных королей братьев Шмидт С. М. Евминов выбивал юнкеров из городской управы. В мае 1918 года уже в качестве новоиспеченного члена РКП(б) Евминов принимал участие в ликвидации местного контрреволюционного восстания. Его заметили и в сентябре 1918 года избрали начальником штаба боевых дружин коммунистов Саратова.

Следующие два года на должности высокопоставленного сотрудника губернской милиции и губотдела уголовного розыска Евминов подавлял кулацкие восстания.

Потом в роли уполномоченного политбюро Дагестанского отдела ВЧК искал врагов народа в Махачкале. В 1921 году он перешел в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Работал в Махачкале, Самарканде, Твери.

В автобиографии С. М. Евминов перечисляет наиболее серьезные акции, проведенные с его участием: участие в районировании Дагестанской АССР и организация в ее округах работы советского аппарата, кадровая проверка чистоты партрядов в Твери. Здесь же, в Твери, в 1929 году вместе с сотрудниками местного отдела ОГПУ он разоблачил группу троцкистов на фабрике «Пролетарка», только что прогремевшей на всю страну объявлением «почина» общественных производственных смотров.

Тут, объективности ради, надо заметить, что особое рвение по борьбе с инакомыслием в тот период было отличительной чертой большинства коммунистических функционеров — ведь на основе решения XVI конференции ВКП(б) в стране развернулась чистка партийных и советских работников.

Все это время Евминов занимался самообразованием, в том числе изучал иностранные языки — английский и немецкий. В октябре 1930 года окончил курсы парттысячников по подготовке во втузы (Тверь), в июне 1937 года — аспирантуру Института математики и механики МГУ, после чего организовал лабораторию исследований напряжений оптическим методом, за что премирован.

В 1931 году Семен Матвеевич избран секретарем парторганизации Института математики и механики, членом парткома МГУ. Принимал активное участие в борьбе против всех тогдашних уклонов¹.

Уезжать из Москвы старшему научному сотруднику механико-математического факультета МГУ С. М. Евминову наверняка не хотелось. В разгаре были исследования пластических деформаций при помощи оптического метода. Кандидатскую диссертацию на тему «О центрах жесткости призматических брусьев» Евминов планировал закончить в январе 1938 года. Од-

нако выбирать в Народном комиссариате просвещения особенно было не из кого. Группа коммунистов с высшим образованием, не участвовавших в оппозициях и не имевших репрессированных родственников, катастрофически сокращалась.

Так на смену Зинаиде Федоровне Торбаковой пришел человек, не имевший опыта руководства учебными заведениями, но зато «идейно зрелый».

Вот каким увидели Семена Матвеевича Евминова некоторые студенты Свердловского государственного университета в сентябре 1937 года: «Плотный, коренастый, редковолосый, с мелкими глазами под высоким лбом и лицом слабо кирпичного цвета, который в старину называли апоплексическим»².

Перед Евминовым поставили задачу ликвидировать последствия вредительских действий в Свердловском государственном университете. И вот уже 20 июля 1938 года общее партийное собрание университета утвердило весьма лестную для С. М. Евминова характеристику.

Действительно, за время его работы в университете были открыты аспирантура, исторический факультет³, лаборатория исследований напряжений оптическим методом (сфера научных интересов Евминова), магнитная лаборатория, аэродинамический практикум, лаборатория при кафедре аналитической химии, специальный практикум по органической химии, кабинеты древней истории, истории народов СССР. Дополнительно оборудованы лаборатории электрохимии, коллоидной химии, переоборудована лаборатория кинетики, приобретен набор кристаллографических моделей.

И не мудрено, что в 1937/38-м учебном году, по сравнению с 1935/36-м годом, ассигнования по статьям «оборудование», «учебные расходы», «библиотека» выросли в 1,5—2 раза⁴.

При Евминове пришли в университет специалист в области изучения атомного ядра и элементарных частиц Д. Д. Иваненко и исследователь физики твердого тела А. А. Смирнов, выдающийся механик И. Г. Малкин и блестящий лектор, химик-органик В. И. Есафов. Впрочем, особой заслугой Евминова во всем этом нет: тот же Д. Д. Иваненко оказался в Свердловске, поскольку его выслали из Ленинграда, а И. Г. Малкин бежал на Урал из Казани, опасаясь репрессий.

Другое дело, что постановление Совнаркома СССР от 11 ноября 1937 года и еще одно постановление СНК — от 21 апреля 1938 года, отменившие почасовую оплату профессорско-преподавательского состава и введшие систему должностных окладов для педагогов и учебно-вспомогательного персонала, помогли новому директору оптимизировать привлечение к работе в вузе именно высококвалифицированные кадры.

Ряд проблем, доставшихся в наследство от З. Ф. Торбаковой, Евминов так и не смог решить. Научно-исследовательская работа все также срывалась из-за отсутствия постоянного и силового тока, приточно-вытяжной вентиляции. По-прежнему главки отказывались включать в планы заводов заявки университета на изготовление оборудования обсерватории. В результате из 129 400 рублей, ассигнованных на научно-исследовательскую работу, смогли использовать лишь 33 100⁵.

По банальной причине отсутствия бумаги — не смогли достать — 20 тыс. рублей, выделенных на издательскую деятельность, не были освоены. Так что «Ученые записки Свердловского государственного университета» не выходили.

Не были открыты кредиты на строительство дома для научных работников и студенческое общежитие. Прибывшие из других мест преподаватели ютились большей частью в плохо оборудованных студенческих общежитиях⁶.

Университет смог предоставить общежитие только 64 % студентов⁷. Как человек, хорошо знающий механизм действия тогдашней административно-командной системы, для решения университетских проблем С. М. Евминов неоднократно обращался с ходатайствами в Народный комиссариат просвещения, Комитет по делам высшей школы, Свердловский обком ВКП(б), Свердловский городской Совет депутатов трудящихся. И даже был настойчив в своих просьбах: шутка сказать, но из 636 дней, которые Семен Матвеевич пробыл на посту директора Свердловского государственного университета, 233 он провел в командировках.

Только вот эффективность его деятельности была крайне низкая: в 1938 году на командировки административного персонала было ассигновано 9 тыс. рублей, а истрчено 16 864 — из них 8 тыс. израсходовал сам директор⁸.

Большинство преподавателей и студентов пользы от этих поездок не видели, а некоторые приказы Народного комиссариата просвещения, принятые по настоянию С. М. Евминова, вызвали в университете резко отрицательную оценку.

К таковому прежде всего относится решение передать в Пермский университет геологический факультет (1938), принятое в результате обращений в высшие эшелоны власти, где тогда шло обсуждение профилей ведущих высших учреждений страны: директор СГУ, выражая мнение всего университетского коллектива, ходатайствовал об открытии в вузе исторического факультета — вопрос решили положительно, но... за счет потери геологического факультета.

Конечно, объяснение этому можно было найти, сославшись на Постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 года, требовавшее ликвидировать параллелизм в подготовке кадров. К тому же в Свердловске на тот момент отсутствовали высококвалифицированные специалисты, которые могли бы руководить кафедрами исторической геологии и минералогии — последнее было результатом арестов 1937 года. Но директор даже не пожелал обсуждать эти проблемы с коллективом университета. Попытки высказать критические замечания по поводу деятельности директора натыкались на грубость с его стороны⁹.

Определенное представление о стиле руководства С. М. Евминова дают воспоминания выпускника химического факультета 1941 года И. И. Райхера, который осенью 1938 года был избран членом комитета ВЛКСМ Свердловского госуниверситета: «У ближайшего нашего соседа, горного института, что-то не получилось с очередным набором. И начали горняки-соседи сманивать наших студентов на маркшейдерское отделение двойной, против нашей, стипендией. Ну, понятное дело, “и потекли людские толпы”. И довольно много утекло... По такой причине я и был вызван “на ковер”. Хотя последний в пустом кабинете отсутствовал, мода на ковры еще не пришла. В углу стоял мощный письменный стол под зеленым сукном, покрытым полированным стеклом, а на пустом столе — только телефон и большой бронзовый медведь, величиной с доброго котенка.

Я сидел в глубоком кресле по стойке (вернее, “по сиделке”) смирно и пялился на нашего предводителя. Он начал спокойно и даже с жалобинкой в голосе — вот, мол, как нехорошо поступили соседи, не подготовились к набору, а теперь действуют довольно нахально. Потом ректор начал разогреваться: “А где наш комсомол? Почему не организовал отпор, почему не провел, почему да почему?”.

Лицо его покрипичневело сильнее. “Вот сейчас его апоплексический удар и хватит”, — подумал я, грешным делом. И в самом деле, ему стало нехорошо. Он привстал, неловко упершись в бронзовеющего на осеннем солнце медведя. А тот возьми и покатысь по зеркальному столу в мою сторону. Ухватить его я все же успел. Ректор сразу оправился, выпрямился и даже пробормотал что-то извинительное...»¹⁰

Отсутствие у С. М. Евминова навыков демократического общения с подчиненными привело к трагедии. С 1934 года на кафедре теоретической механики Свердловского государственного университета преподавал комсомолец Степан Сергеевич Вартанов. У него была репутация влюбленного в науку, усердно осваивающего педагогическое мастерство честного, но болезненно самолюбивого и вспыльчивого человека. Студенты знали, что к

нему можно в любое время обратиться как по вопросам учебного, так и бытового порядка (скажем, добиться установки кипятильников в общежитии или навести порядок в буфете).

28 ноября 1938 года депутатская группа Ленинского райсовета, возглавляемая С. С. Вартановым, получила задание проверить готовность Свердловского государственного университета к экзаменационной сессии. От студентов поступали сигналы: не было расписания консультаций на химическом факультете, плана экзаменов на историческом факультете, не работала студенческая столовая.

В действиях С. С. Вартанова директор, видимо, усмотрел покушение на свои права единоличного хозяина вуза. Было отдано распоряжение: никаких сведений депутатской группе не давать, пока она не получит разрешение на проверку из Народного комиссариата просвещения¹¹. С. С. Вартанов директор просто выгнал из своего кабинета. Следующий месяц был заполнен бесконечными придирами. В ход шло все: отсутствие Степана Сергеевича на заседании кафедры (к слову сказать, заседание носило чисто формальный характер: принимали социалистические обязательства), минутное опоздание на семинарские занятия.

4 января 1939 года С. С. Вартанов на профсоюзном собрании научных работников заявил, что директор не желает прислушиваться к голосу общественности. Реакция С. М. Евминова последовала незамедлительно: он пригрозил, что будет ходатайствовать перед Народным комиссариатом просвещения РСФСР о лишении Вартанова звания старшего преподавателя.

Во время зимних каникул 27 января 1939 года С. С. Вартанов выехал в Москву для ознакомления с новейшей математической литературой. Свою командировку он согласовал с заведующим своей кафедры и передал письменное заявление по этому вопросу на имя заместителя директора Семена Михайловича Тарги. Сам Евминов в это время пребывал в столице.

5 февраля 1939 года директор отдает приказ: С. С. Вартанова за самовольный выезд в Москву уволить и выселить из общежития¹².

Клавдия Александровна Бархатова, выпускница физико-математического факультета Свердловского университета 1941 года, вспоминает: «1939 год. Начало второго семестра. Комсомольское собрание университета. Открывается дверь, врывается возбужденный Вартанов и обращается ко всем присутствующим с просьбой о защите...»¹³

И вот 8 февраля 1939 года комитет комсомола университета принял решение, что Вартанова нельзя считать прогульщиком. Директор остался при своем мнении. 13 февраля 1939 года инспектор Свердловского областного комитета профсоюзов признал увольнение законным.

Ну а 14 февраля в поведении Вартанова были замечены признаки умственного расстройства. 15 февраля его увезли в больницу, а 27 февраля он скончался.

С. М. Евминов наотрез отказался дать средства на похороны, заявив: «Прогульщикам — никакой поблажки».

Университет бурлил. На лекциях предлагали почтить память Степана Сергеевича Вартанова вставанием. Студенты и преподаватели собрали на похороны 1300 рублей. В последний путь проводить Вартанова собрались почти все преподаватели и студенты университета. Пришли и те, кто лично не знал Вартанова, но хотели продемонстрировать сочувствие жертве произвола¹⁴. 29 ноября 1939 года народный комиссар просвещения РСФСР отменил приказ об увольнении С. С. Вартанова¹⁵.

С. М. Евминов сидел в своем кабинете как в осажденной крепости и не знал, что делать. В марте 1939 года Ленинским районным комитетом ВКП(б) была организована комиссия, обследовавшая состояние дел в Свердловском университете. Комиссия пришла к следующим выводам:

1. Директор С. М. Евминов проявил невнимание к деятельности заочного сектора, организации экзаменационной сессии, научно-исследовательской работы, научному росту работников.

2. С. М. Евминов покровительствовал антигосударственной практике профессоров, оканчивавших курс лекций раньше срока, тем ломавших твердое расписание.

3. Существуют группы научных работников, приближенных к С. М. Евминову, и ряд научных работников, критикующих дирекцию. Последние подвергаются преследованиям.

4. Налицо зажим критики, грубость по отношению к научным сотрудникам и студентам со стороны С. М. Евминова.

5. Игнорирование С. М. Евминовым парткома, месткома, комитета ВЛКСМ, депутатской группы.

6. Использование С. М. Евминовым власти в корыстных целях: незаконное получение компенсации за неиспользованный отпуск. Нарушение финансовой дисциплины: заказ лабораторного оборудования частным лицам без надлежащего оформления счетов.

7. С. М. Евминов не авторитетен среди большинства научных сотрудников и всех студентов.

8. На комсомольском собрании студенты требовали отдать С. М. Евминова под суд¹⁶.

Евминова вывели из состава парткома Свердловского государственного университета; 10 марта 1939 года Ленинский районный комитет ВКП(б) объявил ему строгий выговор¹⁷. 28 мая 1939 года Семен Матвеевич Евми-

нов был освобожден от обязанностей директора Свердловского государственного университета¹⁸. Исполнение обязанностей временно возложено на декана истфака и одновременно замдиректора по научно-учебной части Н. Н. Шатагина¹⁹.

По непроверенным данным, в октябре 1940 года Семен Матвеевич Евминов умер.

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 24720/153903.

² *Райхер И. И.* Из воспоминаний студента 30-х годов // Уральский государственный университет в воспоминаниях. — Екатеринбург, 2000. С. 67.

³ Открыть исторический факультет просила Народный комиссариат просвещения РСФСР еще З. Ф. Торбакова в 1937 году (см.: Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 40, л. 198об.).

⁴ ЦДООСО, ф. 285, оп. 2, д. 8, л. 15.

⁵ ГАРФ, ф. 8080, оп. 1, д. 327, л. 15.

⁶ ЦДООСО, ф. 285, оп. 2, д. 8, л. 153.

⁷ Там же. Л. 155.

⁸ ГАРФ, ф. 8080, оп. 1, д. 327, л. 15.

⁹ См.: *Качев П.* Еще раз о Свердловском университете // Урал. рабочий. 1938. 14 мая.

¹⁰ *Райхер И. И.* Указ. соч. С. 67.

¹¹ ЦДООСО, ф. 61, оп. 2, д. 1193, л. 3.

¹² Архив УрГУ. Св. 4. Личное дело С. С. Вартанова, л. 55.

¹³ Архив музея истории УрГУ. Фонд С. С. Вартанова, д. 21.

¹⁴ ЦДООСО, ф. 61, оп. 2, д. 1193, л. 37.

¹⁵ Архив УрГУ. Св. 4. Личное дело С. С. Вартанова, л. 64.

¹⁶ ЦДООСО, ф. 285, оп. 2, д. 8, л. 144.

¹⁷ Там же. Л. 146.

¹⁸ Архив музея истории УрГУ. Фонд С. М. Евминова.

¹⁹ См.: Черноухов А. В. Исторический факультет Свердловского университета (1938—1945). — Екатеринбург, 2008. С. 16.

Николай Павлович Попов

**Директор Свердловского университета
с 29 июля 1939 по 26 ноября 1941 года**

С фотографии 1940 года

Николай Павлович Попов начал исполнять обязанности директора Свердловского университета с 15 июля 1939 года. Рекомендован на этот пост Свердловским обкомом партии, в штате которого тогда состоял, а утвержден в должности решением ЦК ВКП(б), где его также помнили по работе в аппарате отдела пропаганды. При этом его кандидатура не во всем соответствовала тогдашним требованиям, предъявляемым к директору вуза. Ведь согласно Постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» от 23 июня 1936 года «директорами высших учебных заведений могут быть лишь лица, имеющие законченное высшее образование и опыт научно-педагогической и производственной работы в данной отрасли»¹. А Николай Павлович законченного высшего образования не имел, хотя и дважды начинал учебу в вузах: учился на историко-партийном отделении Ленинградского коммунистического университета (1928—1931) и в Институте красной профессуры (1936—1938). Но оба раза по не зависящим от него причинам доучиться до получения диплома не смог. В первом случае Попова мобилизовали с третьего курса на строительство Ярославского резиново-асбестового комбината — крупнейшего на территории СССР подошвенного предприятия, а Институт красной профессуры, где он учился на втором курсе, просто ликвидировали.

Впрочем, для крестьянского паренька образование Николай Павлович получил неплохое.

Н. П. Попов родился в августе 1903 года в деревне Большое Кузнецово Рыбинского уезда Ярославской губернии. Мать занималась земледелием. Отец на зиму уходил в Петербург, где работал пекарем, продавцом, приказчиком. У семейства хватило средств пять лет учить Николая в земской школе и три года в Шубино-Вахтинской сельскохозяйственной школе, которую он окончил в 1919 году по специальности «Агроном». Учился он, видимо, неплохо. По крайней мере, сохранившиеся в его архиве собственноручно написанные тексты выполнены красивым, витиеватым почерком, без грамматических ошибок.

«Путевку в жизнь» Николаю Павловичу Попову дал комсомол. В 1923 году, вступив в эту организацию, Николай сразу оказался на руководящих постах: возглавлял Милюшинскую сельскую ячейку ВЛКСМ (1923), был секретарем Огарковского волостного комитета ВЛКСМ (1924).

Осенью 1924 года Огарковским волкомом РКП(б) Н. П. Попов командирован на учебу в Ярославскую губернскую совпартшколу. Здесь в 1925 году его приняли в ряды РКП(б). Одновременно с учебой в совпартшколе Попов работал штатным пропагандистом Ярославского губкома ВКП(б). Судя по успешному карьерному росту, он оказался хорошим оратором и организатором. На протяжении следующих четырнадцати лет Николай Павлович прошел путь от заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом Ярославского губкома ВЛКСМ (1925—1928) до инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (1938) и заведующего отделом пропаганды и агитации Свердловского обкома ВКП(б) (1938—1939).

Был у него и опыт педагогической деятельности. С 1928 по 1931 год он работал преподавателем общественных наук и заведующим учебной частью школы-девятилетки и медицинского техникума в Ярославле².

Вот какой словесный портрет Николая Павловича Попова оставил уже упоминавшийся выпускник химического факультета Свердловского университета 1941 года И. И. Райхер: «Мужчина крупный, с такими же чертами лица. Брюнет, очень смуглый. Модный галстук в пеструю косую клетку завязан толстым узлом»³.

К новой и престижной для себя работе Попов приступил с вполне объяснимым энтузиазмом. Лично знакомился с первокурсниками. Интересовался их нуждами и настроениями.

В первые же месяцы работы в университете авторитет директора Н. П. Попова подвергся серьезным испытаниям.

Все началось с избирательной кампании в местные органы самоуправления, которая была развернута в ноябре — декабре 1939 года. Партийный комитет университета (куда входил и Н. П. Попов) выдвинул кандидатом в

депутаты Ленинского районного Совета студентку 2-го курса исторического факультета Александру Мосину, а комсомольцы этого же курса истфака Владимир Адамов, Иван Палатовский, Василий Попов, Зиновий Донец и Полина Обухова предложили избрать другого своего однокурсника – Николая Индукаева.

Мосина получила 32 голоса, Индукаев — 39, четыре человека воздержались⁴. Свою роль, по-видимому, сыграло то, что Мосина была намного старше однокурсников. Держалась особняком, не поддерживая товарищеских отношений с однокашниками. Возможно, ее предыдущая профессия — секретарь суда — сделала ее особенно осторожной и недоверчивой. Индукаев же был комсоргом (1938), председателем профкома (1939), имел опыт работы бухгалтером и этим мог быть особенно полезен в качестве депутата райсовета.

Зиновий Иванович Донец, секретарь комсомольской организации истфака, вспоминает: «Николай был человек прямой, открытый и честный, очень остро реагировал на притворство, фальшь. Он ненавидел аллилуйщиков, льстецов и холопов и не скрывал этого и тогда, когда холопство и притворство для очень многих было нормой поведения»⁵. Николай Индукаев на заседании партбюро упрекал директора Н. П. Попова: «Почему вы заставили меня отказаться от баллотировки? Если бы агентства Рейтер и Гавас знали о нашем собрании, то это дало бы большой материал против конституции, и они поддержали бы нас»⁶.

Комсорг Зиновий Донец запальчиво кричал: «Мы будем критиковать, и нам никто рот не заткнет. Старцев [секретарь партийной организации университета] и Попов [директор университета] — не партия, и вовсе не означает, товарищ Попов, что если Вы утверждены ЦК, то мы должны Вам целиком верить... Мы знаем, что в ЦК были враги народа. Для меня авторитет только товарищ Сталин...»⁷ Спустя 15 дней после «исторического» собрания на историческом факультете решением бюро Свердловского обкома ВЛКСМ Зиновий Донец был исключен из комсомола за «антипартийное выступление». По свидетельству однокурсницы Донца Ники Семеновны Печатальщиков, студенты истфака отправили в обком ВЛКСМ петицию, в которой требовали восстановить Донца в комсомоле. Однако 7 декабря опальный комсорг был исключен из университета.

Пятьдесят лет спустя директор средней школы, кавалер ордена «Знак Почета» Зиновий Иванович Донец так оценил случившееся: «До сих пор благодарен ректору за мотивировку исключения: “за грубость”. А ведь мог (да еще как мог!) мотивировать иначе. И тогда вряд ли не был я с Колей

Индукаевым»⁸. (Н. П. Индукаев был арестован летом 1941 года и осужден на 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере⁹.)

Репутацию человека внимательного к людям Николай Павлович Попов подтверждал еще не раз. Так, в 1941 году он привез из Москвы старшему лаборанту исторического кабинета Галине Александровне Кулагиной дефицитный в то время предмет — одеяло для ее новорожденного сына. При оценке этого поступка надо иметь в виду, что свекор Галины Александровны Кулагиной был расстрелян в 1937 году как враг народа.

Близилось к завершению строительство 24-квартирного благоустроенного жилого дома для преподавателей (ул. Степана Разина)¹⁰.

Появилась возможность пригласить преподавателей для открывшегося в 1940 году филологического факультета¹¹.

Число преподавателей возросло с 66 (март 1939) до 79 (сентябрь 1940). Доля совместителей уменьшилась с 28,8 до 22,8 %¹².

С сентября 1940 года кафедрой физической химии стал заведовать доктор химических наук Сергей Васильевич Карпачев, в будущем один из основателей уральской научной школы электрохимии, ректор Уральского государственного университета (1956—1963).

29 апреля 1941 года в Казанском университете защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретико-множественное покрытие группы подгруппами» первый университетский «доморощенный» доктор физико-математических наук Петр Григорьевич Конторович. Петр Григорьевич станет основателем научной свердловской алгебраической школы.

Рабочий день Николая Павловича Попова был заполнен повседневной «текучкой». Но находилось время и для таких серьезных дел, как организация эксперимента по введению режима свободного посещения студентами части лекций — с подведением его итогов. Директор регулярно посещал экзамены и руководил ученым советом университета, контролировал проведение методических и научных конференций.

В ноябре 1940 года ученый совет университета совместно с партийной и общественными организациями провели открытое заседание, посвященное 120-летию со дня рождения Фридриха Энгельса.

В феврале 1941 года недавно открытый историко-филологический факультет Свердловского государственного университета и Свердловский литературный музей организовали конференцию, посвященную творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка¹³.

В апреле 1941 года состоялась конференция по философским вопросам происхождения жизни на Земле.

Как итог научной деятельности преподавателей и студентов университета под руководством Николая Павловича Попова можно рассматривать появление в мае 1941 года физико-математического и химического выпусков «Ученых записок Свердловского государственного университета».

По мнению секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. С. Пустовалова, за два года Н. П. Попову удалось значительно улучшить работу университета¹⁴.

Между тем это было время, когда германский фашизм вероломно готовился напасть на нашу страну. Еще только 3 июня 1941 года Попов выносит благодарность 26 студенткам Свердловского государственного университета, окончившим без отрыва от основной учебы двухгодичную школу медицинских сестер, а через месяц фамилии этих девушек появятся в приказах директора университета, сопровождаемые одной из самых распространенных формулировок того времени: «отчислить из университета в связи с призывом в Рабоче-крестьянскую Красную армию».

Вот как описывает 22 июня 1941 года выпускник химического факультета Исаак Иосифович Райхер: «Несмотря на то, что занятия давно закончились и день воскресный, в университетском актовом зале народ толпился. Хотелось знать, что делать нам, выпускникам, с одним экзаменом на шее? Все разъяснил директор в двух словах: “Сессия продолжается на всех курсах. После окончания государственных экзаменов выпускники-иногородние никуда не разъезжаются без моего разрешения, военнообязанные — без разрешения военкомата...”»¹⁵

Владимир Васильевич Адамов, участник Великой Отечественной войны, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории СССР, проработавший в Уральском университете всю жизнь, оставил воспоминания о первых днях войны. Он пишет: «В партийном бюро университета было установлено круглосуточное дежурство. Коммунисты и комсомольский актив держали постоянную связь с бюро, сразу докладывая о выполненных поручениях и получая новые задания.

На первом заседании партийного бюро был произведен общий смотр расстановки партийных сил и намечены как необходимые немедленные перемещения, так и перемещения, каких может потребовать обстановка в будущем. Усилен был состав агитаторов и пропагандистов с целью проведения, если понадобится, ежедневных бесед в группах, общежитиях и других подразделениях университета.

23 июня 1941 года состоялся общеуниверситетский митинг. Он был открыт сообщением директора Н. П. Попова о задачах университета в связи с фашистской агрессией»¹⁶. Николай Павлович говорил о вероломном

нападении на нашу Родину фашистских вандалов и призывал всю молодежь университета принять горячее участие в Отечественной войне. На протяжении первых 22 месяцев войны в рядах Красной армии окажутся 158 преподавателей, сотрудников, студентов университета¹⁷.

Задачей директора университета стало выполнение постановлений политбюро ЦК ВКП(б), указов Верховного Совета СССР, приказов Народного комиссариата просвещения РСФСР военного времени. Надо было организовать переход на трехлетний срок обучения, военную подготовку студентов, создать бригады научных сотрудников для выполнения оборонных заданий, обеспечить выполнение указа о всеобщей трудовой повинности. Уже в июле студенты участвовали в строительстве Алапаевского станко-строительного завода, в сентябре — в уборке урожая; всего в 1941 году на предприятиях и стройках Урала работало 500 студентов — из 980, учившихся в СГУ.

Необходимо было обеспечить выполнение постановлений о помощи больным и раненым бойцам Красной армии, семьям фронтовиков. В октябре 1941 года без отрыва от учебы 25 студенток университета окончили курсы медицинских сестер. Университет шефствовал над госпиталем 17/Об: выделил для него мебель. Студентки университета стали медицинскими сестрами. В госпитале регулярно читались лекции, проводились концерты. Ход сбора средств в фонд обороны нужно было контролировать. В 1941 году, кроме подписки на заем, которая составила 140 % к фонду заработной платы и стипендии, университетский коллектив перечислил на нужды фронта однодневный заработок и собрал около 500 теплых вещей.

В сентябре 1941 года пришлось закрывать заочное отделение университета, прекратить прием в аспирантуру.

Уже в июле 1941 года на Урал начали прибывать беженцы. Университет должен был принять около 100 студентов из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Днепропетровска, Минска. Семи преподавателям из Московского и Ленинградского университетов, Московского института истории философии и литературы, Ленинградского педагогического института надо было найти в университете работу.

Эвакуированные студенты и преподаватели нуждались в жилье, одежде, питании. Это было непросто, если вспомнить, что за 1941—1942 годы население Свердловска увеличилось на 21,8 %¹⁸, на территории Свердловска было размещено несколько десятков вывезенных из зоны сражений промышленных предприятий¹⁹.

1 сентября 1941 года по приказу Народных комиссариатов вооружения СССР и просвещения РСФСР учебный корпус Свердловского университета, три общежития, жилые дома со всем хозяйственным инвентарем, транспорт (7 автомашин, 6 лошадей) были переданы заводу № 217, изготавливавшему прицелы для боевой техники.

Университету же отвели небольшое двухэтажное здание бывшего института журналистики (пр. Ленина, 13 б). Институт журналистики на правах факультета 28 августа 1941 года был включен в состав университета. Кроме того, СГУ передали два маленьких общежития (ул. 8 Марта, 3 и ул. Гоголя, 11). Они были рассчитаны на 100 человек. Всего же в университете в 1941/42-м учебном году учились 870 человек²⁰. Учебные площади университета уменьшились в 5, жилые в 7 раз²¹.

Большую часть иногородних студентов пришлось размещать по частным квартирам, арендованным университетом.

Чем это иногда заканчивалось, видно из дневника выпускницы филологического факультета 1945 года Тамары Витальевны Токмачевой-Мининой: «Октябрь 1941 г. Поселили нас с подружкой на ВИЗе в бывшей частной бане с хозяйкой и ее тремя маленькими детьми... Грязь, вонь... Вскоре у нас украли в колхозе заработанные продукты... В отчаянии пошли к директору университета отчисляться. Выслушав нас, Николай Павлович воскликнул: “Что же вы раньше не приходили, девицы-красавицы?” И отдал приказ о поселении нас в общежитии по улице 8 Марта, 3»²².

Это было одно из последних добрых дел, которые Николай Павлович Попов совершил в должности директора Свердловского государственного университета. 26 ноября 1941 года директор университета Н. П. Попов подписал приказ: «Сего числа выбываю в РККА»²³.

Окончив в апреле 1942 года Высшие курсы усовершенствования политического состава Уральского военного округа, он отбыл в действующую армию.

Вот послужной список политработника Н. П. Попова: инструктор политотдела 24-й армии и политического управления Южного фронта (апрель — август 1942), лектор политического управления Северной группы войск Закавказского фронта (август 1942 — январь 1943), Северо-Кавказского фронта (январь 1943 — январь 1944), заместитель начальника отдела агитации и пропаганды политического управления Северо-Кавказского военного округа (январь — сентябрь 1944), начальник политического отдела Краснодарского артиллерийского минометного училища Северо-Кавказского (Кубанского) военного округа (сентябрь 1944 — апрель 1946). Перед фронтами, на которых воевал Николай Павлович Попов

в 1942 году, стояла задача остановить немецко-фашистскую группу армий «А», измотать ее в оборонительных боях и подготовить условия для перехода в наступление. Советские войска остановили врага на подступах к Орджоникидзе, ликвидировали угрозу выхода противника на южные склоны перевалов центральной части Главного Кавказского хребта и в его западной части — на туапсинском направлении. Понеся большие потери, немецко-фашистские войска прекратили наступление.

Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой было награждено около 600 тыс. человек²⁴. В их числе подполковник Николай Павлович Попов. Среди наград Николая Павловича также медаль «За отвагу». Ею награждали воинов, проявивших личное мужество при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни. Разумеется, была у него и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В апреле 1946 года Свердловский обком ВКП(б), учитывая деловые и политические качества, опыт административно-политической работы и широкую популярность среди научных работников, направляет Н. П. Попова на должность проректора по учебной и научной работе Уральского государственного университета. Кроме того, он исполняет обязанности доцента кафедры марксизма-ленинизма университета. У него слава одного из лучших лекторов Свердловска. По-прежнему он известен как человек, который готов встать на защиту интересов студентов, например, в спорной ситуации решить вопрос о стипендии в пользу учащегося.

Но... В анкетах Николая Павловича в графе «образование» стояло — «незаконченное высшее». А лицо, занимающее руководящий пост в университете, как уже было сказано, должно было обязательно иметь законченное высшее образование.

В 1947 году Николаю Павловичу Попову вручают диплом об окончании в порядке экстерната отделения журналистики Уральского университета.

Существуют разные свидетельства о степени законности получения этого документа. Например, преподаватель Валентина Николаевна Светлова свидетельствует, что принимала экзамены у Н. П. Попова. И не делала при этом никаких поправок.

Но существует другой документ — постановление Свердловского обкома ВКП(б) от 25 октября 1949 года, в котором говорится: «В результате слабого воспитания коммунистов в духе большевистской принципиальности, критики и самокритики имеются случаи проявления карьеризма со стороны ряда руководящих работников, обмана ими партийных и советских органов, использования служебного положения в корыстных целях.

Например, бывший заведующий отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) Степанович, будучи в 1947 году секретарем партийной организации Уральского университета, вместе с группой других работников: бывшим заведующим отделом пропаганды и агитации Свердловского горкома Панфиловым, бывшим заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды обкома Шумиловым, бывшим проректором университета Поповым, бывшим деканом и заведующим отделением журналистики Волынским, бывшим заведующим кафедрой теории и практики советской печати этого же отделения Пятницким незаконно, используя служебное положение, а также приятельские связи, не сдавая зачетов, государственных экзаменов, не защищая дипломных работ, получили дипломы об окончании в порядке экстерната отделения журналистики Уральского университета...»²⁵

В момент принятия этого постановления Н. П. Попов был уже далеко от Урала — в Молдавии. Исполнял там те же обязанности, что и в Свердловске: проректора по учебной и научной работе Кишиневского университета, но очень недолго (сентябрь 1949 — январь 1950).

Для Н. П. Попова наступили тяжелые времена. С января 1950 по ноябрь 1951 года он вообще не работает. В дальнейшем его, видимо, выручают знакомства в военных кругах. С ноября 1951 по ноябрь 1954 года Попов заведует учебной частью вечерних университетов марксизма-ленинизма окружного Дома офицеров и гарнизонного Дома офицеров Северо-Кавказского военного округа. До пенсии он дорабатывает на должности преподавателя марксизма-ленинизма педагогического института в Краснодаре (сентябрь 1954 — сентябрь 1963).

После войны награжден несколькими юбилейными медалями, знаком «50 лет пребывания в КПСС».

Скончался в январе 1986 года в Краснодаре²⁶.

¹ КПСС о культуре, просвещении и науке: Сб. док. М., 1963. С. 389.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 39929/222739.

³ Архив музея истории УрГУ. Фонд И. И. Райхера, д. 72.

⁴ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 15800, л. 45.

⁵ Архив музея истории УрГУ, д. 12. Письмо З. И. Донца от 3 января 1990 года.

⁶ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 15800, л. 46.

⁷ Там же. Л. 47.

⁸ Уральский университет. 1990. 26 февр.

⁹ См. об этом также: Черноухов А. В. Исторический факультет Свердловского университета. — Екатеринбург, 2008. С. 32—44.

¹⁰ Строительство 24-квартирного дома для преподавателей университета начато по ходатайству З. Ф. Торбаковой в 1937 году.

¹¹ Вопрос об открытии филологического факультета поднимала в 1937 году З. Ф. Торбакова (см.: Архив музея истории УрГУ. Фонд З. Ф. Торбаковой, д. 40, л. 198об.).

¹² Архив музея истории УрГУ, д. 21а, л. 1—5об.

¹³ См.: Лукьянин В. П., Никулина М. П. Литературный квартал. — Екатеринбург, 2008. С. 34.

¹⁴ Архив УрГУ. Личное дело Н. П. Попова, л. 47.

¹⁵ Сражались за Родину: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в документах: Кн. для чтения по истории. — Екатеринбург, 2000. С. 38.

¹⁶ *Адамов В. В.* Уральский университет им. А. М. Горького в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу: Сб. науч. тр. — Екатеринбург, 1996. С. 9.

¹⁷ См.: Сталинец. 1943. 1 мая.

¹⁸ См.: *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г.* Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Изв. Урал. гос. ун-та. 1998. № 9. С. 98.

¹⁹ См.: Екатеринбург: Энцикл. — Екатеринбург, 2002. С. 669.

²⁰ Архив музея истории УрГУ, д. 107, л. 1.

²¹ См.: Очерки истории Уральского университета. — Свердловск, 1967. С. 38.

²² Архив музея истории УрГУ, д. 79, л. 3.

²³ Архив УрГУ. Личное дело Н. П. Попова, л. 32.

²⁴ См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Слов.-справ. — М., 1988. С. 207.

²⁵ ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 7, л. 2.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 39929/222739.

Андрей Федорович Елютин

Ректор Свердловского университета
с 26 декабря 1941 по май 1944 года

С фотографии 1940 года

Опыт руководства вузами у Андрея Федоровича Елютина к моменту его прихода в СГУ уже был: он успел поруководить Калининским (1937—1939) и Свердловским (1939—1941) педагогическими институтами...

Личность Андрея Федоровича формировалась под влиянием двух факторов: семейного конфликта, пережитого в детстве, и революции, свидетелем и участником которой он был в отроческом возрасте.

Семейный конфликт имел ярко выраженную социальную окраску. Андрей Федорович Елютин родился в деревне Каменка Сергачевского уезда Нижегородской губернии. После гибели в 1904 году на русско-японской войне отца двухлетний Андрюша и его мать были изгнаны из семейства мужа. На протяжении 13 лет Прасковья Ивановна Елютина безрезультатно судилась со свекром, требуя выделить ей часть имущества и надел земли убитого мужа. Единственным источником существования женщины и ее сына была работа по найму у помещиков и кулаков.

Работать Андрей Федорович начал с девяти лет, помогая летом дядям в кустарном производстве кирпичей. Осенью и зимой 1909—1914 годов учился в начальной школе, что находилась в соседнем селе. Каждый день, чтобы добраться до нее, ему приходилось вышагать четыре километра.

Следующую ступень в лестнице просвещения Елютин одолел, одновременно работая каменщиком, затем помощником слесаря в управлении по

делам строительства железнодорожных мастерских депо станции Сергач Московско-Казанской железной дороги, десятником лесного склада при этой станции. К июню 1918 года Андрей Федорович окончил экстерном школу второй ступени.

Станция Сергач была в 1917—1920 годах местом скопления большого количества поездов с красноармейцами. Тут ежедневно происходило несколько собраний и митингов. Елютин и сам выступал с призывами защитить советскую республику¹. К этому времени он был уже хорошо теоретически подкован: запоем читал большевистскую литературу. В 1918 году Елютина избирают председателем комитета бедноты Сергачевского уезда. Это шестнадцать лет от роду!

В 1919 году член Сергачевского волостного Совета рабочих и крестьянских депутатов Андрей Елютин был назначен членом уездной следственной комиссии. В РКП(б) его приняли в 1919 году. Следующие пять лет заняты работой на постах секретарей комитетов РКП(б) Ардатовского, Варнавинского, Ветлужского уездов Нижегородской губернии, а также заведующего райфинотделом в поселке Растяпино Нижегородской губернии.

В августе 1925 года Елютин оканчивает курсы марксизма-ленинизма при Нижегородском губкоме РКП(б) и поступает в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова в Москве. Одновременно преподает политэкономии, диалектический материализм и ленинизм в промышленно-экономическом техникуме, педагогическом техникуме и на педагогических курсах, участвует в составлении программы курса «Диалектический материализм», публикует несколько учебно-методических статей в журнале «За педагогические кадры». Напряженная работа приводит к заболеванию туберкулезом в открытой форме.

В 1928 году выпускника Коммунистического университета А. Ф. Елютина назначают заведующим Коломенским окружным отделом народного образования (1928—1930), а затем директором педагогического техникума в городе Загорске (1930—1935). В 1929—1933 годах Елютин — член и председатель комиссии по чистке рядов ВКП(б). В 1935 году Андрей Федорович заочно оканчивает Институт красной профессуры по специальности — преподаватель философии. После этого ЦК ВКП(б) направляет его в Калининскую область в качестве заместителя заведующего областным отделом народного образования (1935—1937). Далее он руководит Калининским и Свердловским педагогическими институтами, Свердловским университетом.

Кроме основной работы с 1928 года занимается преподаванием ленинизма и философии. Разумеется, состоит членом различных выборных организаций: кандидатом в члены Горьковского губкома ВКП(б), Свердловского горкома ВКП(б), Калининского обкома ВКП(б), членом Коломенского окрисполкома, Калининского обкома профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, депутатом Ленинского райсовета города Свердловска.

Его работой были довольны. Он неоднократно премировался, в том числе и денежной премией Наркоматом просвещения РСФСР в октябре 1938 года за успешное выполнение плана строительства нового здания Калининского педагогического института².

В задачи Елютина на посту ректора Свердловского университета входило обеспечение выпуска специалистов для оборонной промышленности, преподавателей вузов, средних школ, командиров Красной армии, журналистов, воспитателей, агитаторов и пропагандистов, способных нести коммунистическую идеологию в массы. Нужно было создать условия для выполнения научными работниками и студентами заказов фронта. Кроме того, ректор был лично ответствен за проведение военно-физической подготовки и выполнение планов трудовой мобилизации.

Победы Красной Армии на фронтах в конце 1942 — начале 1943 года позволили стране вновь строить планы на будущее. Руководство государства вспомнило, что университет изначально задумывался как научный центр. Превратить эти планы в реальность также входило в обязанности директора.

В отличие от других вузов страны у Свердловского университета в годы войны не было проблем с абитуриентами. Государственные планы набора студентов перевыполнялись как в 1942 году (480 первокурсников), так и в 1943-м (460 первокурсников)³. Правда, особой заслуги Елютина в этом не было. В университет чаще всего шли дети из семей эвакуированной столичной интеллигенции. В 1943—1944 годах они начали резэвакуироваться. В результате из 1046 студентов, которые приступили к занятиям в сентябре 1943 года, к концу учебного года выбыло 329 человек⁴.

За счет эвакуированных резко улучшился преподавательский корпус. В 1943 году в СГУ работали член-корреспондент АН СССР В. В. Голубев, 16 профессоров, 21 доцент. Весной 1944 года, когда часть педагогов отбыла обратно в Москву, положение с научными кадрами резко ухудшилось. К началу 1944/45-го учебного года в университете для осуществления нормальной научной и учебно-методической работы не хватало 30 профессоров и 20 доцентов⁵.

Ректор рискнул и назначил преподавателями лучших студентов-старшекурсников. Некоторые из них, Владимир Васильевич Адамов, Лев Наумович Коган, стали затем крупными учеными, ведущими специалистами Уральского университета.

Дополнительные трудности вызывало отсутствие стабильных учебных планов. 18 июня 1942 года постановлением Совета народных комиссаров СССР были отменены сокращенные программы вузов и восстановлены планы довоенного времени. 17 апреля 1944 года приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы пятилетний срок обучения остался на естественных факультетах, а гуманитарные перевели на четырехлетний график.

Ответом на запросы военного времени стало появление в программах новых предметов. На физико-математическом факультете открылась новая специальность — «Военная оптика». На химическом факультете стали читать лекции по теме «Служба противохимической и противовоздушной обороны», «Физико-химические основы устройств противогазов и газоубежищ». На факультете журналистики изучали особенности работы военного корреспондента. Все преподаватели и студенты обязаны были прослушать лекции по основам сельского хозяйства, студенты должны были сдавать зачеты по этому предмету⁶.

Уплотнение графика учебы в первый год войны привело к появлению свободных часов после возвращения к прежним срокам обучения. В результате у студентов появилась возможность прослушать ряд факультативных курсов. Журналисты могли изучать второй иностранный язык, историю эстетических учений, историю русского театра и кино, историю русской и западноевропейской критики; историки — историографию и источниковедение; филологи — историю лингвистических учений, греческий язык. Цикл лекций по истории античного мира читали научные сотрудники Эрмитажа⁷.

Постоянной головной болью ректора была материальная база университета. Положение стало еще более сложным, когда в 1943 году в университете открыли геологоразведочный факультет. Общая учебная площадь, которой располагал университет к концу 1943/44-го учебного года, составляла 2,2 тыс. квадратных метров. Больших хлопот стоило получить в дополнение к постоянному двухэтажному корпусу по проспекту Ленина, 13 б девять комнат в здании Свердловского сельскохозяйственного института (ул. Карла Либкнехта, 42), три комнаты в помещении Свердловского педагогического училища (ул. Карла Либкнехта, 9), Свердловского юридического института (ул. Комсомольская, 21), в школах № 9 и 5. Печи

и туалетные комнаты в этих зданиях были непригодны к эксплуатации, аудитории плохо освещались, иногда по вечерам электричество вообще отключалось. В качестве платы за аренду помещений студенты мыли полы, пилили и кололи дрова. Занятия шли в три смены во всех помещениях, включая кабинет самого ректора. Иногда в одной комнате занимались две-три группы. В лабораториях не хватало посуды и реактивов. Выпускница филологического отделения Свердловского университета 1948 года Тамара Моисеевна Сырова вспоминает: «Лекции начинались в семь часов утра. Здание, где мы занимались, не отапливалось. Сидели в пальто и головных уборах. Не хватало мебели. Первая забота — захватить стул, и уж потом не расстанешься с ним до конца занятий. Иногда перетаскивали из комнаты в комнату и столы»⁸.

Чернила для нужд университета изготавливали сотрудники химического факультета.

При переезде из здания по улице 8 Марта, 62 в здание по проспекту Ленина, 13 б часть книг из университетской библиотеки так и не была распакована. В читальном зале университета было тесно — он был рассчитан всего на 150 человек. Студентов выручали читальные залы областной библиотеки им. В. Г. Белинского и парткабинет Дома печати.

В начале 1943 года приказами и распоряжениями Всесоюзного комитета по делам высшей школы восстанавливается обычный «твердый» внутренний распорядок работы вузов. Ректор старается обеспечить выполнение этих директив.

Успеваемость в университете в годы войны не только не снизилась, что было характерно для большинства советских вузов, но даже выросла. В 1940/41-м учебном году неудовлетворительные результаты на зачетах и экзаменах в Свердловском университете составляли 11,8 %, в 1941/42-м — 6,7 %⁹. Правда, нужно иметь в виду, что в 1941/42-м учебном году занятия в университете прекратили 500 человек, на экзамены явилось немногим более 50 % студентов¹⁰. Если в феврале 1942 года доля повышенных оценок составляла 50 % от всех полученных в период сессии, то в феврале 1943 года — более 70 %¹¹, в феврале 1944 года — около 70 %¹². Последний результат не удовлетворил ректорат. Университет не выполнил социалистических обязательств, по которым повышенные оценки должны были составлять 75 %. Во время весенней сессии 1943/44-го учебного года все экзамены сдали только 49,8 % студентов.

Лучшие студенты участвовали вместе с преподавателями в научно-исследовательской работе. Ее тематика большей частью определялась запросами военного времени. За 1941—1943 годы было выполнено

33 оборонных задания. Наиболее крупные из них: разработка и внедрение магнитного метода контроля качества корпусов артиллерийских снарядов (сотрудниками Уральского филиала АН СССР и магнитной лаборатории СГУ Сергеем Васильевичем Вонсовским, Яковом Савельевичем Шуром и студентом университета Ефимом Абрамовичем Гройсером); повышение октанового числа бензина (цель исследования — добиться использования ишимбаевского бензина в качестве горючего для авиамоторов), руководила студенческой бригадой, решившей эту задачу, профессор МГУ Роза Яковлевна Левина.

В университете проводятся научные конференции (например, в апреле 1944 года организована конференция «Естественные науки на службе обороны страны»), заседания физико-математического общества.

В 1942 году ученый совет университета (благодаря ходатайству ректора) получил право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации. Ректор мог вводить в состав совета на отдельные заседания специалистов различных областей знаний. Это позволяло проводить защиты по широкому кругу специальностей — от математики до лингвистики. За 1942—1943 годы было защищено 15 диссертаций, в том числе две докторские. Многие из защитивших здесь кандидатские диссертации стали впоследствии докторами наук (Е. А. Барбашин, В. Н. Розенталь, Д. Л. Похилевич, М. Я. Сюзюмов).

В 1943 году университету позволили возобновить прием в аспирантуру. В 1943—1944 годах в ней занимались 15 человек. Ректор не был особенно доволен их учебой: некоторые задерживали составление индивидуальных планов, работали неравномерно¹³.

Ректора заботило состояние воспитательной и агитационно-пропагандистской работы среди преподавателей. Здесь он пошел по традиционному пути: организации кружков по изучению русской материалистической философии, работ В. И. Ленина. Кружок по изучению книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» А. Ф. Елютин возглавил лично.

Как правило, о патриотическом долге интеллигенции можно было не напоминать. Доказательством тому служила, в частности, прекрасная работа Воскресного университета, функционировавшего при Свердловском государственном университете в 1942—1945 годах. В планах Воскресного университета были лекции о строении Солнечной системы, происхождении жизни на Земле, рассказы о славянских литературах, истории русского национально-освободительного движения, об орденах Советского Союза. За 1942—1943 годы в университете, на предприятиях, в госпиталях было прочитано более 600 научно-популярных лекций.

Составной частью учебного процесса в годы войны была военная подготовка. В 1942 году 81,2 % студентов Свердловского университета имели по этой дисциплине оценки «отлично» и «хорошо»¹⁴. Воодушевленное таким результатом, партийное бюро Свердловского университета (в том числе А. Ф. Елютин) предложило принять обязательства: всем физически годным студентам получить специальности минометчиков, снайперов, автоматчиков, истребителей танков, связистов; всем студенткам первого курса получить звание медицинских сестер запаса. Кафедра военно-физкультурной подготовки провела записи в соответствующие кружки. Организовали курсы медицинских сестер. Но выполнить эти обязательства не смогли. Курсы медицинских сестер вместо 160 человек окончили в 1943 году лишь 20 студенток¹⁵. Оборонные кружки работали несистематически. За 1941—1944 годы все студенты сдали нормы на значок «Противовоздушная и химическая оборона», 268 человек — «Готов к труду и обороне», 165 — «Ворошиловский стрелок», 150 — «Готов к санитарной обороне».

В 1942 году Свердловский университет занял первое место на зимнем и летнем городских кроссах. Однако накапливалась усталость. Все труднее стало собирать людей на субботники: в овощехранилища, на уборку снега, нечистот, строительство водопроводной трассы, заготовку дров, ремонт помещений университета.

С 1942 года специальным постановлением Совета народных комиссаров СССР все студенты (за исключением выпускных курсов) были обязаны трудиться в аграрном секторе в период посевной и уборочной кампаний. Кроме того, летом 1942—1944 годов в Свердловской области объявлялись мобилизации на заготовку торфа. Это был один из самых тяжелых видов работ.

В одной из статей университетской газеты «Сталинец» ректору предложили «лично возглавить работу на торфянике»¹⁶. Андрей Федорович ограничился чисто организационной работой: составлением (совместно с представителями общественных организаций) списков мобилизуемых, назначением бригадами наиболее авторитетных преподавателей и студентов, выявлением дезертиров. Появились грозные приказы ректора об исключении из университета, отдаче под суд лиц, уклоняющихся от трудовой мобилизации¹⁷. Вообще контакты ректора с коллективом СГУ чаще всего сводились к «протокольным мероприятиям»: выпускным вечерам, митингам по случаю революционных праздников... Исключением была встреча Андрея Федоровича Елютина с лучшими студентками университета, проведенная в октябре 1943 года.

Одна из них, студентка филологического отделения Тамара Витальевна Токмачева-Минина, хорошо выразила настроение большинства преподавателей и студентов университета, записав в дневнике зимой 1942 года: «Замечаю в себе другое отношение к субботникам. Раньше — просто не хотелось, теперь — понимаю, что делать все это необходимо, больше делать некому, иду и делаю...»¹⁸

Два-три месяца в год — вот средняя продолжительность «трудового семестра» преподавателей и студентов военного времени¹⁹.

Бойцы университетских отрядов не раз премировались руководством Лосинского, Монетного, Аятского торфопредприятий за ударный труд²⁰.

1 мая 1943 года на имя ректора университета А. Ф. Елютина и секретаря партбюро А. П. Сапожниковой пришла телеграмма от И. В. Сталина следующего содержания: «Прошу передать научным работникам, студентам и служащим Свердловского государственного университета имени А. М. Горького, собравшим кроме ранее внесенных 109 тыс. рублей дополнительно 60 тыс. рублей на вооружение Красной армии, — мой братский привет и благодарность Красной армии»²¹. В 1941—1944 годах на фронт и в госпитали было отправлено более 2 тыс. единиц теплых вещей, в фонд обороны передан 229 531 рубль. Подписка на государственные военные займы продолжала составлять 130—140 % к фонду заработной платы и стипендий. А. Ф. Елютин, например, в мае 1944 года подписался на военный заем в размере 4 тыс. рублей. Общая сумма подписки на военные займы, проведенной среди преподавателей и студентов СГУ в 1941—1944 годах, составила более 663 тыс. рублей²².

10 февраля 1943 года Совет народных комиссаров СССР принимает Постановление «Об улучшении питания студентов вузов». Вузам рекомендуется организовать подсобные хозяйства и столовые закрытого типа. Выполнение этой директивы было обязанностью прежде всего отдела снабжения университета. Но в реальности больше всего подсобным хозяйством Свердловского университета занимался сам ректор.

Осенью ощутимую отдачу от работы подсобного хозяйства почувствовали многие. В университетской столовой кроме продуктов, которые студенты и преподаватели получали по карточкам, появились блюда, приготовленные из овощей, выращенных в подсобном хозяйстве. Но в целом подсобное хозяйство приносило университету больше хлопот и убытков, чем пользы. Причина этого была простой: создание продуктивного подсобного сельскохозяйственного производства требовало крупных капиталовложений и опытных кадров. Ни тем, ни другим университет не располагал.

В апреле 1943 года в университете были открыты собственная столовая, магазин, склад. Первое время там процветали обшеты и обвесы, хищения происходили на глазах покупателей²³. Дело несколько улучшилось после того, как виновные были уволены или получили выговоры, а комиссия студенческого контроля установила дежурства в этих подразделениях университета²⁴.

Подводя итоги своей деятельности, ректор А. Ф. Елютин констатирует: «Университет в буквальном смысле слова каждый день боролся за свое существование».

За 1942—1944 годы Свердловский государственный университет выпустил более 400 специалистов, 70 % из них были направлены на предприятия черной металлургии, авиационной, танковой, нефтеперерабатывающей промышленности²⁵.

В марте 1944 года комиссия Всесоюзного комитета по работе высшей школы, проверявшая деятельность ректора, нашла, что учебно-методическую и научно-исследовательскую работу университета следует поднять на более высокий уровень. Для выполнения этой миссии ректором СГУ народный комиссар просвещения РСФСР 22 апреля 1944 года назначил доктора геолого-минералогических наук, профессора Ивана Дмитриевича Седлецкого.

Впрочем, опыт управления вузом в экстремальной ситуации, накопленный А. Ф. Елютиным, был сразу востребован: с августа 1944 по июль 1949 года он руководит Курским государственным педагогическим институтом и буквально поднимает его из развалин.

В последующие годы Андрей Федорович занимается научной деятельностью. В 1954 году он защитил в Московском областном педагогическом институте диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. Тема исследования — «Борьба Коммунистической партии Советского Союза за партийность философии».

С 1949 по 1965 год А. Ф. Елютин преподает на кафедрах основ марксизма-ленинизма педагогических институтов города Загорска Московской области и Москвы. После выхода на пенсию (1965) читает лекции в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Загорском горкоме КПСС.

Андрей Федорович Елютин награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Скончался Андрей Федорович Елютин в июле 1978 года в городе Загорске (ныне Сергиевом Посаде)²⁶.

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 41736/23383.

² Там же.

³ См.: Сталинец. 1942. 5 авг., 22 сент.; 1943. 29 окт.

⁴ Архив УрГУ, уч.-02, д. 75, л. 29.

⁵ См.: *Сперанский А. В.* В горниле испытаний: Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. — Екатеринбург, 1996. С. 53.

⁶ См.: Сталинец. 1942. 3 июля, 31 июля, 22 сент.; 1943. 1 мая.

⁷ См.: Там же. 1943. 6 февр., 15 апр.; 1944. 14 апр.

⁸ Уральский государственный университет в воспоминаниях. — Екатеринбург, 2000. С. 128.

⁹ См.: Очерки истории Уральского университета. — Свердловск, 1967. С. 38.

¹⁰ См.: Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. — Екатеринбург, 1996. С. 24.

¹¹ См.: Сталинец. 1943. 6 февр.

¹² См.: Там же. 23 февр., 18 марта.

¹³ См.: Сталинец. 1944. 18 марта.

¹⁴ См.: *Сперанский А. В.* Указ. соч. С. 57.

¹⁵ См.: Сталинец. 1943. 24 июля.

¹⁶ Сталинец. 1942. 31 июля.

¹⁷ См.: Там же. 11 авг.; 1943. 24 июля.

¹⁸ Урал. XX век: Кн. для чтения. — Екатеринбург, 1997. С. 374.

¹⁹ См.: Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. С. 17.

²⁰ См.: Сталинец. 1942. 22 сент., 3 нояб.

²¹ Там же. 1943. 1 мая.

²² См.: Там же. 1944. 5 февр., 7 апр., 6 мая, 20 окт.; 1945. 3 янв.

²³ См.: Там же. 1943. 15 апр., 24 июля; 1944. 7 апр.

²⁴ См.: Там же. 1944. 6 мая.

²⁵ Архив УрГУ, уч.-02, д. 75, л. 2, 23.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 41736/23383; *Корсаков С. Н.* Ректоры Тверского государственного университета. — Тверь, 2002. С. 38.

Иван Дмитриевич Седлецкий

Ректор Свердловского университета
с 13 июня 1944-го, а с 22 февраля 1945-го
по 28 февраля 1946 года —
ректор Уральского университета

С фотографии 1950 года

После 1917 года — как бы кто ни относился к Октябрьской революции — жизнь россиян радикально изменилась. Вот и Ваня Седлецкий, с малолетства успевший побывать в батраках, при советской власти становится Иваном Дмитриевичем Седleckим, крупным ученым в области изучения минералогии и геологии глинистых отложений, почвоведения, коллоидно-дисперсной минералогии.

А родился он 26 июня 1907 года в селе Чернярин Жмеринского уезда Каменец-Подольской губернии. Отец его почти всю жизнь трудился на железной дороге — стрелочником, сцепщиком вагонов, сторожем¹. Мать до революции работала на помещика, да еще вела свое хозяйство на полдесятине земли.

В 1926 году Иван Седлецкий вступает в комсомол и оканчивает агро-профессиональную школу в городе Бор Каменец-Подольской области. Получает специальность техника-агронома. Как человека грамотного, его избирают секретарем сельсовета в родном селе Чернярине. Назначают табельщиком совхоза. Вскоре активного комсомольца Седleckого направляют учиться в Каменец-Подольский институт организации социалистического зернового хозяйства, где его избирают комсоргом. По окончании учебы Седleckого рекомендуют в аспирантуру Киевского почвенного института, а затем — АН СССР. В 1935 году И. Д. Седлецкий защитил кандидатскую диссертацию «Строение и свойства гуминовой кислоты, генети-

ческая и структурная связь ее с лигнитами и углями». К этому времени И. Д. Седлецким уже было опубликовано четыре научные статьи, в которых он показал себя почвоведом, работающим на уровне современных физико-химических методов.

Исследование почв потребовало от молодого ученого подготовки в области рентгенологии и рентгеноскопии, и И. Д. Седлецкий овладел этим в совершенстве. Почвенный институт АН СССР обязан Ивану Дмитриевичу организацией первого рентгеновского кабинета, которым Седлецкий заведовал с 1937 по 1944 год.

Итогом работ этого периода и в частности, статьи «Почвообразование и углеобразование» стало заключение: наиболее активную основную часть почв составляют почвенные коллоиды.

Работы эти внесли существенный вклад в познание генезиса почв различного состава, обменных реакций и аутигенного минералообразования в почвах, характера и структуры органического вещества.

Научные публикации молодого ученого стали всемирно известны. Способы изучения и исследования, изложенные в работах И. Д. Седлецкого, применили профессор Сака (Япония), Кальман, Гемдель, Бранденбургер (Швейцария) и многие другие зарубежные коллеги.

В 1937 году И. Д. Седлецкий был награжден грамотой и денежной премией ЦК ВЛКСМ за лучшую научную работу.

Активная научная деятельность Ивана Дмитриевича по изучению тонкого строения осадочных геологических образований (почв, лессов, глин) продолжалась под руководством крупнейших ученых — академиков А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского. Объектом его исследований по-прежнему служили мельчайшие минералы, определяющие природу глинистых почв.

В 1939—1941 годах Седлецкий обнаружил в щелочных почвах и описал новый минеральный вид, названный им *гедройцитом* — в честь известного русского почвоведом К. К. Гедройца.

В мае 1940 года, И. Д. Седлецкий становится членом ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны он работал в составе группы, возглавляемой академиком А. Е. Ферсманом, выполнявшей оборонные задания, разработал рекомендации по применению химических реактивов для маскировки аэродромов Военно-воздушных сил Красной армии.

В 1942 году Иван Дмитриевич защитил докторскую диссертацию «Коллоидно-дисперсные минералы главнейших типов почв Союза ССР». Подготовил книгу «Коллоидно-дисперсная минералогия» — опубликована в 1945 году с предисловием редактора — А. Е. Ферсмана. Возможно, по-

следний и уговорил профессора Московского гидромелиоративного института И. Д. Седлецкого принять пост ректора Свердловского университета. Ведь Александр Евгеньевич помогал Уральскому университету с момента его рождения и даже числился его почетным профессором.

С 13 июня 1944 года И. Д. Седлецкий — ректор и заведующий кафедрой минералогии и кристаллографии Свердловского государственного университета². В сентябре 1944 года Наркомпрос РСФСР переименовал здешний геологический факультет в геолого-почвенный. Была создана рентгеноминералогическая лаборатория по изучению коллоидных фракций осадочных пород. Седлецкий явно намеревался продолжать свою научно-исследовательскую работу и в Свердловском университете.

В 1944 году, по сравнению с 1943 годом, руководство Советского Союза смогло увеличить финансирование учреждений среднего и высшего образования почти в два раза³. Осенью 1944 года Совет народных комиссаров РСФСР отпустил на развитие Свердловского университета дополнительно 245 тыс. рублей, 2,5 тонны бумаги, химикаты, микроскопы и другую аппаратуру для химического и физико-математического факультетов. Впервые за годы войны университет приобрел ценные книги по курсу древней, средней и новой истории, для геологического факультета — коллекцию шлифов по петрографии⁴.

В июне 1944 года Совет народных комиссаров СССР принял решение об организации в Свердловском университете биологического факультета, в июне 1945 — географического. Вновь было открыто заочное отделение. Как для всей страны, для университета наставали времена больших надежд.

В историю нашего вуза Иван Дмитриевич Седлецкий вошел прежде всего как инициатор и организатор преобразования Свердловского университета в Уральский. Он возглавил работу по составлению плана укрепления материальной базы университета, определению перспектив его развития.

Согласно этому плану Уральский университет должен был готовить научные и педагогические кадры для Урала и Западной Сибири. Предполагалось, что в скором будущем университет будет иметь 12 факультетов: физический, математико-механический, химический, геолого-почвенный, биологический, географический, юридический, исторический, филологический, философский, журналистики, иностранных языков. При факультетах планировались научно-исследовательские институты. Их экспериментальной базой назывались ботанический сад, заповедники, геолого-минералогический, почвенный и другие музеи, собственная типография, мастерские, астрономическая обсерватория и служба времени...⁶

22 февраля 1945 года Совет народных комиссаров СССР переименовывает Свердловский университет в Уральский и причисляет его к вузам первой (высшей) категории.

На празднование 25-летия со дня организации УрГУ и проведение юбилейной конференции из резервного фонда Совнаркома отпускается 150 тыс. рублей⁶. Конференция, организацией которой руководил И. Д. Седлецкий, состоялась в конце ноября 1945 года. На ней выступали не только ведущие ученые Урала, но и столичные светила: академик А. Н. Фрумкин, члены-корреспонденты Академии наук СССР Я. И. Френкель, Д. В. Наливкин, А. В. Шубников, профессора В. А. Варсанюфьева, В. В. Данилевский. На конференции были подведены итоги научно-исследовательской работы университета и других вузов Свердловска по изучению производительных сил и природных богатств Урала, обсуждены очередные научные задачи, стоящие перед университетом. Сам же ректор выступил на конференции с докладом «Успехи современной минералогии в изучении осадочных пород» и руководил секцией геолого-почвенных наук.

Вот что получил в юбилейном году университет от вышестоящих органов: 120 тыс. рублей — для закупки литературы на русском и иностранных языках, 300 тыс. рублей — на хозяйственный инвентарь, 400 тыс. рублей — на ремонт учебных зданий и общежитий (по сравнению с 1944 годом, расходы на приобретение учебно-научного оборудования выросли в два раза, на хозяйственный инвентарь — в 16 раз).

Ученому совету университета предоставлено право присуждать преподавателям две премии за лучшие научные труды (15 и 10 тыс. рублей).

В марте 1945 года университету было передано помещение школы № 11 (ул. Белинского, 71а), по своей площади оно более чем в полтора раза превосходило старое здание университета (ул. 8 Марта, 62). Один этаж здания по улице К. Либкнехта, 9 также продолжал временно оставаться за университетом.

Кроме того, университет получил звуковой передвижной киноаппарат, две грузовые автомашины, сварочный аппарат, четыре вольтметра, четыре амперметра, термопары, 2 тыс. электроламп, 300 литров этилового спирта, клей, 8 тыс. метров хлопчатобумажных тканей, 300 одеял, хлопчатобумажные нитки (на 300 рублей), литерное питание по группе «Б» и сухие пайки на трех человек, промышленные товары для продажи сотрудникам и студентам. И плюс к этому университет ждал полный набор струнных и духовых инструментов.

Однако вопреки постановлению Совнаркома завод № 217 не освободил учебный корпус по улице 8 Марта, 62. Ни одной квартиры не удалось получить для преподавателей университета. Ничего не сделал горсовет и для того, чтобы помочь университету вернуть имущество и оборудование, предоставленное университетом во временное пользование различным организациям в годы войны. Вместо того, чтобы передать университету Свердловский ботанический сад, как и распорядилась Москва, горисполком отдал его Уральскому филиалу Академии наук СССР⁷.

В программной статье «Наши задачи в новом учебном году» ректор, обращаясь к студентам университета, призвал их подражать великим российским ученым прошлого и настоящего, с первого курса участвовать в научно-исследовательской работе, усердно изучать иностранные языки и военное дело, беречь с великим трудом полученный и отремонтированный учебный корпус, быть дисциплинированными, повышать свой культурный и политический уровень. Преподавателям Иван Дмитриевич напоминает, что, получив новое обширное помещение, они должны развернуть все лаборатории и кабинеты, организовать новые, оборудовать кафедры. «Нужно поставить учебную и научно-исследовательскую работу в кабинетах и лабораториях так, чтобы все имеющееся оборудование использовать полностью в работе. Необходимо всемерно развивать самостоятельную работу студентов. Постоянно улучшать качество лекций. Заботиться о повышении общей культуры студентов»⁸.

Отчитываясь перед вышестоящими инстанциями, И. Д. Седлецкий докладывал, что с июня 1944 по февраль 1946 года в университете было организовано 18 кафедр, 24 лаборатории и кабинета. Число профессоров выросло с 16 до 26⁹.

Профессор химического факультета В. С. Сырокомский предложил новые методы анализа железных руд. Интересные в теоретическом и практическом отношении результаты были получены деканом химфака В. И. Есафовым в области изучения неопределенных соединений с сопряженными двойными связями.

К исследовательской работе привлекались студенты. На физико-математическом факультете математики-профессора П. Г. Конторович и С. Н. Черников занимались исследованиями в области теории групп. Профессоры Я. С. Шур, Р. И. Янус, доцент М. Н. Михеев закончили работу по вопросу стабилизации магнитных свойств магнита. Она имела практическое значение для радиотехнической промышленности. Выдающимся вкладом в теоретическую физику стали научные труды профессоров С. В. Вонсовского и А. А. Смирнова. Профессор А. П. Комар сконструиро-

вал рентгеновскую камеру, которая позволяла значительно сократить время экспозиции. Продолжал исследования в области теории колебаний профессор И. Г. Малкин. Биологи — профессора Г. В. Заблуда и Н. А. Коновалов — выполнили работы, представляющие интерес для сельского и лесного хозяйства, в частности, по выращиванию на Урале ранее не культивировавшихся растений и устойчивости культур против засухи. Геолог-доцент А. К. Гладковский занимался разведкой месторождений бокситов.

При университете был создан лекторий по научно-просветительской пропаганде. Особенно интересно и доступно рассказывали о последних достижениях физики и математики И. К. Кикоин, Д. Д. Иваненко и П. Г. Конторович. Живейший интерес вызвала лекция заведующего кафедрой атомного ядра А. А. Соколова «Теория относительности». Лекторий пользовался популярностью далеко за стенами университета¹⁰. И. Д. Седлецкий предложил участникам лектория написать ряд научно-популярных брошюр и обещал добиться их публикации в Свердловском областном издательстве¹¹.

Приступила к работе организационная комиссия по изучению Урала (председатель — И. Д. Седлецкий), к работе которой предполагалось привлечь также и студентов. Итогом ее деятельности стала проведенная в 1947 году Первая научная конференция по истории Екатеринбурга-Свердловска¹².

В 1944 и 1945 годах четверть студентов университета сдавали экзамены на повышенные оценки. Было создано студенческое научное общество. Проведены фольклорная и диалектологическая экспедиции на историко-филологическом факультете.

В конце 1945 года был принят план повышения квалификации научных работников университета. Предполагалось, что 33 из них будут работать над кандидатскими и докторскими диссертациями. Ректорат университета обязал ассистентов, проработавших несколько лет в университете, сдать в 1946 году кандидатский минимум по иностранному языку, организовал для них занятия по английскому, немецкому, французскому языкам.

В аспирантуре Уральского университета готовились к научной работе 14 выпускников университета¹³. В 1945 году аспирантуру окончили пять человек, в их числе Клавдия Александровна Бархатова (тогда никто еще не знал, что она станет главой уральской научной астрономической школы).

Летом 1945 года при университете были организованы курсы повышения квалификации для преподавателей физики средних школ¹⁴.

В ноябре 1945 года народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин за отличную работу объявил благодарность ректору университета

профессору И. Д. Седleckому и всему коллективу работников университета. Тогда же Иван Дмитриевич Седлецкий был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и знаком «Отличник народного просвещения»¹⁵.

Только в начале 1946 года студент филологического отделения Глеб Пиньжаков пишет: «Отзвучали дни юбилея — перестали греть батареи». То есть, как это нередко случается у нас в стране, солидные суммы на обустройство студенческого быта были потрачены, но далеко не везде положение улучшилось. Об этом можно узнать из заметки, напечатанной в университетской газете, которая тогда называлась просто и «со вкусом» — «Сталинец», под выразительным заголовком «Дальше терпеть нельзя», где говорится, что из-за бездеятельности и халатности хозяйственной части студентам не созданы минимальные условия для нормальной жизни и учебы¹⁶.

В учебных корпусах университета, как и в прежние годы, было холодно, не хватало мебели. Через несколько месяцев на складе университета не осталось ни одной из полученных к юбилею электрических лампочек — их растащили, четверть заготовленного ОРСом картофеля «ушла налево». К весне 1946 года студенческая столовая осталась без овощей.

1 марта 1946 года бюро Свердловского обкома ВКП(б) разбирало дело о злоупотреблениях в Уральском университете.

Было установлено, что «ректор с группой ответственных работников систематически злоупотребляли служебным положением, занимались разбазариванием фондовых товаров, самоснабжением и хищениями. За непродолжительное время в университете было растратжено и похищено свыше 2 тыс. метров мануфактуры, 750 литров спирта, большое количество строительных материалов и продуктов питания... И. Д. Седлецкий допустил преступную безответственность в хранении и выдаче документов строгой отчетности: дипломов об окончании университета, продовольственных карточек, ордеров и талонов на продукты питания и товары. Это дало возможность незаконно получить дипломы об окончании университета ряду лиц»¹⁷.

В конце 1945 года Управлением Министерства госбезопасности по Свердловской области были, как это тогда формулировалось, *получены сигналы*, что «работа по идейно-теоретическому воспитанию студентов университета находится на низком уровне». В связи с чем, цитируем дальше: «имело место распространение среди студентов нездоровых, подчас антисоветских настроений. Студенты университета организовывали нелегальные литературные кружки, распространявшие среди студентов про-

изведения безыдейного, упаднического содержания, сборники стихов антисоветского характера. Так, в конце 1945 года в университете возник нелегальный кружок под названием «Рыцари круглого стола», в состав которого входили студенты факультетов филологического и журналистики Абызов Ю., Худяков В., Бубнов П., Вяткин А., Миткевич Б. и другие, систематически собиравшиеся в общежитии университета для выпуска сборников своих произведений, сопровождая это попойками и дебошами... Активный участник литературных кружков Фалеев В. С., автор ряда стихотворений, высказывал наряду с упадническими, пессимистическими взглядами, антисоветские измышления о советской действительности»¹⁸.

28 февраля 1946 года за развал работы, морально-бытовое разложение и антипартийное поведение Седлецкий снят с должности ректора Уральского университета. Ему объявлен строгий выговор по партийной линии¹⁹.

С 1946 по 1953 год Седлецкий руководит геолого-географическим факультетом и кафедрой минералогии и петрографии Ростовского университета, публикует многочисленные статьи.

Сотрудники кафедры произвели исследования минералогического состава и петрографических особенностей осадочных пород районов строительства Сталинградского гидроузла, Цимлянской ГЭС, Волго-Донского канала, а руководивший этой работой И. Д. Седлецкий был в 1953 году награжден орденом «Знак Почета».

С 1953 по 1960 год И. Д. Седлецкий заведовал кафедрой минералогии и петрографии Киевского университета. Здесь изданы его многочисленные труды на русском и украинском языках.

В начале 60-х годов профессор работал в Воронежском университете. Последняя его статья (в соавторстве) появилась в 1967 году в журнале «Доклады Академии наук СССР»²⁰. Всего перу Ивана Дмитриевича Седлецкого принадлежит более 200 научных работ²¹.

Скончался Иван Дмитриевич Седлецкий 24 ноября 1974 года в городе Керчи.

¹ Архив УрГУ. Личное дело И. Д. Седлецкого.

² Архив УрГУ, д. 68, л. 60.

³ См.: Сталинец. 1944. 18 марта.

⁴ Там же. 29 сент.

⁵ См.: Известия. 1945. 15 марта.

⁶ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 70, д. 4806, л. 10.

⁷ Там же. Л. 63, 64.

⁸ Сталинец. 1945. 17 сент.

⁹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 70, д. 4806, л. 41—44.

¹⁰ См.: Сталинец. 1945. 8 авг.

¹¹ См.: Там же. 1944. 24 нояб.

¹² См.: Материалы Первой научной конференции по истории Екатеринбург-Свердловска. — Свердловск, 1947.

¹³ См.: Уральский рабочий. 1945. 19 окт.

¹⁴ См.: Сталинец. 1945. 22 июня.

¹⁵ Там же. 1945. 26 нояб.

¹⁶ Там же. 1946. 1 марта.

¹⁷ ЦДООСО, ф. 4, оп. 41, д. 22, л. 10—12.

¹⁸ Архив музея истории УрГУ. Фонд «Литературно-творческий кружок Уральского университета».

Тут надо заметить, что Виктор Сергеевич Фалеев (1926—2001), больше известный под псевдонимом Рутминский, впоследствии поэт-переводчик, литературовед, лауреат премии губернатора Свердловской области за цикл выступлений о поэзии Серебряного века (1999), с третьего курса СГУ попавший в лагеря и закончивший свой срок шахтером на Колыме, вовсе не был каким-то оголтелым антисоветчиком: по 58-й статье он был осужден всего лишь за стихи, прочитанные в кругу соучеников.

¹⁹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 41, д. 22, л. 10—12.

²⁰ См.: *Андреева Н. Я., Седлецкий И. Д.* О коллоидно-химической связи между рудными и глинистыми частицами в керченских железных рудах // Докл. АН СССР. 1967. Т. 172, № 2.

²¹ См.: *Филоненко В. И.* И. Д. Седлецкий // Пути познания. — Ростов н/Д. 1985. С. 202.

***РЕКТОРЫ
УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА***

Григорий Иванович Чуфаров

**Ректор Уральского университета
с 20 апреля 1946 по ноябрь 1956 года**

С фотографии 1946 года

Родился Григорий Иванович Чуфаров 14 ноября 1900 года, в поселке Каслинский завод Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Отец его работал в депо станции Карабаш.

После семи классов каслинского реального училища, которое Григорий окончил в 1915 году, ему, сыну слесаря, прямая дорога была в ученики слесаря. На этой должности он и пребывал год, помогая изготавливать на Каслинском чугунолитейном заводе гранаты английского образца и мины несложной конструкции. Однако целеустремленность и настойчивость заводского паренька сыграли свою роль, и в 1916 году Григорий Чуфаров смог поступить в Уральское горное училище в Екатеринбурге.

В 1918 году Чуфаров был мобилизован в Белую армию и пять месяцев служил рядовым 18-го Оренбургского полка¹, но в первых же боях перешел на сторону Красной армии, где служил до ноября 1921 года.

В 1922—1923 годах Григорий Чуфаров продолжает учебу в Уральском горном училище (тогда оно именовалось Уральским практическим институтом) и одновременно работает на кафедре физической химии Уралуниверситета. Здесь он попадает в компанию молодых и увлеченных наукой людей. Заведующий кафедрой, выпускник МГУ Владимир Карлович Першке, был старше своего подчиненного всего на восемь лет, а доцент, а затем профессор Сергей Григорьевич Мокрушин — всего на четыре года.

В 1923 году Чуфаров становится студентом химико-металлургического факультета Уральского государственного университета, и в этом же году выходит в свет его первая научная работа, написанная в соавторстве с В. К. Першке — «Распределение смеси веществ между двумя несмешивающимися растворителями»². В 1926 году студент Чуфаров принят младшим ассистентом кафедры физической химии уже Уральского политехнического института (после переименования УГУ в 1925 году).

После окончания политехнического института (в 1928-м) Г. И. Чуфаров поступает в аспирантуру. До 1931 года аспирант Чуфаров преподавал в УПИ и выделившемся из него Уральском химико-технологическом институте. Затем в течение 10 лет был заместителем директора по научной части и директором Уральского научно-исследовательского института (назывался он то физико-химическим, то физико-техническим, то химическим).

Самое главное — в 1931 году Григорий Иванович организовал лабораторию кинетики и катализа металлургических процессов. В середине 30-х годов исследования этой лаборатории позволили наладить выпуск трансформаторной стали на Верх-Исетском металлургическом заводе — ВИЗ долгое время был единственным производителем этого металла в Советском Союзе. Технологию травления и отжига удалось разработать так быстро, что в наркомате называли ее «колдовством Чуфарова».

Кроме того, Г. И. Чуфаровым была разработана технология травления металла, предназначенного для оцинкования и лужения. Ее с успехом применили на Лысьвенском металлургическом заводе.

В 1937 году Григорий Иванович Чуфаров защищает докторскую диссертацию. В 1939 году он был принят в члены ВКП(б). Стал депутатом Свердловского городского, затем областного Совета трудящихся (руководил комиссией по местной промышленности), Верховного Совета СССР.

В годы войны сотрудники лаборатории Чуфарова разработали технологию извлечения кобальта из руд, пирометаллургический способ переработки уральских ниобиевых руд. Предложенный метод применялся также для извлечения вольфрама и циркония из соответствующего сырья.

На Первоуральском новотрубном заводе был внедрен разработанный Г. И. Чуфаровым и С. С. Носыревой метод фосфатизации труб.

В 1945 году за выдающиеся достижения в области науки и техники профессор Г. И. Чуфаров был награжден орденом Ленина³ и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Памятуя о колоссальной цене победы, Григорий Иванович, должно быть, не слишком сопротивлялся, когда его сделали председателем Свердловского областного комитета защиты мира (1951—1962).

К тому времени, когда его назначили ректором УГУ, Г. И. Чуфарова многими университетскими преподавателями связывали годы знакомства и плодотворного сотрудничества.

Кафедрами химического факультета руководили учитель Григория Ивановича профессор Сергей Григорьевич Мокрушин, коллеги Чуфарова по Институту химии — профессора В. С. Сырокомский и С. В. Карпачев.

И все-таки, как считали некоторые, его ректорство в УрГУ было «браком по расчету»: Г. И. Чуфаров особо не вникал в детали работы факультетов, довольно редко посещал лекции своих коллег. Особой любовью Чуфарова пользовалась лаборатория кинетики, которой Григорий Иванович продолжал заведовать. Здесь к началу 50-х годов была разработана адсорбционно-каталитическая теория восстановления металлов из окислов — основополагающая в трактовке металлургических процессов.

В 1953 году Григория Ивановича Чуфарова избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Ректорство Г. И. Чуфарова современники не оценивают однозначно. Возможно, он вспоминал о своей службе в Белой армии, понимая, что данный факт может быть использован против него. И это не могло не оказывать влияния на решение им спорных вопросов, прежде всего кадровых.

В 1946 году в университете служили 9 профессоров и 36 доцентов⁴. При этом 28 % преподавателей были совместителями⁵. Особенно не хватало высококвалифицированных специалистов, которые могли бы стать во главе тех или иных научных направлений.

С конца 1946 года в Уральском филиале Академии наук СССР работала А. А. Тагер. В конце 1947 года против нее было сфабриковано дело, которое известный физик С. В. Вонсовский иронически называл «поджогом Рейхстага». Дипломница Анны Александровны (студентка университета) ушла из лаборатории, якобы не выключив электроплитку. На самом деле эта плитка принадлежала другой сотруднице⁶. Тагер в срочном порядке была отстранена от работы. Выручил ее Чуфаров, который предложил А. А. Тагер место доцента на кафедре физической химии УрГУ.

Вместе с тем, 5 сентября 1948 года во исполнение решений 4-й сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук приказом Г. И. Чуфарова был отстранен от работы профессор кафедры общей биологии и дарвинизма Патрушев. Причиной послужило то, что В. И. Патрушев, ученик академика Н. И. Вавилова и организатор Института биологии Уральского филиала АН СССР, пропагандировал основные положения формальной генетики. Лишь в марте 1949 года, Патрушев, благодаря хлопотам декана

биологического факультета Г. В. Заблуды, вновь был принят на должность профессора кафедры физиологии человека и животных.

Многие считают, что Г. И. Чуфаров чересчур легко расставался с преподавателями-гуманитариями (профессор Н. Н. Арденс, доценты Б. Ф. Закс, Я. А. Мильнер, Л. Г. Якобсон), в лекциях и на семинарских занятиях которых различные проверочные комиссии обнаруживали элементы «аполичности, объективизма, космополитизма, безыдейности»⁷.

Другое дело — ученые-естествоиспытатели. Вот что вспоминает бывший проректор по заочному отделению, секретарь парткома УрГУ (1950—1953) Анна Федоровна Козыменко: «В начале лета 1953 года к нам прибыла из Москвы комиссия по проверке кадров в составе представителя МВД и отдела науки ЦК КПСС. Когда они работали и где брали данные — нам было не известно. Закончив работу, они вручили ректору список лиц, подлежащих увольнению как политически «неблагонадежных». В этом списке было 36 фамилий. <...> Я обратилась к секретарю обкома КПСС В. А. Куроедову и не только от себя, но и от имени Г. И. Чуфарова заявила, что мы считаем требования комиссии ошибочными... На другой день Куроедов вызвал меня и Чуфарова в обком, пытался убедить в необходимости выполнить указания комиссии. Мы оба твердо заявили — этого делать не будем. Если наша позиция ошибочна, пусть обоих снимают с работы. Ответ был не менее категорическим: “Видимо, так и придется сделать, если вы не одумаетесь. Вопрос будет вынесен на бюро обкома” ... На бюро обкома нам было сделано много указаний о необходимости улучшения политико-воспитательной работы с кадрами, но не было вынесено никаких взысканий ни мне, ни ректору университета...»⁸

Требования московской комиссии выполнены не были. Что же касалось решений верховных партийных органов, то Г. И. Чуфаров демонстрировал готовность их полностью выполнять. Страницы университетской газеты «Сталинец» пестрят его многочисленными указаниями о перестройке учебных программ, планов, об изменении содержания лекций, тематики курсовых, дипломных работ и направлений научно-исследовательской деятельности в свете последних решений партийных съездов, пленумов или очередных статей И. В. Сталина.

Дежурной темой всех выступлений Г. И. Чуфарова перед сотрудниками университета было требование ускорения ими темпов повышения своей квалификации, обязательности ведения научной работы, увязки ее с учебным процессом и запросами производства, изжития догматизма, развертывания творческих дискуссий по актуальным теоретическим вопросам науки, вовлечения студентов в научно-исследовательский процесс.

Григорий Чуфаров много внимания уделял воспитанию у молодежи чувства патриотизма. Были введены спецкурсы по истории отечественной науки; проведена студенческая теоретическая конференция «О советском патриотизме» (1948), где было заслушано 257 докладов. Университет организовал три городские краеведческие конференции (1947, 1948, 1951). Материалы конференций, на которых выступали преподаватели и студенты УРГУ, были опубликованы. Г. И. Чуфаров написал совместно с А. Н. Пятницким брошюру «Вклад ученых Урала в науку». Члены студенческого научного общества читали популярные лекции о прошлом, настоящем и будущем России.

В том же 1947-м году случился скандал: секретарь партийной организации М. М. Степанович, проректор по учебной работе Н. П. Попов, декан факультета журналистики Н. В. Волынский и заведующий кафедрой теории и практики советской печати А. Н. Пятницкий, используя служебное положение, получили дипломы об окончании отделения журналистики УРГУ, не защищая дипломных работ. 26 октября 1949 года Свердловский обком ВКП(б) констатировал, что ректорат и партийная организация университета проходят мимо фактов семейственности, беспринципности, грубейших нарушений правительственных указаний при подготовке специалистов⁹.

За 1946—1956 годы аспирантуру университета окончили 113 человек¹⁰, штатные преподаватели университета защитили 7 докторских и 42 кандидатские диссертации¹¹. В 1956 году 124 преподавателя из 233 имели ученую степень и звание¹² (в 1946 их было 45 из 149¹³). Профессор Г. И. Чуфаров помог подготовить кандидатские диссертации более тридцати молодым ученым. Их восхищало умение Григория Ивановича нацелить каждого своего ученика на самое главное в исследовании, всячески развивать инициативу и самостоятельность, не обременяя излишней опекой. В 1950 году под руководством Григория Ивановича Чуфарова защитила кандидатскую диссертацию выпускница химического факультета 1948 года Ирина Евгеньевна Титова. Она изучила влияние ингибиторов на коррозию металлов. Исследование имело как теоретическое, так и практическое значение. Изобретатель и преподаватель И. Е. Титова всю жизнь проработала на кафедре физической химии Уральского университета. Титовой и ее однокурсникам Чуфаров читал лекции по физической химии. Григорий Иванович был прекрасным педагогом, но демонстрировал свое лекционное мастерство в университете крайне редко.

А вот докторов наук по-прежнему не хватало. В особенно сложном положении оказался географический факультет, и в 1955 году приказом Ми-

нистерства высшего образования СССР его объединили с геолого-географическим факультетом Пермского университета.

Учебную и научную работу затрудняло неудовлетворительное состояние материально-технической базы университета. Правда, с 1946 по 1955 год университету было выделено на приобретение научного оборудования и хозяйственного инвентаря 11 млн рублей¹⁴.

С 1946 года научная библиотека УрГУ начала получать обязательный экземпляр всех книг по профилю университета, выходящих в РСФСР. В 1947 году университету наконец-то передали 30 тыс. томов лицейской библиотеки. Но это был результат хлопот предыдущего ректора, И. Д. Седлецкого. Фонд библиотеки вырос со 148,7 тыс. томов — в 1946-м до 288,5 тыс. томов — в 1956-м.

В 1948 году при УрГУ был организован ботанический сад. В 1949-м — возвращено здание по улице 8 Марта, 62, в 1953-м — общежитие на Чапаева, 20, в 1955-м — жилой дом для преподавателей на Степана Разина, 41.

Учебная площадь УрГУ увеличилась на 9 тыс. кв. метров. Все факультеты стали заниматься в одну смену, с утра. За десять лет открыли 9 новых кабинетов, 19 лабораторий, новый физкультурный и читальный залы.

Большую ценность представляло оборудование радиобиологической лаборатории кафедры физиологии человека и животных. Новыми приборами и аппаратурой располагали лаборатории кафедры экспериментальной физики и физики твердого тела. Но использовалось это оборудование плохо. В штате университета не было инженера, который бы организовал его грамотную эксплуатацию и ремонт. На химфаке было тесно, не хватало точных приборов, электрооборудования, химических реактивов. Сплошь и рядом возникала нужда в какой-нибудь мелочи, но оказывалось, что приобрести ее невозможно без заявок в Главснаб министерства высшего образования СССР, который удовлетворял подобные обращения меньше, чем наполовину. Преподаватели и студенты нередко самостоятельно добывали материалы для опытов.

По просьбе ректора, члена областного обкома партии, Свердловский ОК КПСС направил в Москву ходатайство включить в народно-хозяйственный план 1954—1958 годов строительство комплекса учебных зданий и общежитий Уральского государственного университета, но оно не было удовлетворено.

В учебных зданиях УрГУ и его общежитиях было неуютно. Но кабинет ректора выглядел весьма респектабельно. Первое, что бросалось в глаза, это сувениры из «стран народной демократии»: с 1946 по 1957 год в уни-

верситете учились 115 студентов из девяти стран Центральной, Юго-Восточной Европы и Дальнего Востока.

В 1950 году ученый совет университета получил право присваивать ученую степень кандидата наук по общественным дисциплинам. В 1951—1954 годах в УрГУ работали курсы по подготовке вузовских преподавателей-обществоведов, которые окончили около 150 человек. С начала 50-х годов при кафедрах истории КПСС, политэкономии и философии были организованы консультационные пункты.

В начале 50-х годов в университете полным ходом шло формирование научных школ: алгебраической, теории устойчивости, теоретической физики, физики магнитных явлений, электрохимии, высокомолекулярных химических соединений, византиноведения.

В 1948 году возобновилось издание «Ученых записок Уральского университета» — при Чуфарове вышло в свет десять томов. Если в 1947 году преподаватели университета опубликовали 37 научных работ, то в 1956-м их было 132¹⁵. Г. И. Чуфаров в 1953 году издал в соавторстве монографию¹⁶. Всего им было опубликовано 303 научные работы¹⁷.

К середине 50-х годов УрГУ уже имел прочные и длительные связи с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями области. Заключались хозяйственные договоры, оказывалась помощь в повышении квалификации кадров подшефных заводов и колхозов, выполнялись задания производства, давались консультации, читались лекции. Объем хозяйственных работ с 1953 по 1956 год составлял 11—12 тыс. рублей.

Под руководством Г. И. Чуфарова преподавателями и студентами было проведено исследование физико-химических процессов при производстве белой жести. В 1954 году его опыт внедрили на Северском металлургическом заводе, в результате значительно снизился брак.

Студенты участвовали в поиске способов очистки сточных вод предприятий черной металлургии. По соглашению со Свердловским облпланом выполнили экономико-географическое описание 32 районов области. Члены математического кружка оказали помощь конструкторам УЗТМ при расчете конструкций новых механизмов и т. д.

К 1954 году в университете действовало шесть студенческих экспедиций. В теоретических и прикладных работах принимали участие до 40 % студентов¹⁸. С 1950 года начал выходить физико-математический бюллетень. Исследования членов кружка политической экономии были опубликованы в семи сборниках, кружка уральского фольклора — в трех.

Летом 1946 года отличников среди студентов университета было всего 5,8 %, в 1956 году — 22,8 %¹⁹.

Какие отношения складывались между ректором и студентами? В середине 50-х годов в университете поговаривали, что Чуфарова можно увидеть только при поступлении и распределении. Однако вряд ли дело обстояло так. Особенно часто встречались с Чуфаровым студенты — члены комитета ВЛКСМ университета, профкома: «Они приходили к ректору решать те или иные вопросы, связанные со стипендиями, общежитиями, частными квартирами, где жили в то время многие студенты. Григорий Иванович всегда внимательно выслушивал посетителей, вникал в существо проблемы, помогал найти приемлемое решение», — вспоминает выпускник УрГУ В. П. Виктор²⁰.

Впрочем, за годы ректорства Г. И. Чуфарова университет окончили 2851 человек, так что случалось всякое.

В апреле 1948 года ректор Г. И. Чуфаров снял со Сталинской стипендии отличника Б. И. Плоткина (в будущем — выдающегося алгебраиста, профессора Иерусалимского университета). Студент игнорировал общественные науки, заявляя: «Меня интересует только математика»²¹. Подобные настроения в студенческой среде были не редкостью. Газета «Сталинец» приводила высказывание другого студента физмата: «Зачем нам изучать основы марксизма-ленинизма? Пусть историки изучают»²².

Григорию Ивановичу постоянно приходилось выслушивать от вышестоящих инстанций упреки в низком уровне идейно-воспитательной работы, а некоторые студенческие акции «компетентные» органы квалифицировали как антисоветские. В частности, констатировалось, что «С разрешения ректора Чуфарова в конце марта 1947 года была осуществлена постановка пьесы “Машина времени”, по своему содержанию носящая явно клеветнический на советское студенчество характер»²³.

Г. И. Чуфаров не мог не согласиться с критикой вышестоящих инстанций. Последовали организационные выводы: перевели с дневного на заочное отделение старосту литературного кружка фронтовика Глеба Васильевича Пиньжакова.

Февраль и октябрь 1956 года ознаменовались появлением в университете рукописных студенческих журналов «Всходы» и «В поисках». Среди их авторов были студенты историко-филологического факультета Григорий Федосеев и Юрий Хлусов, которые пришли к выводу о перерождении советского государства в эксплуататорское и антидемократическое. Идеалом их оставалось коммунистическое общество, ближайшей задачей — добиться свободы слова. 3 ноября 1956 года на комсомольском собрании отделения журналистики Ю. С. Скопом, Ю. Г. Карповичем, В. М. Плотниковым, О. А. Чекризовым была предложена резолюция, где, в частно-

сти, прозвучало: «Протестуем против мелочной, перестраховочной опеки партийной организации и партийного руководства. Требуем свободы комсомольской демократии, идеологической дискуссии...». Из 153 человек за осуждение этой резолюции голосовало всего 37²⁴.

23 ноября 1956 года приказом Г. И. Чуфарова за клеветнические заявления, несовместимые со званием советского студента, О. А. Чекризов, Ю. Г. Карпович, Г. Е. Федосеев, Ю. Ф. Хлусов были исключены из УрГУ.

Григория Ивановича потрясло, что точку зрения оппозиционеров разделяло большое количество студентов, а сам он на вопросы взбудораженных решениями XX съезда КПСС студентов ответов найти не мог. В декабре 1956 года появилось постановление бюро Свердловского обкома КПСС, в котором говорилось, что руководители УрГУ потеряли чувство партийной и государственной ответственности за воспитание молодежи, и последовал приказ Минвуза СССР об освобождении Г. И. Чуфарова от должности ректора Уральского университета по состоянию здоровья.

За многолетнюю работу министерство объявило профессору Г. И. Чуфарову благодарность²⁵. В 1951 году его наградили орденом Трудового Красного Знамени, а в 1953-м — вторым орденом Ленина.

До конца жизни Г. И. Чуфаров продолжал заведовать лабораторией кинетики и катализа металлургических процессов, с 1967 по 1974 год Г. И. Чуфаров был заместителем директора по научной работе Института металлургии УНЦ АН СССР.

В 1975 году Григорий Иванович Чуфаров был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени, в 1980-м — орденом Октябрьской Революции.

Дети Григория Ивановича Чуфарова, Ирина и Владимир, окончили Уральский государственный университет, стали учеными.

Григорий Иванович Чуфаров скончался 1 февраля 1984 года в Свердловске²⁶.

¹ ГАСО, ф. Р-227, оп. 2, д. 4508.

² См.: Известия Уральского государственного университета. 1922/1923. Т. 3. С. 75—81.

³ Архив УрГУ. Личное дело Г. И. Чуфарова, л. 21—25.

⁴ См.: Уральский университет. 1965. 21 окт.

⁵ См.: Очерки истории Уральского университета. — Свердловск, 1967. С. 45.

⁶ См.: *Тагер А. А. Моя жизнь.* — Екатеринбург, 1995. С. 39.

⁷ Сталинец. 1948. 28 сент.

⁸ Архив музея истории УрГУ, в. ф. 1975.

⁹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 7, л. 2, 89.

¹⁰ Архив музея истории УрГУ, д. 22.

¹¹ См.: Сталинец. 1951. 1 сент.; 1953. 7 нояб.; 1954. 1 янв.

¹² См.: Очерки истории Уральского университета. С. 46.

¹³ См.: Уральский университет. 1965. 21 окт.

¹⁴ См.: Очерки истории Уральского университета. С. 45.

¹⁵ См.: Материалы к библиографии печатных работ преподавателей Уральского университета. — Свердловск, 1958.

¹⁶ См.: *Чуфаров Г. И., Татиевская Е. П.* Адсорбционно-каталитическая теория восстановления окислов металлов // Проблемы металлургии. — М., 1953.

¹⁷ См.: Годы поиска // Урал. рабочий. 1970. 15 нояб.

¹⁸ См.: Сталинец. 1952. 11 апр.

¹⁹ См.: Там же. 1946. 11 июля; 1957. 7 февр.

²⁰ Личный архив В. П. Викторова.

²¹ Сталинец. 1948. 19 апр.

²² Там же. 1947. 23 сент.

²³ Архив музея истории УрГУ. Фонд «Литературно-творческий кружок Уральского университета». О том, что произошло на самом деле, можно узнать из воспоминаний выпускника историко-филологического факультета Уральского университета Стефана Антоновича Захарова, долгие годы проработавшего ответственным секретарем редакции журнала «Урал».

С. А. Захаров был одним из авторов капустника, где по ходу действия демонстрировали агрегат, при помощи которого можно было узнать о будущем членов литературного кружка. Например, Иосиф Гершенбаум (в будущем известный писатель И. А. Герасимов) изображал литератора-доходягу, скитающегося до глубокой старости по различным редакциям, но везде натывающегося на отказ. Все было очень смешно... «Капустная» история завершилась арестом Виктора Сергеевича Рутминского (Фалеева). См.: *Захаров С.* «Машина времени». Из истории одного литературного кружка // Урал. 1991. № 6. С. 161—164.

²⁴ ЦДООСО, ф. 161, оп. 27, д. 57, л. 27—31.

²⁵ См.: Уральский университет. 1956. 4 дек.

²⁶ См.: Уральский рабочий. 1984. 3 февр.

Сергей Васильевич Карпачев

Ректор Уральского университета
с декабря 1956 по 30 июля 1963 года

С фотографии 1956 года

Сергей Васильевич Карпачев родился 24 февраля 1906 года на берегах великой русской реки Волге, в губернском центре городе Костроме.

Отец, как до Октябрьской революции, так и после нее, работал кассиром. Мать была акушеркой.

В 1922 году, шестнадцати лет отроду, Сергей Карпачев окончил школу второй ступени в Забайкалье, в городе Верхнеудинске (нынешний Улан-Удэ), а в 1924 году поступил на химико-металлургический факультет Уральского университета.

С 1925 года Сергей Карпачев начал работать препаратором в Уральском политехническом институте (как, вновь напомним читателю, с 6-го мая 1925 года стал называться Уральский государственный университет).

Возможно, эта ранняя причастность Карпачева к научно-исследовательской работе была вызвана чисто житейскими обстоятельствами: в 1925 году умер отец Сергея Васильевича, нужно было добывать средства к существованию.

Уже к началу 1930 года Сергеем Карпачевым была подготовлена к печати выполненная совместно с завкафедрой технологии электрохимических производств УПИ Иваном Григорьевичем Щербаковым работа «Обезвоживание хлористого магния»¹.

После окончания Химико-технологического института — а УПИ в марте 1930-го был разделен на 10 самостоятельных вузов — в 1930 году С. В. Карпачев был назначен руководителем магниевой группы, которой через два года удалось посредством электролиза расплавленных солей получить из уральского сырья (карналлита) металлический магний.

В том же 1932 году Сергей Васильевич организовал лабораторию электрохимии расплавленных солей, на базе которой впоследствии был создан Институт высокотемпературной электрохимии Уральского научного центра Академии наук СССР и которой Карпачев руководил по 1946 год.

С юношеских лет вращаясь в кругах преподавателей Уральского университета — Уральского политехнического института — Уральского индустриального института, Сергей Васильевич рано понял, что хорошего специалиста может подготовить только человек, который сам проявляет себя как творец науки. Этим правилом он руководствовался на протяжении всей своей педагогической деятельности.

В Уральском индустриальном (так вуз, наследовавший УПИ, стал называться в 1939 году) институте с 1930 по 1941 год Карпачев прошел традиционный путь от ассистента до профессора. Докторскую диссертацию на тему «Исследования в области электрохимии расплавленных солей» он защитил в МГУ 13 февраля 1940 года.

С 1941 по 1949 год профессор Карпачев заведовал кафедрой физической химии Свердловского (с 1945 года — Уральского) государственного университета, в марте — апреле 1946 года исполнял обязанности ректора, а в 1946–1947 годах был проректором по научной работе университета.

Его всегда окружали преподаватели, аспиранты, старшекурсники. Сергей Васильевич умел разглядеть будущего ученого в «зеленом» студенте и помочь ему достичь значительных результатов. Под руководством С. В. Карпачева было защищено 28 кандидатских диссертаций. Восемь его учеников стали докторами наук². Среди них заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, декан химического факультета УрГУ (1968—1987) Вениамин Павлович Кочергин.

В годы Великой Отечественной войны профессор С. В. Карпачев и ассистент Н. Ф. Ладыгин разработали метод полярографического определения алюминия, меди и цинка в алюминатных растворах. Бригада кафедры коллоидной химии Свердловского университета во главе с профессорами С. В. Карпачевым и С. Г. Мокрушиным, разработала внедренные в производство метод укрупнения гидроокиси алюминия и новый метод анализа алюминатных щелоков³.

Сотрудники лаборатории электрохимии расплавленных солей Уральского филиала АН СССР под руководством С. В. Карпачева подняли производительность электролизных ванн в алюминиевой промышленности, что позволило увеличить выход металла на 4 %. Из полученного металла можно было изготовить дополнительно сотни самолетов в год⁴.

В 1943 году приказом народного комиссара просвещения РСФСР за достижения в научно-исследовательской работе профессору Сергею Васильевичу Карпачеву была объявлена благодарность.

С 1944 года Карпачев — член ВКП(б). В 1945 году он был награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и знаком «Отличник народного просвещения»⁵.

С 1946 по 1948 год Сергей Васильевич Карпачев занимал пост директора Института физики металлов Уральского филиала Академии наук СССР.

Летним днем 7 июля 1949 года по распоряжению Совета министров СССР доктор химических наук С. В. Карпачев прибыл на «уральскую базу технического снабжения».

Под таким названием в личном деле Карпачева фигурирует «закрытый» Верх-Нейвинский завод по обогащению урана, ныне Уральский электрохимический комбинат, что находится в городе Новоуральске. Тогда же этот окруженный рядами колючей проволоки населенный пункт — с центральной улицей, носящей имя Л. П. Берии — назывался «почтовым ящиком» и жил в режиме строжайшей секретности.

Комбинат служил основной научно-производственной площадкой работ по развитию и совершенствованию технологии изотопного обогащения. Сначала Сергей Васильевич был заместителем, затем — с 1953-го до 1956 года — начальником центральной заводской лаборатории.

С. В. Карпачев отвечал за создание новых типов диффузионных фильтров. Эрудиция, умение оказать помощь в разрешении технических проблем и здесь помогли ему завоевать авторитет. Было известно, что от Сергея Васильевича можно ожидать не только ответ на каверзный производственный вопрос, но и приглашение на вкусный домашний обед с морским вином.

К 1955 году Верх-Нейвинский завод вышел на плановые показатели выпуска концентрата урана для атомных бомб. За успехи в проведении работ по получению высокообогащенного урана Сергей Васильевич Карпачев дважды награждался Сталинскими премиями, дважды — орденами Трудового Красного Знамени, орденом Ленина⁶.

С декабря 1956 года Сергей Васильевич Карпачев вновь в УрГУ. Он назначается ректором в сложное, но интересное время.

Во главе вуза Сергей Васильевич был обязан выполнять грозное постановление Свердловского обкома КПСС: «...Ликвидировать запущенность в политико-воспитательной работе среди студенчества, повысить политическую бдительность, непримиримо относиться к чуждым взглядам и настроениям... Принять необходимые меры к укреплению учебной дисциплины среди студентов... к дальнейшему улучшению качественного состава преподавателей университета... Обеспечить при проведении очередного приема увеличение рабочей прослойки среди студентов...»⁷

О стиле руководства нового ректора можно судить по новогоднему поздравлению Сергея Васильевича Карпачева, адресованному коллективу университета. Никогда, пожалуй, оно не было таким доверительным и человечным. «Сердечно поздравляю... Любовно учите...» и т. п.

Студентам Сергей Васильевич напоминал: «В вашей практической деятельности вы должны пойти дальше своих учителей». Преподавателей просил больше встречаться с молодежью в неофициальной обстановке; чутко реагировать на запросы молодежи; стараться исчерпывающим образом разъяснять ей все неясное⁸.

А вот что писал преподаватель Уральского университета психолог Валентин Степанович Матвеев: «Сергей Васильевич Карпачев остался в моей памяти и ректором, и человеком очень своеобразным, чудаковатым, но очень приятным. Когда он вступал в ректорскую должность, он собрал весь профессорско-преподавательский состав и произнес “тронную речь”. Хотя это и были уже первые послесталинские годы, но было это и ново, и необычно»⁹.

Карпачеву очень нравились «вечера вопросов и ответов», которые с 1958 года начала проводить кафедра философии. Здесь студентам разрешалось задавать самые острые, подчас каверзные, вопросы. На эти вечера собирался полный зал студентов всех факультетов университета. Сергей Васильевич рекомендовал проводить подобные акции и руководителям кафедр естественных наук.

В сентябре 1957 года геологический факультет Уральского университета присоединили к Свердловскому горному институту. В результате УрГУ по количеству студентов и факультетов оказался на предпоследнем месте в РСФСР.

Карпачев поставил перед собой и руководимым им коллективом ответственную задачу — вновь вывести университет на лидирующие позиции. Для этого у Сергея Васильевича были подготовлены «прочные тылы»:

поддержка члена политбюро ЦК КПСС А. П. Кириленко, первого секретаря Свердловского обкома КПСС К. К. Николаева, а также неустанная помощь молодого проректора по научной работе, выпускника физико-математического факультета Уральского университета А. Ф. Герасимова.

Был разработан грандиозный план на 20 лет. Университет должен был стать Большим научным центром. Десяток учебных корпусов, в которых разместятся факультеты со своими научно-исследовательскими институтами и лабораториями, жилые корпуса для студентов, аспирантов и профессоров, административный корпус с библиотекой и т. д. — такова далеко не полная картина университетского городка, который предполагали возвести на западной окраине Свердловска, за Центральным стадионом¹⁰.

Подобно программе построения коммунизма в СССР, в целом этот проект не был реализован. Однако отдельные его элементы постепенно воплощались в жизнь. По инициативе А. Ф. Герасимова университет первым среди вузов Свердловска организовал научно-исследовательский сектор. Приступили к проектированию пристройки к учебному корпусу (ул. Куйбышева, 48); поставили вопрос о передаче университету дома № 51 по проспекту Ленина, четырехэтажного дворца, который в это время занимал Свердловский совнархоз. В 1956 году были восстановлены исторический и филологический факультеты.

В 1959-м наконец-то вняли аргументации тех, кто готовил работников печати и средств массовой информации и организовали самостоятельный факультет журналистики.

В 1960 году физико-математический факультет разделили на физический и математико-механический. Создали экономический факультет.

В 1961 году при филологическом факультете открыли отделение истории искусств. Одна за другой появлялись новые кафедры и проблемные лаборатории.

Особенно трудно было организовывать кафедру вычислительной математики на матмехе. До 1960 года подобные кафедры имели только Московский и Ленинградский университеты, Московские физико-технический и инженерно-технический институты, Высшее училище им. Н. Э. Баумана. Преподавателей для этой кафедры пришлось искать в «закрытых» городах Уральского региона¹¹. Возможно, пригодились знакомства Сергея Васильевича Карпачева в области атомной промышленности.

С 1959 года начал работать вычислительный центр. На физическом факультете открыли кафедру оптики полупроводников и радиоспектроскопии, проблемную лабораторию физики твердого тела. Готовились к открытию проблемных лабораторий полупроводниковой техники и постоянных

магнитов. В 1960 году была восстановлена кафедра астрономии и геодезии, возобновился выпуск специалистов в области астрономии. Студенческая станция наблюдения за искусственными спутниками Земли стала одной из лучших в СССР. Ее деятельность была вознаграждена выделением средств на строительство университетской астрономической обсерватории, которое началось в 1963 году.

На химическом факультете доктор химических наук Анна Александровна Тагер вслед за МГУ в 1958 году создает кафедру высокомолекулярных соединений и начинает разрабатывать новое научное направление, посвященное термодинамике растворов полимеров. В 1961 году на биологическом факультете доцент Виталий Владиславович Тарчевский организует хозрасчетную лабораторию промышленной ботаники. Сотрудники лаборатории впервые на Урале взялись за восстановление нарушенных промышленностью земель.

С начала 1960-х годов доктор философских наук Михаил Николаевич Руткевич подготавливает почву для организации философского факультета. Эту идею всецело поддерживает Сергей Васильевич Карпачев. В 1960 году как структурное подразделение этого грядущего факультета была организована лаборатория социологических исследований¹². Среди вузовских социологических лабораторий СССР она была первой.

В 1959 году с большим трудом, при помощи студентов, университет построил общежитие на 420 мест (ул. Чапаева, 16). Ректор несколько раз, на общем комсомольском собрании и на страницах газеты «Уральский университет», сердечно благодарил студентов, работавших на строительстве. Общежитие в учебном корпусе по улице 8 Марта, 62 было ликвидировано. Но освободившихся площадей было недостаточно для растущего вуза. Под лаборатории, аудитории продолжали занимать даже коридоры.

В особенно тяжелом положении оказались физики. У них не хватало не только материалов, оборудования, производственных площадей, но и преподавателей. Сотрудники научных институтов Свердловска не рвались переходить в университет из-за большой учебной нагрузки. Иногородних ученых пригласить было невозможно, поскольку университету по-прежнему выделяли крайне мало квартир. Из 35 кафедр университета на 23 не было профессоров и докторов наук.

Правда, за 1957—1962 годы в университете 66 человек защитили кандидатские диссертации¹³. В 1961 году аспирантуру окончил Юрия Николаевич Субботин, в дальнейшем член-корреспондент РАН, создатель уральской школы по теории сплайнов.

С 1961 года преподаватели и студенты УрГУ начинают получать авторские свидетельства на изобретения. Первым за изобретение «Способ очистки промывных сточных вод и устройство для его осуществления» авторское свидетельство получил доцент Геннадий Дмитриевич Пашевский, бывший студент химико-металлургического факультета Уральского университета начала 20-х годов.

С 1962 года преподаватели и студенты Уральского университета появляются среди лиц, награжденных медалями ВДНХ СССР. Первым в 1962 году Большой серебряной медали ВДНХ СССР был удостоен доцент биологического факультета Виталий Владиславович Тарчевский.

Студенты УрГУ участвовали в ремонте общежития, строительстве университетской обсерватории, трамвайной линии, жиркомбината в Свердловске, возведении Качканарского горно-обогатительного комбината. За участие в уборке урожая на полях Красноуфимского района Свердловской области коллектив Уральского университета был награжден Свердловским городским комитетом ВЛКСМ Красным знаменем (1959), Свердловским областным Советом депутатов трудящихся почетной грамотой (1962)¹⁴.

В 1957 году комсомольцы университета заняли первое место в соревновании свердловских и московских вузов, помогавших убирать урожай в Хакасской автономной области; 19 студентов были награждены медалями «За освоение целинных земель»¹⁵. Диплома первой степени удостоили на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене (1959) хор Уральского университета¹⁶.

Однако многое удручало Сергея Васильевича. Из года в год снижалась успеваемость. В 1963 году она была самой низкой за 1946—1963 годы — 79,6 %¹⁷. В 1962 году в университет приняли 1 412 студентов (в 1957 году — 778), а выпустили всего 501 специалиста (в 1957 году — 530). На это были объективные причины. Согласно реформе образования 1958 года, лица с производственным стажем и военнотруженики имели при поступлении преимущества перед молодежью, только что окончившей школу. Ректор сам выступал перед рабочими Верх-Исетского металлургического завода, агитируя их поступать в университет. Однако многие военнотруженики поступали в университет лишь для того, чтобы получить возможность досрочно демобилизоваться. У пришедших с производства лиц зачастую была слабая общеобразовательная подготовка.

При этом у «непроизводственников» традиционно сохранялось скептическое отношение к официальным постулатам. Так, в 1962 году студенты физического и математико-механического факультетов саботировали строительные и уборочные работы. Пьянство, воровство, разврат также не

отошли в прошлое. За 1960—1962 годы 19 студентов получили серьезные взыскания, шестеро были исключены из ВЛКСМ¹⁸.

Некоторые студенты-выпускники отказывались работать по распределению в сельских школах.

Были к С. В. Карпачеву и претензии со стороны коллектива Уральского университета. Конечно, все понимали, что Сергей Васильевич чрезвычайно занят. Кроме всего прочего он нес общественные нагрузки: был членом городского, потом областного Совета депутатов трудящихся, председателем комиссии по народному образованию, членом Свердловского ОК КПСС, председателем областного отделения общества «СССР—Англия».

Тем не менее от ректора ждали более энергичного решения вопросов перспективного развития университета, улучшения быта студентов, преподавателей и сотрудников. При Карпачеве, как и при его предшественниках, плохо работала административно-хозяйственная часть: дорогое оборудование не устанавливалось и ржавело под открытым небом, университетские дворы были захламлены. В главном корпусе не соблюдался должный санитарный порядок. В столовой по-прежнему обшчитывали, обвешивали и грубили. Молодежь надеялась на улучшение работы клуба, создание стационарного спортивно-оздоровительного лагеря.

В феврале 1963 года комиссия Свердловского обкома КПСС признала состояние подготовки научных кадров в Уральском университете неудовлетворительным.

Главной причиной неудовлетворительной подготовки научных кадров обкомовская комиссия признала недостаточную требовательность руководства университета. Свердловский ОК КПСС посчитал, что большую твердость у кормила УрГУ проявит бывший председатель президиума Дальневосточного филиала Академии наук СССР Б. П. Колесников.

Сергей Васильевич наверняка был рад отдохнуть. Он серьезно болел — в 1960 году перенес инсульт...

С июня 1963 по 1977 год ученый возглавлял Институт электрохимии Уральского научного центра АН СССР. Здесь им была организована первая в мире лаборатория электрохимической кинетики твердых электролитов, которой он руководил двадцать один год.

В ноябре 1970 года С. В. Карпачев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В последние годы жизни Сергей Васильевич исследовал процессы, протекающие в гальванических элементах с твердыми электролитами, изучал проводимость этих электролитов в зависимости от их состава и темпера-

туры, поляризацию электродов, особенности строения двойного слоя на границе раздела «твердый электролит — металл».

Всего перу Сергея Васильевича Карпачева принадлежит 180 научных работ, посвященных исследованиям в области электрохимии.

Крупнейший специалист по изучению расплавленных солей, С. В. Карпачев мечтал прервать традицию, в соответствии с которой промышленность работает по принципу «после меня хоть потоп». В частности, он предлагал заменить воду в технологических процессах расплавленными солями, таким образом приостановить загрязнение окружающей среды¹⁹. Для Сергея Васильевича Карпачева, любителя-рыболова с многолетним стажем, значимость природы для человека была предметом не только теоретических рассуждений, но и данностью собственных эстетических переживаний и решительных действий, направленных на сохранение экологии.

Скончался Сергей Васильевич Карпачев 9 апреля 1987 года в Свердловске²⁰.

По словам крупнейшего специалиста в области электрохимии академика Александра Наумовича Фрумкина, «работы по исследованию двойного слоя в расплавленных электролитах в основном выполнены уральской школой электрохимиков: О. А. Есиным, С. В. Карпачевым, А. Г. Стромбергом, М. В. Смирновым, В. А. Кузнецовым, Е. А. Ушке и другими. Они поставили советскую электрохимию в этой области, бесспорно, на первое место в мире»²¹. Двое из названных ученых — Сергей Васильевич Карпачев и Василий Александрович Кузнецов — были ректорами Уральского государственного университета.

¹ См.: Уральский техник. 1930. № 10–12.

² См.: Уральский рабочий. 1987. 14 апр.

³ См.: Очерки истории Уральского университета. — Свердловск, 1967. С. 40.

⁴ См.: Наука Урала. 1980. 17 окт.

⁵ Архив УрГУ. Личное дело С. В. Карпачева; Сталинец. 1945. 26 нояб.

⁶ Архив музея Уральского электромеханического комбината. Личное дело С. В. Карпачева, л. 21, 23, 53.

⁷ ЦДООСО, ф. 4, оп. 55, д. 66, л. 14–17.

⁸ См.: Уральский университет. 1957. 1 янв.

⁹ Продолжение следует. — Екатеринбург, 2004. С. 89.

¹⁰ См.: Уральский университет. 1962. 18 янв.

¹¹ См.: Там же. 1991. 29 апр.

¹² См.: Культурное строительство на Среднем Урале: Сб. док. 1941–1977. — Свердловск, 1987. С. 229.

¹³ См.: Уральский университет. 1963. 7 марта.

¹⁴ См.: Уральский университет. 1959. 15 окт.; 1963. 3 янв.

¹⁵ См.: Там же. 1957. 17 окт., 4 дек.

¹⁶ См.: Комсомольская правда. 1959. 8 авг.

¹⁷ См.: Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967. С. 64.

¹⁸ См.: Уральский университет. 1962. 22 нояб.

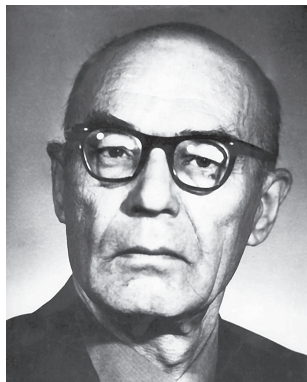
¹⁹ Яровой Ю. В. Репортаж из УНЦ. — Свердловск, 1974. С. 211—224.

²⁰ См.: Уральский рабочий. 1987. 14 апр.

²¹ Современные проблемы физической химии. — М., 1970. Т. 4. С. 10.

Борис Павлович Колесников

Ректор Уральского университета
с 30 июля 1963 по 20 августа 1968 года

С фотографии 1963 года

Теперь, когда «Русский лес» Л. Леонова не входит в круг обязательного чтения даже студентов-филологов, приходится особо объяснять, что героем этого популярного в свое время романа был лесовед-профессор Вихров. Его слова: «Лес для меня не профессия, а призвание»¹, — мог бы повторить вслед за ним и ректор Уральского университета Борис Павлович Колесников.

Борис Павлович родился в Петербурге 30 мая 1909 года в семье военного фельдшера. Двух лет от роду родители увезли маленького Бориса на Дальний Восток, где в лесах и прошли его детство и юность.

В молодые годы он бедствовал. Подорвал здоровье. Заболел туберкулезом. Борьба за существование выработала у него характер целеустремленный, чуждый сантиментов, аскетичный и замкнутый².

Трудовую биографию он начинал конторщиком Амчинского лесозаготовительного участка треста «Приморский лес». Интерес к ботанике, географии, лесоведению привел Бориса Колесникова на лесное отделение Дальневосточного государственного университета. Приобретая навыки изучения растительности в экспедиции на остров Сахалин (1930), Колесников сразу после окончания вуза (1931) возглавил лесной отряд Эврон-Горинской экспедиции Дальневосточного НИИ промышленных изысканий. Собрал материал для своей первой самостоятельной статьи «Интересные флористические находки в связи с историей развития растительного по-

крова в бассейне реки Горин»³. В декабре 1931-го года Б. П. Колесников поступил в аспирантуру при Дальневосточном лесотехническом институте. Через три года был принят на работу в сектор почвоведения, геоботаники и флоры местного филиала АН СССР.

В 30-е годы Борис Павлович работал в на территории Судзухинского (ныне Лазовского) заповедника, возглавляя ботанико-энтомологическую экспедицию. В 1939 году на ученом совете Ботанического института АН СССР в Ленинграде Борис Павлович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Растительность восточных склонов среднего Сихотэ-Алиня».

Началась война, и Борис Павлович был переведен на Северную базу АН СССР, в Архангельск, где он, работая в бассейне реки Вычегды, занимался классификацией типов лесов. В 1941 году он заведует ботаническим кабинетом Горно-таежной станции АН СССР — единственного в те годы академического учреждения на Дальнем Востоке. В 1943 году Борис Павлович возглавляет почвенно-ботанический сектор Дальневосточной базы АН СССР.

В период Великой Отечественной войны Колесников вступил в коммунистическую партию.

В 1947 году был вновь открыт Дальневосточный филиал АН СССР, и Борис Павлович перешел туда на должность заведующего лабораторией лесоведения, геоботаники и флоры. В декабре 1952 года Колесников успешно защитил докторскую диссертацию, которая в 1956 году была опубликована в виде монографии «Кедровые леса Дальнего Востока». Этот труд, удостоенный премии Академии наук СССР, получил международное признание и стал основополагающим для географо-генетического направления в лесной типологии. Нарисовав картину генезиса кедровых лесов, Борис Павлович на их примере показал, что тип леса следует рассматривать как определенный этап лесообразовательного процесса. До конца своей жизни он последовательно развивал идеи географо-генетической типологии.

Борис Павлович занимался также систематикой растений. Область его научных интересов обширна: лесоведение, лесоводство, геоботаника, ботаническая география, систематика растений, дендрология, история растительности, агролесомелиорация, картография растительности, история науки и, наконец, география.

С июля 1951 по май 1953 года Б. П. Колесников исполнял обязанности председателя президиума Дальневосточного филиала АН СССР. Его утверждают в звании профессора. Следующие два года — он заместитель

председателя президиума Дальневосточного филиала по науке. Здесь Борис Павлович проявил себя как великолепный организатор»⁴.

Б. П. Колесников живо откликался на запросы практики, поэтому его авторитет среди работников лесного хозяйства был необычайно высок. В 1946 году Б. П. Колесников награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», в 1946 и 1953 годах — орденами «Знак Почета», в 1951, 1953, 1955 — медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Изучение состояния лесов и лесопользования неизбежно вело к мысли о необходимости создания системы охраны природы. Эта проблема вышла на первый план на следующем, уральском, этапе деятельности Бориса Павловича Колесникова.

В 1956 году Колесников переехал в Свердловск. Возглавил лабораторию лесоведения Института биологии (позднее Института экологии растений и животных) Уральского филиала АН СССР. Здесь же он создал дендрофизиологическую и лесоболотоведческую группы, способствовал выделению самостоятельной лаборатории лесного почвоведения. Начал комплексные исследования по генетической классификации и районированию лесов Урала. В 1960 году на Пятом Международном лесном конгрессе в США Борис Павлович читает доклад «Естественно-историческое районирование лесов (на примере Урала)».

В марте 1957 года при Уральском филиале Академии наук СССР была организована комиссия по охране природы. В 1959 году Б. П. Колесникова назначили ее руководителем.

Уральская академическая природоохранная комиссия оказалась одной из самых боеспособных и действовала даже после того, как многие другие, в том числе и всесоюзная, были закрыты. В задачи комиссии входила разработка научных основ охраны природы, рациональных схем заповедников и заказников, организация пропаганды природоохранительных знаний среди населения. Классификация памятников природы и ботанических объектов, составление инструкции по их описанию, выявление памятников природы, разработка конкретных мероприятий по их спасению — вот неполный перечень дел комиссии и ее помощников, видных ученых, партийных и советских работников, рядовых краеведов.

Работа часто велась на общественных началах. По инициативе Бориса Павловича, руководящие органы Свердловской и Челябинской областей приняли постановления об охране памятников природы. В первой половине 50-х годов на Урале существовало шесть заповедников, 14 заказников, было известно о 120 памятниках природы. За 16 лет деятельности комис-

сии под руководством Колесникова были описаны до 600 памятников природы, воссозданы заповедники Висимский и Денежкин Камень.

Борису Павловичу Колесникову и Василию Ивановичу Прокаеву принадлежит идея создания Среднеуральского национального парка. С 1975 года этот проект начали воплощать в жизнь студенты биологического факультета Уральского университета. Борис Павлович выступал на всех всесоюзных совещаниях по охране природы.

Колесников добился периодического издания сборников «Охрана природы на Урале». Он сам писал для них статьи, обязательно читал все материалы, которые поступали в редколлегию этого издания.

А в комиссию приходили письма, рассказывающие о пагубном воздействии промышленности на окружающую среду. И Борис Павлович с горечью констатировал: «Современное отношение к уральским лесам ничем не отличается от отношения к ним дореволюционных заводчиков»⁵. Более того, он отмечал, что в 1812—1850 годах в российских государственных заводских лесах были внедрены такие приемы хозяйствования, «о которых мы и сейчас мечтаем»⁶. Вывод: для организации рационального природопользования необходимо в корне менять принципы хозяйствования.

В самом конце июля 1963 года Борис Павлович Колесников приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР был назначен ректором Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Вот каким увидели нового ректора преподаватели и студенты университета:

Выше среднего роста. Худощав. Подтянут. Двигается быстро. Носит потертое черное пальто и такой же потертый портфель. Костюм новый, видимо, только что купленный. Белоснежная рубашка и галстук. Лицо всегда серьезное, строгое. Постоянно вид думающего человека. Говорил кратко, четко, без лишних слов, довольно монотонно и приглушенным голосом, а порой даже тихо — и всегда только о деле. Не терпел бездельников и подхалимов, но при этом ни разу не видели, чтобы он взрывался или скандалил. Редко улыбался и смеялся. Неизвестно, как он относился к шуткам и анекдотам. Подобная закрытость не всем нравилась. Известный остро слов, доктор философских наук Лев Наумович Коган даже съязвил, что новый ректор из леса пришел и в лес смотрит...

Борис Павлович Колесников заботился о превращении УрГУ в научный и культурный центр подготовки кадров для Урала и Западной Сибири. Было разработано несколько вариантов перспективных планов развития университета.

В 1965 году заметно улучшилась материальная база вуза⁷. Завершили строительство первой очереди Коуровской астрономической обсерватории. Возводили новые здания на территории биостанции. В 1966 году университету передали здание бывшего Средне-Уральского совнархоза (пр. Ленина, 51). В 1967 году вступило в строй пятиэтажное общежитие по улице Степана Разина на 502 места. Были запланированы пристройка на улице Тургенева, 4, несколько общежитий на улице Большакова. К 1969 году завершили пристройку к учебному корпусу по улице Белинского, 71.

После выхода постановления ЦК КПСС «О положении в биологической науке» (1964) наступил конец «лысенковщины»: студентам начали читать лекции по современной генетике, цитологии, биохимии.

Аспирантуру университета ежегодно оканчивали 60—100 человек. Многие — с защитой или представлением диссертации. Среди них — Ю. С. Осипов, в дальнейшем президент Российской академии наук.

Выполнялся план защит кандидатских диссертаций. По удельному весу «остепененных» преподавателей в 60-е годы показатели университета оказались выше средних в стране. С декабря 1963 по август 1968 года в университете защитили докторские диссертации 18 человек. Правда, план защит докторских диссертаций систематически не выполнялся. Однако в 1968 году 43 % кафедр уже возглавляли доктора наук (в 1963 году — 34 % кафедр). Университет смог организовать философский факультет (1966), Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук и факультет повышения квалификации преподавателей математики (1967), лабораторию фотосинтеза (1963), проблемные лаборатории полупроводниковой техники (1965) и постоянных магнитов (1966), редакционно-издательский отдел (1966). С осени 1963 по весну 1967 года было создано пять новых кафедр, в том числе прикладной математики. В сентябре 1967 года на базе экономического факультета Уральского университета был организован Свердловский институт народного хозяйства.

Получили всесоюзное и международное признание уральские научные школы в области математики и механики, возглавляемые членом-корреспондентом АН СССР Николаем Николаевичем Красовским, лауреатом Ленинской премии профессором Валентином Константиновичем Ивановым, профессором Петром Григорьевичем Конторовичем. Формировалась философско-социологическая школа вокруг профессора Михаила Николаевича Руткевича. Появившийся в 1966 году под редакцией М. Н. Руткевича сборник статей «Жизненные планы молодежи» вошел в десятку лучших работ по социологии, выполненных в СССР. Ценные исследования были

проведены профессорами Михаилом Яковлевичем Сюзумовым, Анной Александровной Тагер, Адольфом Трофимовичем Мокроносовым. В 1963 году доцентом Владимиром Михайловичем Жуковским и его сотрудниками положено начало новому научному направлению — физической химии твердого тела. Почти 70 % преподавателей университета систематически занимались научными исследованиями⁸. Объем хозяйственных работ в 1963 году составлял 162,7 тыс. рублей, а в 1967 — 483 тыс. рублей. Ученых, занимающихся хозяйственными работами, ректор отмечал в приказах, награждал премиями. Если в 1963 году преподаватели университета опубликовали 414 работ, то в 1967 году — 504. Эта цифра могла быть больше. Мешала слабая издательская база. За 1963—1968 годы 22 преподавателя университета были награждены медалями и дипломами ВДНХ СССР. Ежегодно университет проводил научные конференции для специалистов в области математики, физики, биологии, экономики, истории, филологии.

Продолжали укрепляться связи Уральского университета со свердловскими учреждениями Академии наук СССР. Это и взаимопомощь в научно-исследовательской и учебной работе, и подготовка кадров через аспирантуру, и скоординированные исследования, совместные экспедиции, объединенные советы. Правда, Борис Павлович сетовал, что научно-исследовательские институты переманивают к себе университетских ученых. Так, на физическом факультете не осталось ни одного штатного доктора наук. Все ушли в Институт физики металлов УФАН СССР. Там были лучшие условия для научной работы и давали квартиры.

Будущее уральской науки Колесников связывал с планом создания Уральского научного центра (УНЦ). Он надеялся, что в лаборатории УНЦ будут использованы для учебной практики студентов⁹. В составе УНЦ Борис Павлович хотел бы видеть отдел, изучающий проблемы охраны природы и рационального использования природных ресурсов. В 80-х годах XX века этим стал заниматься Институт экологии растений и животных УНЦ.

Б. П. Колесников предлагал структуру и планы развития УНЦ увязать со структурой и перспективными планами развития уральских вузов, прежде всего Уральского университета. Борис Павлович просил президиум Академии наук СССР поставить перед Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР вопрос об открытии в УрГУ геолого-географического факультета, а в план строительства академгородка включить возведение общежития для студентов Уральского университета, ведь многие из них проходили производственную практику в академических институтах. Но факультет не открыли, общежитие не построили...

Однако на выработку стратегии университета и ведение научной работы у Бориса Павловича оставалось все меньше времени и сил: в вузе с годами сложилась привычка по каждой мелочи обращаться к ректору, начиная от вопросов издательской работы и кончая проблемами распределения квартир. С 1963 по 1968 год Б. П. Колесников кроме ректорских обязанностей нес еще и нагрузку профессора университетской кафедры ботаники. Он продолжал заниматься вопросами лесной типологии. Тавдинский и северные районы Свердловской области, Красновишерский район Пермской области, Приобье (трасса Ивдель — Обь), Сихотэ-Алинь, Таджикистан, Киргизия — места его научных экспедиций в это время. Продолжал Борис Павлович интересоваться и проблемами ботанической географии. Особо следует отметить его монографию «Природоохрнительное районирование Урала» (1966), в которой впервые поставлена и разрешена проблема районирования крупного физико-географического района с позиций охраны природы и рационального использования естественных богатств.

Колесников составил несколько учебных программ по теме «Охрана природы» и читал по ним спецкурсы для студентов биологического факультета, а затем факультета журналистики. Добился того, чтобы эти курсы читали и в других вузах Свердловска. С 1963 по 1968 год им было опубликовано 29 научных, учебно-методических, популярных работ. Всего же в арсенале Б. П. Колесникова 250 научных публикаций. В 1966 году Борису Павловичу был вручен знак «Почетный член общества охраны природы».

В том же году комсомольская организация Уральского университета была внесена в Летопись трудовых дел ЦК ВЛКСМ и награждена медалью «За освоение целины». Так была отмечена ударная работа сельскохозяйственных и строительных отрядов университета¹⁰.

За 1964—1968 годы университетом было подготовлено 4 524 специалиста.

Успеваемость медленно, но повышалась (с 81,4 % в 1963 году до 83,2 % в 1968-м)¹¹. Доля отличников среди студентов была выше среднегородской. Почти половина студентов занималась научной работой¹². В их числе — будущие члены-корреспонденты РАН Николай Георгиевич Смирнов и Борис Михайлович Шустов, академик РАН Андрей Измайлович Субботин. Однако университет отставал от среднегородских показателей по числу студентов, сдающих экзамены на повышенные оценки.

...Борису Павловичу становилось все труднее выполнять пожелания своих подчиненных. От него ждали усиления лоббирования интересов

УрГУ в высших государственных и партийных органах, а Колесникова прежде всего волновали проблемы охраны природы.

20 августа 1968 года Б. П. Колесников был освобожден от должности ректора Уральского университета с формулировкой «по собственному желанию, в связи с переходом на научную работу»¹³.

9 марта 1969 года Борис Павлович писал своему знакомому: «Сдав дела ректора университета, я перешел заведовать новой кафедрой геоботаники и почвоведения на биологическом факультете. Стал преподавателем на старости лет — читаю лекции, руковожу дипломниками и т. д. Не бросаю и лабораторию промышленной ботаники. В общем, работы не меньше, чем раньше. Но она интереснее»¹⁴.

Руководил Борис Павлович и аспирантами. По неполным данным, среди его учеников более 20 кандидатов и доктор наук¹⁵. Приглашенный в 1972 году из Вологодского педагогического института кандидат биологических наук доцент В. Г. Турков под руководством Б. П. Колесникова организовал на территории Висимского заповедника Среднеуральский горно-лесной биогеоценологический стационар. Здесь ежегодно работали 30—50 сотрудников и студентов биологического факультета УрГУ и других вузов страны, а также сотрудники Института экологии растений и животных УНЦ АН СССР.

В 1969 году, после смерти доктора биологических наук В. В. Тарчевского, Борис Павлович взял на себя научное руководство лабораторией промышленной ботаники. Приглашенная Б. П. Колесниковым на кафедру из Института экологии растений и животных кандидат биологических наук Галина Ивановна Махонина начала разрабатывать тему «Начальные этапы почвообразования на нарушенных промышленностью землях». По инициативе Бориса Павловича, ею впервые в стране был прочитан спецкурс «Учение о биосфере»¹⁶.

В 1975 году Б. П. Колесников и ряд его сотрудников были награждены первой премией ученого совета УрГУ за цикл работ по теме «Рекультивация территорий, нарушенных промышленностью».

В последние годы работы на Урале Борис Павлович много внимания уделял вопросам методического обеспечения исследований на нарушенных землях. Выход в свет сборника «Программа и методика изучения техногенных биогеоценозов» (М., 1978) — в значительной степени его заслуга. Б. П. Колесников обосновывает необходимость, создает и становится первым председателем секции «Оптимизация техногенных ландшафтов» в Научном совете по биогеоценологии и охране природы АН СССР.

В период 1972—1980 годов Борис Павлович состоял членом редколлегии журнала «Лесоведение». Избранный в 1970 году членом-корреспондентом АН СССР, он организует и возглавляет постоянно действующую секцию «Научные основы охраны растительного мира» в Проблемном совете АН СССР «Биологические основы рационального использования и охраны растительного мира».

Борис Павлович был соавтором академиков А. Т. Мокроносова и С. С. Шварца, написавших для Минвуза РСФСР докладную записку, в которой обосновывалась необходимость подготовки специалистов-экологов университетского профиля (1974).

В 1973 году Б. П. Колесникову было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», вручена Почетная грамота Президиума АН СССР. В 1974 году он был награжден Большой памятной медалью Всесоюзного общества охраны природы, а в 1975-м — орденом Октябрьской Революции.

В 1976 году в связи с ухудшением здоровья ученый переехал в Крым, в Алушту. Был избран профессором кафедры общей биологии в Симферопольском университете, читал лекции по курсам геоботаники, лесоведения, биогеоценологии, охраны природы и др.

Борис Павлович Колесников скончался 31 июля 1980 года в городе Алуште¹⁷.

В начале декабря 1999 года в Уральском государственном университете им. А. М. Горького была проведена научная конференция «Борис Павлович Колесников — выдающийся лесовед и эколог: к 90-летию со дня рождения». Несмотря на финансовые затруднения, конференция приобрела международный масштаб. Для публикации поступило более 160 тезисов докладов.

Ученики Бориса Павловича Колесникова работают во многих институтах нашей страны и за рубежом.

¹ Леонов Л. Русский лес. — М., 1954. С. 622.

² В очерке использованы материалы статей: *Мамаев С. А.* Б. П. Колесников — российский природовед и энциклопедист // Изв. Урал. гос. ун-та. 2000. № 15. С. 42—50; *Семенова-Тян-Шанская А. М. и др.* Памяти Б. П. Колесникова // Ботан. журн. 1982. Т. 67, № 7. С. 1153—1165.

³ См.: Вестник Дальневосточного филиала АН СССР. 1935. № 14.

⁴ См.: *Ястребов Е. В.* О Борисе Павловиче Колесникове и первых шагах деятельности комиссии по охране природы при Уральском филиале Академии наук СССР // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 23. С. 166.

⁵ Б. П. Колесников — Е. В. Ястребову. 8 июля 1972 г. // Архив музея истории УрГУ. Фонд Б. П. Колесникова, д. 56, л. 17.

⁶ Б. П. Колесников — Е. В. Ястребову. 13 августа 1971 г. // Там же. Л. 15.

⁷ См.: Там же. 1966. 24 марта.

⁸ См.: Там же. 1965. 18 нояб.

⁹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 72, д. 114, л. 1—4.

¹⁰ См.: Уральский университет. 1966. 20 окт.; 1978. 13 нояб.

¹¹ См.: Там же. 1964. 12 нояб.; 1968. 23 марта.

¹² См.: Там же. 1968. 23 марта.

¹³ ЦДООСО, ф. 4, оп. 78, д. 340, л. 14.

¹⁴ Б. П. Колесников — Е. В. Ястребову. 9 марта 1969 г. // Архив музея истории УрГУ. Фонд Б. П. Колесникова, л. 21.

¹⁵ Архив УрГУ. Фонд Б. П. Колесникова, л. 60.

¹⁶ См.: Мы постигаем логику живого... — Екатеринбург, 2004. С. 309, 310.

¹⁷ См.: Известия. 1980. 6 авг.

Василий Александрович Кузнецов

Ректор Уральского университета
с 20 августа 1968 по 30 сентября 1976 года

С фотографии 1970 года

«Университетский человек» — так единодушно отзывались о Василии Александровиче Кузнецове все, знавшие его. В отличие от предыдущих ректоров, которых все-таки можно посчитать «варягами» — Василий Александрович перед тем, как занять эту руководящую должность, проработал в Уральском университете 22 года.

Василий Кузнецов относился к разряду людей, о которых говорят: они сделали сами себя. Он родился на русском Севере, в Беломорье, 10 января 1918 года, в деревне Лепручей Кондушской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Его мама, Мария Александровна Кузнецова, всю жизнь работала на земле.

Отца в апреле 1918 года призвали в Красную армию, и о нем не было ни слуху ни духу аж до 1925 года. Затем в деревню от Александра Кузнецова пришло письмо, из которого стало ясно, что он оказался в Болгарии. Переписка продолжалась до 1931 года, а затем уже окончательно оборвалась...

В 1935 году Василий Кузнецов с отличием окончил среднюю школу, в 1940 году — Ленинградский химико-технологический институт по специальности «Технология электрохимического производства».

У него были золотые руки (в частности, он прекрасно владел стеклодувным искусством) и светлая голова. А еще он занимался в гимнастической секции и бегал на лыжах.

В августе 1940 года В. А. Кузнецова призвали в РККА — Рабоче-крестьянскую Красную армию. Он должен был выучиться на командира взвода, но не успел...

Карельский перешеек. Граница с Финляндией. 30 километров к югу от Выборга. Утром 29 июня 1941 года здесь вступил в бой 200-й гаубично-артиллерийский полк 43-й стрелковой дивизии, в котором служил старший телефонист Василий Кузнецов. Преимущество в артиллерии, заранее подготовленные позиции позволили его части сдерживать натиск противника до 15 августа. Но враг прорвал фронт севернее. 28 августа был оставлен Выборг. Дорогу на Ленинград в последний момент перерезал вражеский десант. Надо было выбираться из окружения. Пушки подрывали своими руками — по болотам и лесам их не протащить, а оставлять врагу нельзя... Однако 8 сентября пал Шлиссельбург. Началась блокада Ленинграда.

Из окружения Василий Кузнецов вышел в группе, которую вел старший лейтенант, разведчик — у него была карта местности, что и спасло многих.

После переформирования и отдыха часть, где служил ефрейтор Кузнецов, была переброшена на боевые позиции. 6 ноября 1941 года артиллерийский разведчик Василий Кузнецов был отправлен в соседний пехотный полк, чтобы наладить с ним взаимодействие...

Кузнецов внезапно почувствовал, что лежит на земле и не может встать. Разрывная пуля перебила кости правой голени. Шесть часов пролежал он на снегу со жгутом на ноге. Подобрали свои. Покачивание носилок, передышка в яме, оставшейся после разрыва авиабомбы. В нее вновь попадает снаряд. Кузнецов получает еще два ранения. Наиболее серьезное — в грудь — он заметил лишь в госпитале. В первую же минуту напугал осколок, задевший голову, — все лицо залило кровью...

Так завершился последний бой В. А. Кузнецова на той войне. Далее были госпитали: Ленинград, Няндом, Соликамск¹. На память о тех днях остались орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и боль старых ран.

Война преподнесла Василию Кузнецову уроки жестокости и доброты. Он на всю жизнь запомнил и вражеских снайперов, в упор выбивавших наши артиллерийские расчеты, и пьяного командира, посылавшего бойцов на верную смерть. Но запомнил и фронтовых товарищей, что вынесли его из-под огня, и ленинградцев, которые в страшную блокадную зиму отдавали раненым последнее.

В августе 1942 года В. А. Кузнецова демобилизовали и приняли в аспирантуру на кафедру электрохимии Московского государственного университета. Его научным руководителем стал академик Александр Наумович

Фрумкин. В феврале 1946 года Василий Александрович с блеском защитил кандидатскую диссертацию и был направлен в Уральский университет. А. Н. Фрумкин не зря посылает одного из талантливых своих учеников под крылышко С. В. Карпачева: он был заинтересован в развитии уральской школы электрохимии.

Однако научной работой пришлось заниматься в самую последнюю очередь. Фронтовик, коммунист с 1945 года, В. А. Кузнецов был загружен прежде всего административной и педагогической работой. С 1948 года доцент Кузнецов — заместитель проректора по учебной работе, член партбюро и месткома университета.

Химический факультет УрГУ в 1944—1970 годах располагался в небольшом двухэтажном здании (пр. Ленина, 136). Там же долгие годы жил с семьей Василий Александрович Кузнецов. Его маленькие сыновья, Саша и Женя, в коридорах университета играли в футбол. А для Василия Александровича грань между домом и службой окончательно стиралась². Доктор химических наук Анна Александровна Тагер вспоминает: «Преподаватели и студенты химического факультета имели возможность постоянно общаться друг с другом... В корпусе химического факультета было чище и уютнее, чем в других университетских зданиях. У нас был свой “микроклимат” доброжелательности, который в значительной степени создавал декан факультета (1948—1956, 1962—1965), он же заведующий кафедрой физической химии (1950—1956, 1960—1968, 1976—1985), Василий Александрович Кузнецов»³.

Доктор химических наук, преподававший на кафедре физической химии Уральского университета в 1950—1955 годах, Армин Генрихович Стромберг, которого Кузнецов не побоялся принять в свой коллектив после освобождения из ГУЛАГа, вспоминает: «В. А. Кузнецов относился к числу ортодоксальных коммунистов, беззаветно преданных партии. Поэтому все события он воспринимал как неизбежные и правильные и бдительно следил, чтобы на кафедре не было крамолы. Как-то (это было еще до смерти Сталина) подходит Василий Александрович ко мне за несколько минут до начала лекции. Спрашивает: “Вы будете сегодня излагать студентам теорию гетерогенного анализа?” Я ответил утвердительно. С грустью в глазах он предупредил меня: “Когда будете знакомить студентов с теорией геометрического соответствия, не упоминайте фамилию академика А. А. Баландина. Он в настоящее время находится в лагере...”»

Основная научная деятельность В. А. Кузнецова связана с исследованием электрокапиллярных явлений в расплавленных электролитах различных металлов и металлических сплавов. Начинать собственные экспе-

риментальные исследования в Уральском университете самому Кузнецову оказалось непросто: отсутствовали оборудование, приборы, необходимые для опытов. Василий Александрович своими руками, привлекая на помощь студентов, изготовил почти все необходимые экспериментальные установки. Он продолжил исследования, начатые еще до войны С. В. Карпачевым и А. Г. Стромбергом. Перу Василия Александровича принадлежат около 40 научных работ, он обладатель авторского свидетельства на изобретение.

Кузнецов работал медленно, тщательно проверяя и перепроверя любой опыт по нескольку раз. Об аккуратности Василия Александровича свидетельствовал даже почерк — каллиграфический. Никто в университете не писал так красиво.

В 1968 году В. А. Кузнецов защитил докторскую диссертацию на тему «Поверхностное натяжение и электрокапиллярные явления в некоторых двойных металлических сплавах»⁴.

Под руководством В. А. Кузнецова и при его непосредственном участии были выполнены ряд исследований для Верх-Исетского металлургического завода. В частности, большое практическое значение имели работы по защите трансформаторной стали от коррозии в период ее хранения и транспортировки⁵.

Все восемь лет своего ректорства Василий Александрович «разрывался на части», мечтая о том времени, когда придет на свою кафедру и будет заниматься только наукой. Кузнецов относился к тому разряду людей, что не очень-то склонны действовать административными методами, а просто идут на проблемный участок трудиться наравне со всеми.

Был случай, когда ректор УрГУ В. А. Кузнецов самолично отправился исправлять аварию водопровода в одном из зданий университета⁶.

Хозяйственные дела отнимали очень много времени. По-прежнему острым оставался жилищный вопрос. С большим трудом Кузнецову удавалось находить для молодых преподавателей комнаты в общежитиях. Кроме обычного наблюдения за ремонтом учебных корпусов, общежитий и столовых, нужно было подстегивать строителей, возводивших два новых учебных корпуса (ул. Куйбышева, 48; Тургенева, 4), студенческое общежитие на 515 мест (ул. Большакова), заложивших фундамент девятиэтажного общежития по улице Чапаева. Ни одно из зданий не было сдано в срок, кругом находили кучу недоделок. Все объекты строились при помощи студентов.

Бальзамом на душу Василия Александровича стало открытие 29 мая 1974 года в главном корпусе университета бюста А. М. Горькому, автором которого стал уральский скульптор Петр Алексеевич Сажин.

При В. А. Кузнецове удалось установить новую астрономо-геодезическую камеру СБГ в Коуровской обсерватории, оборудовать лабораторию по решению прикладных задач на электронно-вычислительных машинах, лабораторию физических свойств прецизионных сплавов, организовать криогенную станцию, лаборатории физико-химических методов анализа почв и растений, археографии и палеографии, комплексную лабораторию археологических исследований, лабораторию технических средств и методов обучения, два лингафонных кабинета, вновь создать ботанический сад.

Книжный фонд научной библиотеки Уральского университета к 1976 году составил 1 млн томов.

Но темпы оснащения университета новыми приборами и оборудованием никого не устраивали. План развития материальной базы университета, подписанный В. А. Кузнецовым, выполнен не был.

В 1976 году 56 % преподавателей университета имели ученую степень. Среди них было два действительных члена Академии наук СССР, два члена-корреспондента Академии наук СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР⁷, 47 докторов наук.

За период с 1968 по 1976 год 34 преподавателя Уральского университета защитили докторские диссертации. Причем 22 из них были выпускниками Уральского университета. Это был определенный взлет, ведь с 1941 года, когда преподаватель УрГУ впервые защитил докторскую диссертацию, до 1967 года ученая степень доктора наук была присвоена лишь 24 сотрудникам нашего вуза. Из числа аспирантов 1968—1976 годов в дальнейшем 34 стали профессорами Уральского университета.

Появилась возможность готовить ученых по новым специальностям и специализациям.

Впервые в СССР начали выпускать специалистов архивного дела с университетским образованием. Это было результатом работы проректора по учебной работе Б. А. Сутырина. Организовали специализацию по истории КПСС и научному коммунизму.

За 1968—1976 годы были открыты подготовительное отделение, историко-архивное отделение, 11 новых кафедр, сектор научно-технической информации.

По неполным данным, на всех восьми факультетах университета было подготовлено более 100 новых спецкурсов и спецсеминаров. Возобновились учебно-методические конференции преподавателей. Для активизации учебной работы ввели академическую межсессионную аттестацию студентов.

Успеваемость повысилась с 83,2 (1968) до 87,5 % (1976). Эти показатели были ниже среднегородских и среднесоюзных⁸. Правда, снизился отсеб студентов, достигнув уровня общеминистерских показателей.

Доля студентов, вовлеченных в научную работу, повысилась с 50 (1968) до 73 % (1976)⁹. С 1975 года ведет историю Дружина охраны природы, создавшая первый на Урале национальный парк. По неполным данным, с 1968 по 1976 год студенты приняли участие в 72 научных конференциях, опубликовали 455 научных трудов, получили 8 авторских свидетельств на изобретения. Награды за научно-исследовательскую работу были вручены более 160 студентам¹⁰.

Уральский университет приближался к заветной цели — превратиться в крупный учебно-научный центр. По объему работ его можно было сравнить с отраслевым научно-исследовательским институтом: 63 темы, над которыми работали преподаватели УрГУ, были включены в координационный план Академии наук, пять тем разрабатывалось по постановлению Президиума АН СССР, 12 тем — по постановлению Государственного комитета по науке и технике, 28 тем — совместно с Уральским научным центром. Мировым признанием пользовались научные труды школы по теории оптимального управления Героя Социалистического Труда, академика Николая Николаевича Красовского; математической школы по теории некорректных задач члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской премии Валентина Константиновича Иванова. Университет приобрел славу основателя астрономической науки на Урале. Под руководством профессора Клавдии Александровны Бархатовой велись исследования по происхождению галактик, физике Солнца и наблюдения за искусственными спутниками Земли. На базе Уральского университета был создан Головной совет по астрономии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

На физическом факультете профессор Владимир Иванович Черепанов получил важные результаты по теории ионных кристаллов. Сотрудники проблемной лаборатории постоянных магнитов (руководитель — кандидат физико-математических наук Александр Васильевич Дерягин) завершили исследование магнитных свойств и разработку технологии изготовления постоянных магнитов из сплавов редкоземельных металлов. Сотрудники проблемной лаборатории полупроводников (руководитель — кандидат физико-математических наук Леонид Петрович Зверев) сконструировали оптоэлектронную аппаратуру для космических кораблей «Салют-1» и «Салют-2».

Под руководством профессора Анны Александровны Тагер разрабатывались вопросы физики и химии полимеров, имеющие большое значение для создания новых полимерных материалов. На уровне Академии наук СССР получило признание направление «Рекультивация нарушенных земель и оптимизация техногенных ландшафтов» (научный руководитель — член-корреспондент Академии наук СССР Борис Павлович Колесников). Далеко за пределами страны были известны работы профессора Михаила Яковлевича Сюзюмова и его учеников по истории Византии.

Один из организаторов философского факультета профессор К. Н. Любутин привлек внимание научной общественности к проблеме человека в истории философской мысли. Им была написана первая в отечественной литературе фундаментальная монография «Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии». Признанием авторитета кафедр общественных наук стало создание при университете четырех Проблемных советов Минвуза РСФСР по актуальным проблемам общественных наук.

К этому времени 24 кафедры шести факультетов для 20 министерств и ведомств вели научно-исследовательские работы по хозяйственным договорам. Объем хозяйственных работ вырос с 270 тыс. рублей в 1968 году до 1 млн 371 тыс. рублей в 1976-м. Вычислительный центр университета разрабатывал системы программ, входящих в обеспечение ЭВМ «Исеть», выполнял расчеты трубопроводов для уральских и сибирских тепловых электростанций. Начальник вычислительного центра кандидат физико-математических наук Юрий Михайлович Репин и доцент кафедры вычислительной механики кандидат физико-математических наук Григорий Нойхович Мильштейн создали математическую модель доменного процесса. Расчеты были использованы на Нижнетагильском и Криворожском металлургических заводах, объединении «Тулачермет». Выполненные на кафедре теоретической механики расчеты напряжений фундаментов строящихся зданий пригодились при возведении 12 объектов в Тюменской и Свердловской областях. За 1968—1976 годы шесть преподавателей Уральского университета были награждены медалями ВДНХ СССР. В 1975 году в Уральском университете были созданы первичная организация Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов и патентный отдел. В 1971—1976 годах лучшими в области изобретательской и рационализаторской работы были преподаватели кафедры аналитической химии и сотрудники проблемной лаборатории постоянных магнитов.

Для знакомства с научными достижениями уральских ученых собирались конференции. В 1968—1976 годах для математиков университет орга-

низовал первый всесоюзный симпозиум по теории полугрупп; Всесоюзную конференцию по качественной теории дифференциальных уравнений, посвященную памяти выпускника Уральского университета Евгения Алексеевича Барбашина. Для физиков — пленум комиссии по астрономическому приборостроению, зимние астрономические школы в Коуровке. Для химиков — Уральскую научно-техническую конференцию по полимерным материалам, Всесоюзную конференцию по термодинамике окисных и сульфидных растворов. Для философов — конференцию молодых ученых общественных наук «О творческом применении ленинской методологии в научных исследованиях», всесоюзную конференцию «Изменения социальной структуры советского общества», Первые Уральские философские чтения. Для историков — всесоюзную сессию историков-византиноведов, региональную научно-методическую конференцию, посвященную актуальным проблемам советской археологии. Для филологов — Уральские студенческие конференции по диалектологии и ономастике. Количество научных работ, опубликованных преподавателями Уральского университета, выросло с 479 (1968) до 810 (1976)¹¹.

Преподавателей Уральского университета с удовольствием приглашали выступать с докладами на конференциях и читать лекции студентам Центральной и Юго-Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Северной Америки. В сборнике, посвященном 80-летию ведущего отечественного специалиста по истории Византии профессора Михаила Яковлевича Сюзюмова, участвовали ученые из 12 стран. На филологическом факультете проходили стажировку студенты из Монгольской Народной Республики, будущие преподаватели русского языка и литературы.

В 1969—1976 годах университет окончили 6 899 человек. Около 70 из них впоследствии стали профессорами Уральского государственного университета. В 1971 году защитил дипломную работу будущий академик РАН Михаил Виссарионович Садовский.

В. А. Кузнецов не считал нужным ходить по кабинетам начальства с просьбами и требованиями. Не добивался привилегий ни для университета, ни для своего факультета, ни тем более для себя лично. Он верил в некую абсолютную справедливость: если коллектив действительно заслужил награду, в министерстве примут необходимое решение и без ходатайств ректора.

В октябре 1970 года Уральский университет, а через год его ректор были награждены орденами Трудового Красного Знамени за большие заслуги в подготовке специалистов для народного хозяйства и развитие научных исследований. Украсила грудь Василия Александровича и медаль

«За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

75 тыс. тонн картофеля и других овощей убрали за эти годы студенты с полей Красноуфимского района. Во время уборки урожая прочитано 403 лекции, дано 120 концертов, в сельских школах проведено 235 бесед и лекций, школьным библиотекам передано 3700 книг¹². За 1968—1976 годы уборочный отряд Уральского университета шесть раз занимал первое место среди студенческих уборочных отрядов Свердловской области.

Тем не менее в 1975 году коллегия Минвуза РСФСР обратила внимание коллектива Уральского университета на необходимость повышения ответственности каждого преподавателя (значит и ректора!) за совершенствование учебного процесса и коммунистического воспитания студенческой молодежи.

В июне 1974 года секретарь партийной организации УрГУ профессор Аркадий Федорович Еремеев отметил, что комсомольские лидеры срывают намеченные партийной организацией мероприятия, а рядовые комсомольцы пассивны, не умеют самостоятельно устранять недостатки¹³. За этими словами скрывались весьма драматические события.

В 1973 году эмигрировал в Израиль один из лучших выпускников и бывший аспирант философского факультета В. М. Касван. Осенью 1973 года несколько молодых людей (в том числе студенты философского факультета Уральского университета Михаил Мартьянов, Татьяна Погорелова, Анастасия Турысбекова) размножили и распространили среди студентов открытое письмо А. Д. Сахарова, В. Ф. Турчина и Р. А. Медведева, в котором критиковалась деятельность советского руководства. В январе 1974 года студенты были исключены из комсомола и из университета. В связи с этими событиями декан философского факультета Л. М. Архангельский и секретарь партийного бюро философского факультета Л. Я. Рубина получили строгие партийные взыскания. Людмила Яковлевна Рубина была вынуждена покинуть университет. Инициатива по этим кадровым решениям, разумеется, исходила от руководящих партийных органов. Мог ли ректор В. А. Кузнецов возражать?

Наверное, старого фронтовика В. А. Кузнецова потряс отказ от принятия военной присяги студента математико-механического факультета Юрия Юдкевича (1975). Юдкевича отправили в психиатрический госпиталь. В связи с этим в его личном деле появилось два приказа, подписанных ректором В. А. Кузнецовым: первый — об отчислении из числа студентов Уральского университета с 10 декабря 1975 года по состоянию здоровья, второй — о предоставлении Ю. Л. Юдкевичу академического отпуска до

1 сентября 1976 года. Что мог Василий Александрович сказать студентам, взбудораженным диссидентскими выступлениями? Что все это — происки империализма и им надо противопоставить свою организованность? Впрочем, перед компетентными органами Кузнецов, как мог, защищал своих студентов...

30 сентября 1976 года Василий Александрович Кузнецов был освобожден от должности ректора Уральского университета по личной просьбе в связи с ухудшением состояния здоровья.

С 1976 по 1985 год В. А. Кузнецов заведовал кафедрой физической химии Уральского государственного университета. В 1978 году ученый совет университета присуждает ему премию за цикл работ по проблеме «Поверхностное натяжение и электрокапиллярные явления в бинарных металлических системах».

Василий Александрович продолжал читать курс физической химии и специальный курс теоретической электрохимии. Подготовил лабораторный практикум по физической химии, включавший 14 работ.

Василий Александрович Кузнецов был эрудированным человеком: хорошо знал классическую литературу. Был азартным футбольным болельщиком.

Василий Александрович Кузнецов скончался 17 декабря 1990 года в Свердловске¹⁴.

¹ См.: *Ванюков А.* Память // Уральский университет. 1977. 21 нояб.

² См.: *Бабенко В.* О ректорах, эпохе и сантиментах // Уральский университет. 1995. 19 окт.

³ *Тагер А. А.* Моя жизнь в науке. — Екатеринбург, 1995. С. 40.

⁴ См.: Уральский университет. 1968. 1 июля.

⁵ ЦДООСО, ф. 4, оп. 91, д. 248, л. 6.

⁶ См.: *Рудакова Л.* «В этом моя правда...» // Уральский университет. 1987. 23 нояб.

⁷ См.: Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени А. М. Горького. — Свердловск, 1976. С. 1.

⁸ См.: Уральский университет. 1976. 23 февр.

⁹ См.: Там же. 1977. 31 янв.

¹⁰ См.: Там же. 1976. 23 февр.

¹¹ См.: Там же. 1977. 31 янв.

¹³ См.: Там же. 1976. 23 февр.

¹³ См.: *Еремеев А. Ф.* Программа действий // Уральский университет. 1974. 10 июня.

¹⁴ См.: Уральский университет. 1990. 26 дек.

Паригорий Евстафьевич Суетин

**Ректор Уральского университета
с 25 октября 1976 по 24 июня 1993 года**

С фотографии 1976 года

Физики, тем более занимающиеся атомом, — культовые фигуры в российской науке второй половины XX века. Доктор физико-математических наук Паригорий Евстафьевич Суетин физике себя посвятил всецело. А еще он посвятил себя высшей школе: 23 года готовя кадры для атомной промышленности в Уральском политехническом институте им. С. М. Кирова и 17 лет руководя УрГУ, стал ректором которого превратил Уральский государственный университет им. А. М. Горького в один из центров учебной и научной мысли Урала и Сибири.

Паригорий Суетин родился 26 февраля 1927 года в селе Краснояр Ревдинского района тогдашней Уральской области. Отец его занимался хлебопашеством, мать — домашним хозяйством многодетной семьи.

В тяжелое военное время семья приняла решение, что именно Горик (так звали его близкие) должен получить высшее образование, поскольку способности подростка и рано проявившаяся тяга к знаниям были очевидны.

В 1944 году Паригорий Суетин с отличием окончил среднюю школу № 6 в городе Ревде.

Поступал Суетин на энергетический факультет Уральского промышленного института, который в феврале 1948 года был переименован в Уральский политехнический институт.

Молодые годы П. Е. Суетина связаны с решением атомной проблемы. В 1949 году ему, отлично успевающему студенту энергетического факуль-

тета Уральского политехнического института, предложили перейти на открытый в мае этого года физико-технический факультет. Здесь начинали готовить специалистов для атомной промышленности. Дело было новое и сложное. С первых минут предупреждали о соблюдении строжайшей секретности... Практику проходили в Лаборатории измерительных приборов АН СССР (ныне — Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова)¹. Здесь же Суетин блестяще защитил дипломную работу (1951) и кандидатскую диссертацию (1956).

Кандидатская диссертация П. Е. Суетина стала одним из первых исследований, посвященных разработке нового (центробежного) метода разделения тяжелых изотопов урана. Этот метод — предмет гордости отечественной науки и техники.

Еще будучи ассистентом УПИ (1951—1952), он организовал здесь лабораторию при кафедре разделения и применения изотопов; участвовал в составлении учебных планов, в которые включил самостоятельную научную работу студентов. П. Е. Суетин считал, что научная работа студентов способствует выработке у них самого важного качества — умения самостоятельно добывать знания.

Старший преподаватель кафедры молекулярной физики (1955—1960) П. Е. Суетин разработал базовый специальный курс «Разделение изотопов» и общие спецкурсы «Кинетическая теория газов», «Механика сплошных сред». Кроме того, он читал курсы «Магнитная гидродинамика», «Статистическая физика», «Неравновесная термодинамика».

Замдекана физико-технического факультета П. Е. Суетин много занимался поддержанием дисциплины среди преподавателей и студентов, организацией студенческих строительных и сельскохозяйственных уборочных отрядов (1959—1962). В 1961 году Суетин был принят в члены КПСС.

Заведующий кафедрой молекулярной физики П. Е. Суетин организовал радикальный пересмотр учебных планов, перестройку базовых курсов, нашел ученых, готовых читать спецкурсы по новым специализациям «Теплофизика», «Ядерные энергетические установки» (1962—1970). Большое внимание уделял хозяйственным работам.

О докторе физико-математических наук, профессоре, декане физико-технического факультета П. Е. Суетине (1970—1976) говорили, что он создал новое научное направление в механике газа и молекулярной физике. К этому времени Паригорий Евстафьевич Суетин — автор 220 научных статей, учебника «Механика сплошных сред», ряда учебных пособий. Семь его учеников защитили докторские диссертации, 60 — кандидатские. Кроме организации учебной и научной работы ему приходилось воевать с от-

раслевым министерством, желавшим сократить план приема студентов на физико-технический факультет. Вот что вспоминал об этом времени Паригорий Евстафьевич: «Работа, работа, работа, дни напролет; она просто захватывала нас, сидели, занимались “до самых собак” (в полночь вахтеры уходили и оставляли сторожить собак)»².

В начале 70-х годов физико-технический факультет и кафедра молекулярной физики, руководимые П. Е. Суетиным, были лучшими в Уральском политехническом институте. В 1976 году за успехи в учебной и научной работе П. Е. Суетин был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В Уральском госуниверситете Паригорий Евстафьевич, не считая ректорства, нес нагрузку заведования кафедрой молекулярной (позднее — общей и молекулярной) физики с 25 октября 1976 года³. Кроме того, с 1977 по 1987 год он читал лекции по механике сплошных сред.

Ему предстояло выполнять решение государственных и партийных инстанций о повышении роли и перспективах развития Уральского университета им. А. М. Горького. Требовалось поднять уровень работы по всем направлениям. Предполагалось увеличить к 1990 году число студентов на дневном отделении до 8 тыс. человек. Добиться, чтобы все кафедры возглавлялись докторами наук. Создать новые факультеты: прикладной математики, политэкономии, геофизики и психологии. Открыть четыре проблемные лаборатории (тематика: археология и история Урала, социологические исследования, теория технической эстетики). Укрепить связи с Уральским научным центром, шире использовать его базу для выполнения курсовых и дипломных работ студентов. Совместно с УНЦ создать Институт общественных наук. Сумму хоздоговорных работ увеличить до 3 млн рублей. Предусматривалось и многое другое.

Как вспоминает профессор В. М. Жуковский, «новое назначение университетской общественностью было воспринято весьма неоднозначно: “чужак”, “технарь”, к нам привели силой, по слухам — мужик крутой...»⁴

С первых шагов Паригорий Евстафьевич использовал свой опыт, накопленный в Уральском политехническом институте.

Суетин прежде всего навел порядок во всех областях университетской жизни, начиная от вывешивания к всеобщему сведению информации о режиме работы сотрудников университета (включая ректора) и строгого соблюдения этого режима и кончая неукоснительным контролем за подготовкой диссертаций.

При П. Е. Суетине были открыты новые диссертационные советы по ранее отсутствовавшим гуманитарным и естественно-научным специально-

стям. В последнее десятилетие XX века в Уральском университете работало три докторских и четыре кандидатских совета по присуждению ученых степеней. П. Е. Суетин был председателем докторского и членом двух кандидатских советов. К середине 80-х годов 60 % аспирантов университета вовремя защищали кандидатские диссертации (в 1980 году этот показатель равнялся 48 %). За 1976—1993 годы докторские диссертации защитили 96 преподавателей.

Доцент Т. Ф. Кардаполова свидетельствует: «Паригорий Евстафьевич лично изучил все учебные планы факультетов, проанализировал состав и учебные нагрузки всех кафедр, лично их пересчитав. После этого вернул все в учебный отдел со словами: “Я это сделал один раз. Дальше будете делать сами. Можете сделать лучше, хуже — не имеете права!”»⁵

Научно-методический совет университета ввел единую форму отчетности преподавателей, новый порядок их аттестации при конкурсном отборе, проверил качество лекционного преподавания и практических занятий. Все это повысило ответственность руководителей, преподавателей, сотрудников за выполнение заданий пятилетних планов.

По настоянию П. Е. Суетина организовали кафедральное курирование академических студенческих групп. В учебные планы включили день самостоятельной научно-исследовательской работы студентов. Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1978 году по итогам Всесоюзного конкурса студенческих научно-исследовательских работ УрГУ занял 3-е место в РСФСР, завоевав дипломов и медалей больше, чем все остальные вузы Свердловска. В 1984 году Уральский университет занял первое место по научной работе преподавателей и студентов среди университетов и экономических вузов России.

За годы ректорства Суетина на олимпиадах, выставках, конференциях, конкурсах по естественным, гуманитарным и общественным наукам зонального, республиканского, всесоюзного туров студентами Уральского университета получено около 500 наград, в том числе три медали АН СССР, шесть медалей Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

В любви Паригория Евстафьевича к порядку не было ничего диктаторского. Перед тем как принять решение, ректор советовался с проректорами, деканами, заведующими кафедрами, представителями общественных организаций. Мог даже отменить свой приказ, если получал от коллег обоснованное альтернативное предложение.

Паригорий Евстафьевич не только учил подчиненных (все его проректоры потом «пошли на повышение»), но и сам учился у них: ему понадоби-

лось несколько лет, чтобы понять и принять специфику университета, где каждый факультет — «свой монастырь со своим уставом»...

При усиленной поддержке ректора П. Е. Суетина в Уральском университете был составлен первый в СССР учебный план подготовки экологов университетского профиля и началась его реализация в рамках специализации по экологии на биологическом факультете.

За 1976—1993 годы в Уральском университете организованы Специализированный учебно-научный центр для одаренных детей (лицей), два факультета (экономический, искусствоведения и культурологии), два отделения (психологии и политологии), три отраслевые лаборатории, девять кафедр.

Паригорий Евстафьевич продолжал быть активно действующим ученым и преподавателем. Только в 1981—1984 годах в Уральском университете выпущены три его учебных пособия: «Механика деформируемых сред», «Турбулентность. Пограничный слой» и «Газовая динамика». Он подготовил еще трех докторов наук (С. Ф. Борисов, В. М. Кисеев, В. Г. Черняк).

Научные сотрудники и студенты руководимой Суетиным кафедры занимались исследованием неравновесных процессов в разреженных газах. Результаты научных исследований как по теоретическому, так и по экспериментальному направлениям высоко оценили отечественные и зарубежные специалисты. Свидетельством тому стало проведение в Свердловске в 1987 году Всесоюзной конференции по динамике разреженного газа, одним из организаторов которой была кафедра общей и молекулярной физики.

Всесоюзные, всероссийские совещания и симпозиумы по алгебре, физике, химии, биологии, истории, филологии, философии проводились в университете ежегодно.

В 1980 году по предложению П. Е. Суетина УНЦ АН СССР разработал комплексную региональную программу «Урал» на 1980—2000 годы. В середине 80-х годов при УНЦ, Уральском центре стандартизации и метрологии, НПО «Автоматика» и других предприятиях организовано 17 филиалов кафедр, отраслевых лабораторий математического, физического, химического, экономического факультетов университета. Некоторые из выпускников университета оставались в институтах академии и быстро превращались в полноправных участников исследовательского процесса.

С 1988 года П. Е. Суетин — член Президиума Уральского отделения АН СССР.

В 1979 году Уральский университет первый из вузов Среднего Урала установил в своем вычислительном центре ЭВМ ЕС-1033. С начала 90-х годов началась компьютеризация университета, освоение персональных компьютеров.

В 1988—1992 годах Уральский университет обзавелся научно-исследовательским институтом физики и прикладной математики, а также институтом русской культуры.

При П. Е. Суетине для студентов и аспирантов Уральского госуниверситета возвели два общежития, реконструировали старые; оборудовали санаторий-профилакторий и диетическую столовую. Проводили плановые и внеплановые ремонты (за 1976—1993 годы в университете семь раз случались пожары).

Университетский «воз» помогали везти проректоры по учебной работе Б. А. Сутырин, Р. Г. Пихоя, Т. Ф. Кардаполова, проректоры по научной работе А. Т. Мокроносов, В. М. Жуковский.

Паригорий Евстафьевич не ограничивал инициативы подчиненных, полностью доверял им. В результате университет стал головным вузом по многочисленным программам Минвуза РСФСР, в том числе «Единомыслие», «Колос», «Фотосинтез», «Биосистема», «Человек и окружающая среда», «Духовная культура Урала», «Подготовка кадров для АН СССР»; участвовал в выполнении мероприятий, направленных на ускорение научно-технического прогресса народного хозяйства Свердловской области.

В 80-е годы сотрудники лаборатории «Орбита» при вычислительном центре Уральского университета разработали программное обеспечение тренажеров для космонавтов. Сотрудники проблемных лабораторий спроектировали навигационную и исследовательскую аппаратуру для пилотируемых космических аппаратов, прошедшую успешное испытание на борту орбитальных станций «Салют-6» и «Салют-7», участвовали в советско-французских экспериментах «Исследование магнитных свойств редкоземельных и актидных соединений, полученных в условиях невесомости» по программе «Интеркосмос». В космонавтике использовалась «Тепловая труба для охлаждения устройств силовой электроники в микроблочном исполнении». Прибор был удостоен золотой медали на международной ярмарке в Лейпциге (1984) и запатентован в США, Великобритании, Италии, Франции, ФРГ, Японии. Один из авторов прибора — доктор технических наук, профессор Уральского университета Валерий Михайлович Кисеев. Ранее В. М. Кисеев работал на кафедре молекулярной физики Уральского политехнического института, которой руководил Паригорий Евстафьевич Суетин.

Специальной премии Министерства электронной промышленности СССР за работу «Радиационные воздействия на полупроводниковые генераторы» были удостоены сотрудники проблемной лаборатории полупроводниковой техники (руководитель Л. П. Зверев). Сотрудники проблемной лаборатории постоянных магнитов удостоены Государственной премии СССР за работу «Магнетизм и электронная структура редкоземельных металлов и урановых соединений» (руководитель А. В. Дерягин).

Премии Совета министров СССР за разработку принципиально новых керамических эмиссионных катодов для СО₂ волноводных лазеров удостоен профессор химического факультета А. Н. Петров.

Объем хозяйственных работ вырос с 1 млн 371 тыс. (1976) до 3 млн рублей (1991).

За 1976—1993 годы преподавателями и научными сотрудниками университета получено 262 авторских свидетельства и патента на изобретения.

В 1987 году Уральский университет занял первое место по изобретательской деятельности среди университетов и экономических вузов РСФСР.

В 1988 году научно-исследовательский сектор Уральского университета первым среди вузов Свердловска перешел на хозрасчет.

В 1992 году начат переход на многоуровневую систему подготовки специалистов.

В 1990 году в университете организован отдел по международным связям. Работы у него хватало. К 1990 году количество преподавателей и студентов, командированных за рубеж, выросло по сравнению с 1975 годом в два раза. Минвуз РСФСР отметил хорошую научную, идейно-политическую, страноведческую и языковую подготовку выезжающих за границу университетских стажеров. Преподаватели кафедры русского языка для иностранных учащихся УрГУ, занявшей в 1984 году первое место среди аналогичных подразделений вузов РСФСР, подготовили за 1976—1993 годы около 1 тыс. специалистов для Монгольской Народной Республики.

С 1989 по 1993 год в университете работали ученые из 15 стран Европы, Азии и Северной Америки. В 1989 году математики из Австрии и Венгрии принимали участие в семинаре «Алгебраические системы», который организовали преподаватели математико-механического факультета УрГУ под руководством профессора Л. Н. Шеврина. В 1990 году зарубежные историки и филологи работали в археографической экспедиции (организована в 1973 году по инициативе доцента исторического факультета, проректора по учебной работе Б. А. Сутырина и доцента исторического фа-

культета Р. Г. Пихои); участвовали в международном семинаре «Проблемы изучения и издания памятников славяно-русской письменности Позднего Средневековья» (организован преподавателями исторического факультета УрГУ); посещали музей редкой книги (создан по инициативе Б. А. Сутырина в 1979 году).

Научные труды университетских преподавателей вызывали живой интерес у их зарубежных коллег. Только в 1980—1985 годах ученые-гуманитарии УрГУ подготовили к печати 72 личные и коллективные монографии. С 1986 года в этом деле первым их помощником стало наконец-то открытое университетское книжное издательство.

Достижения УрГУ пропагандировали передачи университетского телецентра, открытого в 1978 году.

П. Е. Суетин, будучи председателем Уральского научно-методического совета Минвуза РСФСР, уделял много внимания совершенствованию работы высшей школы Урала, укреплению шефских связей ведущих вузов с молодыми вузами Урала, Нечерноземья, Западной Сибири.

В 1993 году на десяти факультетах Уральского университета работал 91 доктор наук, училось 6 440 студентов⁶.

В 70—90-х годах XX века студенческие ансамбли политической песни «Аванте», «Солидарность», ансамбль старинной музыки «Хорал», студенческий театр «Диалог» неоднократно становились лауреатами фестивалей художественной самодеятельности разного уровня, вокальные коллективы гастролировали по СССР и за рубежом.

Впрочем, П. Е. Суетин и сам был человеком музыкально одаренным. Его ученик, профессор С. Ф. Борисов, вспоминает: «Паригорий Евстафьевич Суетин обладал хорошим слухом, неплохо играл на семиструнной гитаре и с чувством пел русские романсы немного хрипловатым голосом. Студенты и аспиранты кафедры могли видеть своего руководителя идущим по коридору или стоящим возле экспериментальной установки, тихонько насвистывающим мелодии из Россини или Верди»⁷.

Туристический клуб университета лидировал в смотре-конкурсе туристических коллективов Свердловской области.

За время ректорства Суетина сельскохозяйственный уборочный отряд университета семь раз, студенческие строительные отряды университета четыре раза занимали первое место среди аналогичных объединений Свердловской области.

Паригорий Евстафьевич Суетин придавал большое значение работе студентов на полях, так же как и участию в любой общественно-политической практике. Он считал, что этот труд способствует воспитанию кол-

лективистов и патриотов, прививает навыки самоуправления. Труд должен быть напряженным, но посильным. Поэтому ректор добивался от руководства Красноуфимского и Криулинского совхозов, где работали студенты университета, повышения уровня механизации труда «браздарей», грузчиков и прочей отрядной братии, а также улучшения условий быта. При Суетине за короткий срок в совхозах было построено шесть общежитий для студентов, на 100 мест каждое, расширена студенческая столовая в деревне Чувашково и заново построена столовая в деревне Подгорной.

За годы ректорства Суетина университет подготовил около 12 тыс. специалистов.

В начале 90-х годов XX века Уральский университет занимал шестое место в Российской Федерации после Московского, Санкт-Петербургского, Новосибирского, Томского и Дальневосточного университетов⁸.

В 1987 году приказом Минвуза РСФСР Уральскому государственному университету предоставлен статус базового вуза по подготовке кадров для Уральского отделения РАН.

Показателем значимости Уральского университета было назначение его ректора председателем Зонального совета по научно-исследовательской работе студентов и Совета ректоров вузов Свердловской области. Кроме того, П. Е. Суетина избирали членом бюро Октябрьского районного комитета КПСС, членом Свердловского горкома и обкома КПСС, Свердловского городского Совета депутатов трудящихся и областного Совета народных депутатов.

В 1970 году Паригорий Евстафьевич Суетин награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», в 1981-м — вторым орденом Трудового Красного Знамени. В 1987 году Паригорию Евстафьевичу присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

...Бразды правления Уральским университетом Доктор физико-математических наук Паригорий Евстафьевич Суетин 24 июня 1993 года передал другому доктору физико-математических наук — Владимиру Евгеньевичу Третьякову.

До конца жизни Паригорий Евстафьевич оставался научным консультантом кафедры общей и молекулярной физики и самым уважаемым профессором Уральского университета. Он был активнейшим и неподдельно интересующимся членом конкурсной комиссии на выборах и пере выборах преподавателей. С ним было интересно. По свидетельству профессора В. М. Жуковского, «Паригорий Евстафьевич был самым читающим человеком в университете и грозой библиотеки. В конце каждой пятницы дирек-

тор библиотеки с помощниками приносили в кабинет стопу книг (новых поступлений или специально заказанных) и все новые толстые журналы. Все это уносилось домой на выходные дни и исправно возвращалось прочитанным в понедельник».

Умер П. Е. Суетин 11 августа 2003 года.

¹ Суетин П. Е. У истоков атомной проблемы. Как начинался Уральский физтех // Изв. Урал. гос. ун-та. 1999. № 12. С. 84, 85.

² Наш ректор // Уральский университет. 1981. 28 сент.

³ ЦДООСО, ф. 4, оп. 122, д. 1266, л. 14, 15.

⁴ Жуковский Владимир Михайлович (р. 1931), химик. Работает в Уральском университете с 1963 года. Доктор химических наук (1974), профессор (1976). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1993). Декан химического факультета (1964—1968). Проректор по научной работе (1977—1988).

⁵ Кардаполова Татьяна Федоровна (р. 1948), политолог. Выпускница исторического факультета Уральского университета (1971). Кандидат философских наук (1987). Доцент кафедры социально-политических наук Уральского университета (с 1993). Заведующая учебным отделом, проректор по учебной работе Уральского университета (1979—1993). Директор Высших женских курсов (с 1994 г.), филиала Уральского университета в городе Ноябрьске (с 1999 г.). Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

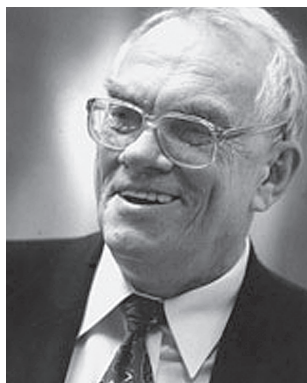
⁶ См.: Уральский государственный университет: Путеводитель для абитуриентов. Свердловск, 1993.

⁷ Борисов С. Ф. Слово об учителе // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 29. С. 187.

⁸ См.: Отчет по научно-исследовательской работе Уральского государственного университета за 1991 г. С. 3.

Владимир Евгеньевич Третьяков

Ректор Уральского госуниверситета
с 24 июня 1993-го по 13 декабря 2006 года

Хорошо известно, выдающимися педагогами не становятся — ими Хрождаются. По крайней мере, когда разговор заходит о Владимире Евгеньевиче Третьякове, с подобной формулировкой соглашаются все.

И это неудивительно, ведь этот незаурядный разносторонне образованный и думающий человек, блистательный ученый и ответственный вузовский руководитель, крупный организатор высшей школы, — прежде всего педагог, преподаватель, читель (можно даже и так написать — Учитель, с прописной буквы). То есть лицо, не только отвечающее за обучение молодых людей, но и ведущее воспитание новых возрастных генераций. Иными словами, человек, находящийся в самом процессе передачи культурного опыта другим поколениям смысл собственной жизни.

Не случайно, во многих своих интервью герой этого очерка неизменно признавался: среди его художественных приоритетов на особом любимом месте всегда была снятая в 1968 году кинокартина режиссера Станислава Ростоцкого по сценарию Георгия Полонского «Доживем до понедельника», которая во времена декларируемого с высоких трибун торжества единства партии и народа — а если другими словами, всеобщего безверия и ханжества, призывала тех, кто смотрел этот фильм, быть честным прежде всего перед собой. И перед теми, кто идет следом¹...

Владимир Евгеньевич Третьяков родился 12 декабря 1936 года в одном из старейших городов России — Туле.

Его родители, как и основная масса населения знаменитого своими рабочими традициями города, были специалистами-оружейниками: отец — инженером-конструктором на одном из оборонных заводов, мать — техником в центральной измерительной лаборатории.

Когда началась Великая Отечественная война отца в срочном порядке откомандировали на Южный Урал, на Новозлатоустовский завод, где, как и на прочих предприятиях «опорного края державы», начнется выпуск *оружия Победы*. В частности, его отец участвовал в создании широко известной среди специалистов авиационной пушки ВЯ-12, стоявшей на вооружении знаменитых воздушных штурмовиков-Илов, кроме того, отвечал за «боевую пружину» одного из авиационных пулеметов².

Сам Володя об этом узнал, разумеется, впоследствии. И не оттого, что еще мало, что понимал в силу своего возраста — напротив, он навсегда запомнил, как вслед отцу они с мамой полтора месяца (только в ноябре оказались в Златоусте) ехали в теплушке уходящего в глубь страны эшелона, а навстречу шли и шли составы с едущими к фронту пополнением с Урала и Сибири. Речь о другом — оборонное машиностроение всегда было окружено занавесом секретности...

Завершив обучение в *семилетке* (это была неполная средняя «мужская», согласно тогдашнему делению образовательных учреждений по признаку пола, школа № 26), полное среднее образование Владимир получил в школе № 5 (которая до того проходила по разряду «женских»). При этом окончил он ее в 1954 году с золотой медалью — второй в районе и четвертой в городе после 1943-го.

Все эти номера и статистическую «цифреть», почерпнутую из бесед с героем очерка, мы приводим не без умысла. Ведь с легкой руки самого В. Е. Третьякова, известного в России организатора высшего образования, бытует версия, что абитуриент-медалист тех лет мог бы выбрать любой вузовский факультет — такие вот полновесные знания по разным предметам давали тогда в средней школе (и без репетиторов!).

Владимир Евгеньевич даже как-то, говоря о теме вариативности человеческой судьбы, совсем уж пафосно высказался: «Я бы сейчас пошел на филфак!»³

Последнее, наверняка, связано с тем, что Владимир в детстве и юношестве много читал художественную литературу, скажем, того же Л. Фейхтвангера, собрание сочинений которого освоил от начала до конца. Забегая вперед, укажем, что сегодня для такого вот свободного чтения у В. Е. Тре-

Тьякова попросту нет времени: читает, по его признанию, в основном в самолетах, да и то исключительно детективы — потому как последние отвлекают от жизненных проблем...

Однако вариативность вариативностью, а тогда наличие у паренька особой «математической жилки» было настолько очевидным, что школьные преподаватели прямо посоветовали ему поступать на имевший вполне достойную, явно непровинциальную репутацию физико-математический факультет Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. А отец, к которому он пришел со своим выбором, нисколько не давил авторитетом, подсказывая какие-то предпочтительные варианты. Он только лишь внес в выбор Владимира некоторые прагматические коррективы, посчитав, что математика — математикой, но еще более пригодится она в будущей трудовой жизни сына, ежели окажется с «прикладным уклоном». И тот выбрал отделение механики.

«Условия поступления были ужасно строгие: семь экзаменов, конкурс — семь человек на место, а проходной бал — 33 из 35, — вспоминал много позже Владимир Евгеньевич, — задним числом признаваясь, — я бы даже не стал пытаться поступать без медали»⁴.

Учился он на *отлично*, и даже «четверка» для него была редким исключением. Быстро сблизился с однокурсниками, с которыми, по традиции того времени, дружба началась еще во время уборочной страды в подшефном колхозе «Красноуфимский» одноименного района Свердловской области.

Активно занимался спортом: ходил тренироваться в секцию легкой атлетики, получив квалификационные разряды по шести дисциплинам. Сначала посещал занятия три-четыре раза в неделю, затем перешел на спортивную шестидневку. Именно с той студенческой поры осталось у В. Е. Третьякова стойкое убеждение, что занятия физической культурой — как раз то, что необходимо вузовцам — и обучающимся, и преподающим: спорт помогает набраться физических и моральных сил, организовать и тело, и мышление⁵. И привычка играть на досуге в волейбол, бегать на лыжах, сплавляться на байдарках по рекам уральского края...

Тогда же студент Третьяков стал участником целинного движения, вступив в первый студенческий целинный отряд, созданный при Уральском госуниверситете в 1956 году. То есть кроме традиционной для студентов Уральского университета работы в подшефном Красноуфимском колхозе появилась возможность поехать на Алтай, в Бийскую область, Сростенский район (Со временем эти места стали широко известны как родина писателя и кинорежиссера Василия Шукшина).

Для создания целинного отряда УрГУ дали разнарядку — 100 человек, но желающие поехать с отрядом буквально стояли в очередь, так что ректорат и общественные организации отбирали, что называется, по морально-политическим качествам. И ведь при этом никто не обещал студентам пресловутого *длинного рубля*, да и воспетый в романтических песнях того времени *запах тайги*, за которым предлагалось уезжать трудиться в необжитые места, в тех по преимуществу степных краях отсутствовал — сам Третьяков вернулся с Алтая, привезя лишь бидончик меда. Хотя работа на целине была попросту адская: руки и ноги отнимались у университетских первоцелинников⁶...

Впрочем, тогда многое в личной и общественной жизни было маркировано этим определением — *первый*.

Первая университетская массовая дружина для поддержания общественного порядка на улицах города. Первые подготовительные курсы для молодых рабочих на предприятиях Октябрьского завода — там готовили заводчан для поступления в УрГУ...

Когда в 1957 году свыше полутысячи «ургушников» поехали во время летних каникул на целинные земли Хакасии, В. Е. Третьяков уже был командиром этого сводного отряда...

Матмех Владимир Евгеньевич окончил в 1959 году с «красным» дипломом. И вся последующая биография Третьякова оказалась нерасторжимо связана с жизнью взрастившего его вуза.

В УрГУ В. Е. Третьяков окончил аспирантуру и в 1966 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по теме «Задача о встрече движений». Данное исследование — из круга новаторских работ В. Е. Третьякова, вызванных к жизни запросами современного технического развития человечества и связанных с проблемами устойчивости, стабилизации и гарантированного управления динамическими системами в условиях конфликта и неопределенности.

Фундаментальные исследовательские интересы В. Е. Третьякова сформировались под влиянием научной школы по теории устойчивости и теории нелинейных колебаний, сложившейся под руководством профессора И. Г. Малкина, и школы по математической теории управления, связанной с именем академика Н. Н. Красовского.

Докторская диссертационная работа Владимира Евгеньевича Третьякова, защищенная им в 1986 году, будет называться для человека непосвященного еще более загадочно: «Стохастические и детерминированные дифференциальные игры».

И — в развитие темы — напомним, что в 1987 году за цикл научных работ «Метод стохастического программного синтеза», выполненных совместно с его «учителем» — академиком Николаем Николаевичем Красовским, Владимиру Евгеньевичу Третьякову была присуждена первая премия ученого совета Уральского госуниверситета.

Курсы лекций, которые в то или иное время читал В. Е. Третьяков студентам университета разных поколений, — «Теоретическая механика», «Теория устойчивости движения», «Теория стабилизации движения», «Исследование операций», «Теория вероятностей», «Аналоговые вычислительные машины и задачи прикладной математики», «Дифференциальные игры», «Теория оптимального управления» и др., — по отзывам самих слушателей и экспертной оценке коллег, всегда отличались продуманностью, тщательностью выверенного построения и стремлением быть доступным в изложении сложного материала.

В 2000 году В. Е. Третьякова, автора более 70 научных работ по проблемам, связанным как с запросами технического прогресса, так и с развитием самой фундаментальной теоретической науки, избрали членом-корреспондентом Российской Академии наук (по отделению машиностроения, механики и процессов управления).

В этом же году ему была присвоена премия Президента Российской Федерации за заслуги в области образования.

В стенах alma mater В. Е. Третьяков, с годами ставший почетным работником высшего профессионального образования (с 1996 г.), заслуженным работником высшей школы (с 1997 г.) и обладателем многих других престижных званий и титулов, последовательно прошел едва ли не по всем ступеням служебной карьеры вузовского педагога.

В 1963 году Владимир Евгеньевич назначается ассистентом кафедры теоретической механики, в 1965-м — становится старшим преподавателем, а еще через три года — доцентом кафедры прикладной математики, с 1986-го — заведующий кафедры информатики и процессов управления, с 1989-го — профессором.

С 1968-го по 1976 год Третьяков — заместитель декана, а затем декан математико-механического факультета. С 1988 года Владимир Евгеньевич — проректор по научной работе Уральского университета.

С 1993-го по 2006 годам В. Е. Третьяков — ректор УрГУ. И этот период был, пожалуй, среди самых сложных в истории университета: слишком много перемен, зачастую кардинальных и судьбоносных, выпало на этот временной отрезок.

Чего стоило одно только крушение всей тогдашней политической системы и распад Советского Союза — с наступившими для всех граждан новой России капиталистическими буднями? Ведь для отечественного образования и российской науки все эти социально-экономические трансформации обернулись катастрофическим снижением бюджетного финансирования: с 15 % в 1985-м до 3,5 % к году 1996-му.

Тут можно приводить разные цифры, но важен сам тренд: с 1991-го по 1999-й инвестирование гражданской науки уменьшилось в четыре раза. Так что само время поставило перед В. Е. Третьяковым задачу обеспечения выживания Уральского университета. А ведь думать хотелось о его дальнейшем развитии!

И пока что приходилось констатировать: «Начало минувшей пятилетки 1998—2002 годов ознаменовалось новыми, еще более чувствительными ударами по системе образования даже по сравнению с началом переходного периода 1993—1997 годов. Секвестирование бюджета по А. Чубайсу, кириенковские лимиты бюджетных обязательств, августовский дефолт, задержка в открытии кредитов, отсутствие средств на зарплату и коммунальные услуги — все это поставило высшую школу в очередной раз на грань выживания», — так Владимир Евгеньевич охарактеризовал своеобразие текущего момента в своем отчете на конференции коллектива преподавателей Уральского госуниверситета, посвященной выборам ректора в апреле 2003 года⁷.

Да, именно выборы, а не практиковавшееся во всей предыдущей истории Уральского государственного университета назначения. В Уставе государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А. М. Горького», принятом в 2002 году, то есть при ректорстве Владимира Евгеньевича, в пункте 5.6 прямо говорится: «Ректор избирается на Конференции тайным голосованием на срок до пяти лет и утверждается в должности Министерством образования Российской Федерации»⁸.

К чести ректора Третьякова следует отнести тот неоспоримый факт, что под его руководством и при активном участии сформированной им команды управленцев (а это и проректор по учебной работе, профессор В. П. Прокопьев⁹, и проректор по научной работе профессор Е. А. Памятных¹⁰, и начальник учебного отдела Г. М. Квашнина, и проректор по социальной работе А. Н. Яковлев, и главный бухгалтер В. С. Петухова, и деканы Б. Б. Багиров, Б. Н. Лозовский, А. Н. Бабушкин, А. В. Перцев, Д. В. Бугров, а также многие-многие другие), Уральский государственный университет им. А. М. Горького по основным направлениям вузовской деятельности за-

нял ведущие позиции не только в Уральском регионе, но и рейтинге лучших университетов Российской Федерации.

И в уже цитированном отчете конференции коллектива преподавателей УрГУ, посвященной выборам ректора в апреле 2003-го, Владимир Евгеньевич в качестве результата вуза, который потребовал его непосредственного неустанного внимания, инициативы и решительной поддержки под пунктом первым назвал: «Обеспечено необходимое повышение привлекательности университетского образования путем оптимального сочетания его фундаментальности и запросов общества. Открыто 15 новых специальностей (в предыдущее пятилетие только пять); создано семь новых учебно-научных лабораторий; 11 новых кафедр (сегодня в университете 96 кафедр), существенно выросло число специализаций, связанных с получением профессиональных знаний в смежных областях, реализованы дополнительные программы, открыты два филиала университета, открыт новый престижный факультет — международных отношений, единственный на значительной прилегающей территории, создано привлекательное для абитуриентов, активно развивающееся отделение "Связи с общественностью", началось обучение по совместным программам с другими вузами (Уральская консерватория, Уральская архитектурно-художественная академия)¹¹.

В. Е. Третьяков, прекрасно понимая, что вузам страны вряд ли удастся выжить в новой экономической ситуации «поодиночке», все эти годы активно работал в Евразийской ассоциации университетов, где бы избран членами президиума.

Владимир Евгеньевич — один из тех, кто постоянно занимался проблемами координации вузовской деятельности, как в рамках региона (те же советы ректоров, куда он неизменно входил), так и на уровне федеральных округов (Третьяков многое сделал для того чтобы вузовское сообщество приняло идею создания «объединенного» Уральского университета — поначалу его называли Евразийским¹², затем вуз получит более конкретное определение — Уральский федеральный университет)¹³. При этом В. Е. Третьяков выполнил ряд исследований, связанных с его непосредственной управленческой деятельностью и относящихся к проблемам модернизации университетского образования в новом тысячелетии, направленных на совершенствование организационно-экономических механизмов в научной работе (в особенности в рамках интеграции высшего образования и фундаментальной науки в учреждениях РАН), а также посвященных вопросам информатизации образовательного процесса.

Подход В. Е. Третьякова к укреплению творческих связей высшего образования с фундаментальной наукой и, как следствие, содержательной интеграции вузовских и академических учреждений, был удачно сформулирован в выступлении, с которым Владимир Евгеньевич обратился к участникам конференции «Политическая реформа в России: первые итоги и перспективы». В его докладе прозвучало: «Каждый педагог — ученый и каждый ученый — педагог»¹⁴.

Важность задачи Уральского госуниверситета Третьяков считал и считает все более ощутимое влияние этого классического вуза на образовательные учреждения территории, и прежде всего общеобразовательные школы. В условиях, когда вследствие демографической ситуации детей, поступающих в вузы, станет меньше, у университета, по мнению В. Е. Третьякова, возникает задача своевременного вмешательства в учебный процесс, начиная с начальной школы — с целью подготовки абитуриентов, потенциально способных освоить университетские программы.

Кроме того, Владимир Евгеньевич — член президиума Уральского отделения Российской академии наук, заместитель председателя объединенного совета УрО РАН по математике, механике и информатике, член комиссии РАН по связям с высшей школой, главный редактор журнала «Известия Уральского государственного университета».

Награжден многочисленными грамотами министерства образования Российской Федерации, губернатора и правительства Свердловской области, главы города Екатеринбурга, почетным гражданином которого В. Е. Третьяков стал в 2003 году, медалями «За освоение целинных земель» (1958), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1997), орденом Почета (2008).

В апреле 2007 года Владимир Евгеньевич Третьяков был избран президентом Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. А осенью этого же года он был награжден Общественным орденом ставшего ему родным города Екатеринбурга — «Екатерининским крестом» II степени¹⁵.

А еще его именем названа малая планета под номером 13 479.

Да-да, в 2006-м в благодарность за постоянную и неустанную поддержку Владимиром Евгеньевичем университетской астрофизической базы, и в частности, Коуровской обсерватории УрГУ (опять же, вспомните, какое было время — не то что научные объекты, военно-промышленный комплекс сидел на голодном пайке), а также за то внимание, которое ученые руководимого им в тот период вуза, уделяли исследованиям звездного неба, астрономы России и Украины подарили педагогу-ученому «соб-

ственную» точку на небосводе — космический объект ВЕТ (Владимир Евгеньевич Третьяков).

Подарок оказался своевременным — акkurat на 70-летие¹⁶, которое широко отмечалось как вузовским сообществом, так и всей общественностью города и области, с которыми Владимир Евгеньевич навсегда связал свою жизнь.

Ну а на расширенном научном совете Уральского университета, где по традиции чествовали юбиляра, известный наш сочинитель «датской» поэзии (т. е. стихов, приуроченных к той или иной торжественной дате) профессор УрГУ Л. П. Быков¹⁷ озвучил свои поздравительные вирши, где, среди прочих подобающих по случаю комплиментов, были и такие замечательные строфы:

...Не похожа жизнь на пряник,
и у ректора она
нелинейных колебаний
упоительно полна.

<...>

Упираясь в почву прочно,
мыслями — меж облаков,
замечательно устойчив
в нашем вузе Третьяков...¹⁸

¹ Чemezova В. Бойтесь умниц воспитанных // Уральский рабочий. 1996. 17 декабря.

² См.: Третьяков Владимир Евгеньевич // Почетные граждане Екатеринбурга. — Екатеринбург, 2008. С. 172—175.

³ Там же.

⁴ См. Уральский университет. 1999. 6 сент.

⁵ Там же.

⁶ Стуликов А. Владимир Третьяков: «С целины я привез бидончик меда» // Вечерние ведомости. 2000. 7 июля.

⁷ См.: Третьяков В. Е. По пути развития и обновления: Отчет В. Е. Третьякова конференции представителей Уральского государственного университета им. А. М. Горького, посвященного выборам ректора. — Екатеринбург, 2003. 24 апреля.

⁸ См.: Устав государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А. М. Горького». — Екатеринбург, 2002. С. 25—26.

⁹ Прокопьев Виталий Павлович, кандидат физико-математических наук (1967), профессор (1990), в 1993—2007 гг. проректор УрГУ по учебной работе, с 2007 г. — начальник управления по академической политике, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2005).

¹⁰ Памятных Валерий Алексеевич, доктор физико-математических наук (1992), профессор (1992), в 1993—2007 гг. проректор УрГУ по научной работе, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2007).

¹¹ См.: *Третьяков В. Е.* По пути развития и обновления: Отчет В. Е. Третьякова конференции представителей Уральского государственного университета им. А. М. Горького, посвященного выборам ректора. — Екатеринбург, 2003. 24 апреля.

¹² См.: Владимир Евгеньевич Третьяков о проекте Евразийского университета // Наш город. 2003. № 34 (ноябрь).

¹³ См.: *Третьяков В. Е.* Политические реформы в России и возрастание роли региональных университетов// Политическая реформа в России: Первые Итоги и перспективы (Материалы науч. практ. конф.) — Екатеринбург, 2000. С. 51—55.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Третьяков Владимир Евгеньевич // Почетные граждане Екатеринбурга. — Екатеринбург, 2008. С. 172—175.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Быков Леонид Петрович, окончил филологический факультет УрГУ (1970), заведует кафедрой русской литературы XX века (с 1991 г.), доктор филологических наук (1995), профессор (1996), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2007).

¹⁸ См.: Быков Л. П. В своем кругу: банкетная лирика и прочее. — Екатеринбург, 2010. С. 185.

Дмитрий Витальевич Бугров

Ректор УрГУ им. А. М. Горького
с 26 апреля 2007 года

Цель любых преобразований в системе отечественного высшего образования, на которую обычно ссылаются эксперты — и российские, и зарубежные, — ликвидация несоответствия организационно-экономических отношений вузовской деятельности с требованиями, или как сейчас чаще говорят, *вызовами* времени.

Двадцать первый ректор («сосчитаем» З. Ф. Торбакову как руководителя университета дважды, ведь вторично на свой высокий пост она пришла с годичным перерывом) УрГУ — Дмитрий Витальевич Бугров — на решительные, не имитационные преобразования существовавшего в вузе «статус-кво» был, что называется, обречен.

И по одному тому, что перемены эти он обещал в своей предвыборной программе, а Бугров — избранный университетским сообществом ректор.

И по причине того, что преобразования в высшей школе Среднего Урала давно назрели: в 1997 году четыре екатеринбургских вуза и 14 научно-исследовательских академических институтов во главе УрГУ создали временный союз, который с 2003 года правительство области и научная общественность пытались реформировать в некий вузовский консорциум — Большой Евразийский университет.

И уже по самой своей принадлежности к той возрастной генерации, что в разгар так называемой горбачевской перестройки устами его одно-

годка Виктора Цоя в массовом порядке повторяла: «Перемен, мы хотим перемен!»...

Дмитрий Витальевич Бугров родился 19 марта 1962 года в городе Свердловске (тогдашнее название Екатеринбурга) в семье учителей русского языка и литературы — выпускников филологического факультета УрГУ.

Его мама — Наталья Григорьевна — сохранит верность преподавательской профессии и до сегодняшних дней: блестящий филолог и опытейший методист, она, уже находясь на заслуженном отдыхе, по-прежнему будет «подтягивать» детей и внуков своих многочисленных знакомых по части грамотности — хотя и репетиторством в общепринятом сейчас смысле это не назовешь, поскольку делается все абсолютно бескорыстно, *по дружбе*...

Через год после рождения сына его отец — Виталий Иванович — дебютирует как писатель, опубликовав фантастический рассказ в журнале «Уральский следопыт».

С этим журналом, куда В. И. Бугров в начале 1966-го будет принят литературным сотрудником, окажется связана вся дальнейшая жизнь известного литературоведа и талантливого редактора. Возглавив отдел фантастики «Уральского следопыта», Виталий Иванович станет одним из наиболее авторитетных организаторов развития фантастического жанра в отечественной словесности. Широкую популярность ему принесут руководство публикациями *журнала в журнале «Аэлита»*, а также проведение одноименных конкурсов на первую в СССР литературную премию в жанре фантастики, инициатором которой он был.

В доме Бугровых постоянно бывали литераторы и журналисты, которые, получив *глоток свободы* (воспользуемся названием Булата Окуджавы) в годы так называемой хрущевской *оттепели*, и в эпоху брежневского *застоя* пытались брать на себя ответственность за судьбы общества.

Частым гостем здесь был друг семьи знаменитый впоследствии писатель Владислав Крапивин, который как раз тогда выводил в своих повестях образы входящих в жизнь мальчишек-нонконформистов: Сережу Каховского, в «Мальчике со шпагой» противостоящего злу в лице более старших людей; Кирилла Векшина, который в «Колыбельной для брата» сумел пойти на рискованное плавание по штормовому озеру, дабы спасти застигнутых бедой туристов...

И те, кто приходил в этот дом на «огонек» всегда много спорили: об искусстве и о жизни — до хрипоты, до ругани.

Еще бы, ведь жизненные сюжеты соотечественников, которые от них еще мало вчера зависели, а теперь, как казалось едва ли не всем, были от-

крыты переменам. А те — на ближайшей повестке дня. Самые — верилось! — радикальные...

Наступай, наше завтра, скорей!
Распахнись, небосвод!
Мы гоняли вчера голубей,
Завтра спутников пустим в полет! —

почти единодушно пела тогдашняя советская держава, вслед за героями популярной кинокартины «Прощайте, голуби!». И эта лента, выпущенная в 1960-м захолустной Ялтинской киностудией, была программной: своего рода *путевка в жизнь* — воспользуемся названием еще одного фильма советских лет. Ведь здесь провозглашалась определенная поведенческая линия, такая понятная для подрастающих поколений строителей коммунизма.

Для тех же целинников и бетонщиков на Братской ГЭС или их коллег из уралмашевских бараков и даже покорителей космоса. Для последующих чуть позже первопроходцев нефтегазового комплекса Западной Сибири и будущих бойцов комсомольско-молодежных отрядов на ВАЗе и БАМа. Лента, талантливо снятая оператором Юрием Ильенко, красноречиво выражала мажорные ожидания своего времени. Тем более, что птица в заглавии с большим успехом прошедшего тогда фильма была в ту пору еще и актуальным *мирным* символом для того этапа международной жизни — периода крайних форм противостояния сверхдержав в эпоху «холодной войны». А война эта сопряжена была с противоборством идеологий.

И в обществе, разумеется, не могло не быть того *двоемыслия*, о котором ровесник Дмитрия Бугрова и его однокашник по УрГУ (он всего лишь тремя года раньше поступит на химфак) Илья Кормильцев напишет: «Здесь одни слова для кухонь, другие — для улиц»...

Вот почему разного рода ведомства столь внимательно курировали литературу. Ну а фантастику, которой профессионально занимался Бугров-отец, попросту считали проекцией этого самого светлого будущего. Оттого у нас в стране ее чаще называли *научной* — произведений типа сегодняшних фэнтези или печатаемых за рубежом антиутопий уехавших за рубеж русских писателей тогда ведь читать не могли.

Не случайно, что входившие в редколлегия «Уральского следопыта» Аркадий и Борис Стругацкие, тоже, кстати, друзья дома Бугровых, собственно прозой на страницах журнала были представлены более чем скромно. Понятно почему, ведь «сказка, как известно ложь, да в ней намек», — на-

поминали братья в своем предисловии к повести «Понедельник начинается в субботу». Да и вообще, «трудно быть богом», когда, допустим, первая часть знаменитой «Улитки на склоне» выходит в «ленинздатовском» сборнике «Эллинский секрет» (1966), а вторая — в первых двух номерах журнала «Байкал» (1968). И только в редакции «Следопыта», у Виталия Ивановича Бугрова, буквально все читавшего и за всем следившего, можно было узнать такие вот библиографические тонкости, а то и получить машинописную копию текста.

Читали тогда много. Вот и будущий ректор УрГУ Дмитрий Бугров, с детства воспитывавшийся в активно читающей среде, постоянно был окружен книгами. С тех пор сам процесс чтения художественной литературы для него — неизбывная и органическая данность биографии.

Возможно, именно это обстоятельство определило гуманитарную направленность научных интересов юноши, который в 1979 году поступил на истфак Уральского государственного университета имени А. М. Горького. А может, свою роль сыграл опыт отца, в свое время поступавшего на историко-филологический.

Тут все не так просто, как кажется.

В одном из интервью, данных вскоре после победы на выборах в ректоры УрГУ, Дмитрий Витальевич сделал такое вот любопытное признание: «Меня жизнь много раз переделывала. Я — правша, переделанный из левши, историк, переделанный из химика, администратор, переделанный из творческого человека»¹.

Что же касается «администратора», «менеджера», «антрепренера» и т. д. — все понятно: многолетняя рутина деканства меняется для Д. В. Бугрова на еще более тяжкую ношу ректорства. Отсюда и плохо скрытая печаль по *креативу* былой размеренной — а не урывками — исследовательской научной работы.

А вот про *историка, переделанного из химика*, не приходится гадать. Ведь будущий ректор окончил с золотой медалью специализированный химический класс знаменитой свердловской «девятки».

Насчет левшей, которых тогдашняя школьная педагогика непременно адаптировала к «единообразию», вопросов нет. В статье, опубликованной в журнале «Большая библиотека», выпускаемом областной библиотекой им. В. Г. Белинского, еще одна сверстница ректора Бугрова, профессор филологического факультета УрГУ Мария Аркадьевна Литовская вспоминает, что и ее переучивали на правшу². Это в известной мере, символическое обстоятельство, ведь данная возрастная генерация принадлежит

к тому поколению, что на Западе с легкой руки канадского автора Дугласа Копланда определяют как поколение «Х».

Не будем сейчас пускаться в психологические нюансы, хотя присущие «иксам» умение жить в условиях изменений, прагматизм, мобильность обозначены во всех их личностных характеристиках.

Важно другое, что формировало ценности данного поколения. Если пунктирно, то: биполярный мир и прогнивший изнутри Советский Союз, соседство в едином жизненном опыте пионерских лагерей и ваучерной распродажи «социализма», активной «общественной работы» и наступившей тотальной деидеологизации.

Интересно, что даже кафедры, на которых специализировались во время учебы в университете М. А. Литовская и Д. В. Бугров — соответственно, «советской литературы» и «истории КПСС» — сегодня называются совсем иначе...

Неизвестно, каким химиком сделался бы Дмитрий Бугров (наверняка, хорошим — при его-то чувстве ответственности), но историком он стал настоящим: не только готовил курсовые работы, но попросту жил на истфаке, пропадая с утра до вечера по адресу Тургенева, 4.

Истфак УрГУ на рубеже 1970—1980-х для студента — это пять лет упорной жизни: сквозь археологические экспедиции в Крыму, «колхозы», КВНЫ и «политбои», праздники, дискотеки, футболы и военные сборы.

Среди самых ярких впечатлений — лето 1980-го. Крымская археологическая экспедиция Уральского университета, один из отрядов в Горном Крыму. Удивительное место, удивительные люди, удивительная атмосфера... Юность, радость, дружба, любовь... И все это помножено на прослушивание новостей из радиоприемника — новостей московской Олимпиады под яркими южными звездами! А потом были еще три таких же прекрасных лета подряд. Как посланцы УрГУ бились в футбол с такими же студентами — харьковчанами, симферопольцами, ленинградцами, а иногда и с «трудными подростками» — обитателями тенистых севастопольских улиц и дворики! Какие делались волшебные посвящения — среди таинственных руин, в роскошных костюмах, которые студентам-уральцам добросердечно давали сотрудники Театра Черноморского флота! А из тех прибившихся к уральским археологам местных юных волчат спустя годы выросли хорошие, светлые люди.

Потрясающее чувство локтя и корпоративности, лидерства и уверенности, незабываемый вкус к приключениям прививал тогда студентам исторический факультет. Думается, причиной тому был экспедиционный коллективизм, порождавший и ненавязчивое наставничество старшекурс-

ников над молодыми, и преданность общему делу, и способность в считанные часы собрать сотни людей на какое-нибудь светлое мероприятие, и спокойная убежденность в том, что «истфак — чемпион».

Активно участвовал Дмитрий в жизни факультета и университета. Ездил в «колхозы» — на уборку лука и картофеля с полей Красноуфимского района, над которыми шефствовал Уральский университет: сначала простым «бойцом» в деревню Чувашково, а затем и «комиссаром» сводного отряда, базирующегося в Красноуфимском совхозе-миллионере.

Вскоре наступили времена так называемой *гласности*, когда выпускник философского факультета УрГУ Г. Э. Бурбулис организует в городе дискуссионную трибуну, а телетрансляции 1-го съезда народных депутатов СССР парой-тройкой лет спустя будут собирать массовые аудитории. Примечательно, что задолго до этого — с начала 1980-х — на университетском истфаке особенную популярность приобретут «политбои», где преподаватели и студенты начнут обсуждение самых острых проблем прошлого и настоящего. Все, кто бывал на этих увлекательных и порою конфликтных спорах, вспоминают убежденность суждений и выверенность позиций Дмитрия Бугрова, Владимира Земцова, Виктора Кокшарова, Дмитрия Редина и их товарищей по непобедимой команде политбоя, собиравшей переполненные залы и в апогее своей славы поднявшейся до полупрофессионального уровня то ли КВНа с внешнеполитической тематикой, то ли театра сатиры. Энергетика диспута была такова, что слушателям и очевидцам этих «политбоев» вспоминался термин, о котором читали в учебниках по истории античности — *стихомифия*, то есть быстрый обмен резкими репликами в древнегреческой трагедии. При этом действие сопровождалось красочными шоу, далеко выходившими за рамки обычных студенческих постановок. Знаменитый философ Лев Наумович Коган, профессор УрГУ, в 1985 году опубликовал во всесоюзном комсомольско-молодежном журнале «Смена» статью, в которой обратил внимание пробуждавшегося к активной жизни общества на этот университетский феномен — команду политбоя исторического факультета.

Как раз тогда Дмитрий Бугров сочинил своеобразный гимн... нет, не факультета (у истфака УрГУ, как известно, был и остается только один гимн — «Орел шестого легиона!»), а гимн той науке, которую здесь изучают:

Кто с грамотой берестяной
Проник в ушедший век —
Тот знает, что увидел Ной,
Покинув свой ковчег.

Как он был рад,
Что Арарат,
Вознесся на пути!
Ведь, может быть,
Уже не плыть
Придется, а идти...
Дно корабля
Скребет земля –
Вода уходит вдруг,
И вечно юн,
И вечно нов
Наш древний мир вокруг!

Учился Дмитрий без видимых усилий: успевал и в футбол с товарищами сыграть, и на озеро Увильды с компанией на выходные съездить, и за великую хоккейную «Красную Машину» либо за радовавшую тогда качеством игры футбольную сборную по телевизору поболеть — и при этом подготовиться к зачетам и экзаменам, не впадая в торопливую авральную зубрежку. Разумеется, получал «пятерки». Квалификационное дипломное сочинение пятикурсника Бугрова было отмечено медалью Министерства высшего и среднего специального образования СССР «За лучшую научную студенческую работу» (1985).

Получив университетский диплом с отличием, Дмитрий Бугров с 1984 года работал на *родном* историческом факультете Уральского госуниверситета.

К началу 1990-х годов на факультете сложился дружный и творчески сильный коллектив, изучающий историю Урала и Западной Сибири. «Мы много сделали — создали яркие, красочные и правдивые книги по истории целого ряда городов, восстановили историческую память поколений, углубили ее. — вспоминает Д. В. Бугров. – Мы издали учебники для средней и высшей школы. Факультет ни на один год не прерывал археологические и археографические изыскания – какими бы непростыми для нас ни были 1990-е годы».

В этот период (1991–2001) Д. В. Бугров заведовал научно-педагогической лабораторией «Волот» (при кафедре истории России), которая внесла существенный вклад в развитие регионального компонента исторического образования на Урале и в Западной Сибири, ведя разработку учебных пособий, программ, методического обеспечения преподавания курсов отече-

ственной и региональной истории в средних и высших учебных заведениях Урало-Сибирского региона.

Редактор этой книги был невольным свидетелем того, как «Волот» представлял интересы УрГУ на тендере, объявленном Администрацией Ханты-Мансийского автономного округа на создание трехтомной энциклопедии «Югория». До какого-то момента все шло нормально — да оно и понятно, ведь, что иногда приходится слышать в экспертной среде: *за Волгой* у нашего истфака конкурентов попросту нет. Но, как это нередко случается, прозвучало совсем уж авторитетное мнение, что деньги, предусмотренные на этот проект, должны «костаться в области». И заказ ушел к Тюменскому университету...

Здесь-то вот и проявилось умение возглавляемой Бугровым команды — Анатолия Шашкова, Дмитрия Редина, Николая Баранова, Сергея Горшкова и др. — что называется, держать удар. Тематические наработки по истории Западной Сибири были в оперативном порядке и весьма качественно реализованы. Среди подготовленных тогда лабораторией книжных проектов — научно-краеведческие издания: «Древний город на Оби: история Сургута» (1994), «Очерки истории Коды» (1995), «Югорск: от легенды до точки на карте» (1997) и т. д. Ну а своеобразной вершиной того системного «окниживания» Югры стал учебник для старших классов «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней» (2000), получивший награды на нескольких региональных и общероссийских книжных конкурсах.

В 1994–2007 годах Д. В. Бугров был деканом исторического факультета, членом бюро научно-методического совета по истории и искусствоведению Учебно-методического объединения классических университетов России. Параллельно заведовал кафедрой документационного и информационного обеспечения управления (2001—2006), кафедрой социально-культурного сервиса и туризма (с 2006), был проректором по дополнительному образованию (с 2004). Открытие новых специальностей, разработка программ повышения квалификации, создание лабораторий и исследовательских центров, активная издательская и информационная деятельность, успехи археологических и археографической экспедиций, впечатляющая учебно-материальная база, развитие корпоративной культуры — по этому пути в 1990—2000-е годы шествовал и уверенно шествует исторический «легион».

Д. В. Бугров неоднократно стажировался в зарубежных университетах (в Германии, Италии, Китае, Франции, Чехии), в составе официальных деле-

гаций Министерства образования Российской Федерации знакомился с системами образования Японии (1999) и США (2003, 2009).

Дмитрий Витальевич — автор свыше 100 научных и учебно-методических публикаций. Ряд изданий, в которых Д. В. Бугров принял деятельное участие, удостоен премий: вторую премию получила на конкурсе научных работ молодых ученых Уральского университета монография, вышедшая в 1990 году; первая премия на конкурсе лучших учебно-методических работ присуждена выпущенному массовым тиражом пособию «История России: тысячелетие дипломатии и войн» (1995). Учебник для учащихся 10—11-х классов «История Урала с древнейших времен до наших дней» в 2005 году был признан в Екатеринбурге лучшей учебной книгой года.

Диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук еще предстоит защитить — а посвящена она развитию социокультурной утопии как формы выражения общественно-политической мысли в России второй половины XVIII — первой трети XX века.

В 2002 году Д. В. Бугров создал и возглавил Центр информационно-го обеспечения сервиса Уральского университета — первый в российских университетах авторизованный учебный центр глобальной компьютерной системы резервирования AMADEUS и Международной Ассоциации воздушного транспорта (International Air Transport Association — IATA). Этот Центр, эффективно организующий переподготовку и повышение квалификации работников туристских фирм, авиакомпаний, предприятий гостиничной индустрии Урала и Сибири, регулярно признается лучшим в СНГ за пределами Москвы.

Д. В. Бугров — участник международных выставок International Tourism Exchange (Berlin, 2006), World Travel Market (London, 2006), где он представлял официальные стенды Екатеринбурга и Свердловской области; со-автор Программы развития въездного туризма в Екатеринбурге (2000) и стратегических проектов «Гостиницы Екатеринбурга» (2004) и «Туристический центр — город на границе Европы и Азии» (2005). Участвовал в создании первого международного туристического путеводителя по Екатеринбургу (серия Le Petit Fute, 2003). В 2007 году по заданию Министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области руководил коллективом авторов, разработавших Концепцию развития туризма на Среднем Урале до 2015 года, где значительное внимание уделено анализу и оценке туристского потенциала региона.

В 2009 году возглавляемая Д. В. Бугровым кафедра социально-культурного сервиса и туризма выиграла грант Европейского Союза по программе TEMPUS на реализацию в 2011 году проекта первого в России учеб-

ного центра индустрии гостиничных услуг «Ecole hoteliere superieure» (Высшая школа отельного сервиса).

В качестве государственного эксперта Д. В. Бугров принимал участие в аттестационных экспертизах Казанского государственного университета (2001), Сургутского государственного университета (2001), Курганского государственного университета (2002), Омского государственного университета (2003), Уральского государственного педагогического университета (2008).

Под руководством Д. В. Бугрова Уральский университет в 2007—2008 годах в рамках Приоритетного национального проекта «Образование» успешно реализовал масштабную инновационно-образовательную программу опережающей подготовки специалистов по приоритетным направлениям развития науки, техники и гражданского общества. Для реализации проекта в университете были организованы семь инновационных образовательно-научных центров. Работу одного из них — междисциплинарного центра «Толерантность, права человека и предотвращение конфликтов, социальная интеграция людей с ограниченными возможностями» — в 2007—2008 годах непосредственно возглавлял Д. В. Бугров.

В конце 2007 года по инициативе Д. В. Бугрова в УрГУ создан Институт Конфуция. На основании договоров о сотрудничестве с Государственной канцелярией КНР по распространению китайского языка и с Гуандунским университетом иностранных языков и внешней торговли Уральский университет стал 16-м в России и 225-м в мире, где открылась серьезная и авторитетная структура, миссия которой — знакомить всех интересующихся с китайским языком и древней культурой Китая.

В 2008 году при активном участии Д. В. Бугрова Уральский университет стал победителем конкурсов комплексных заявок по федеральным целевым программам «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в Российской Федерации» и «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Д. В. Бугров руководил работой стендов Уральского университета на международных выставках «Образовательная среда-2008» (Москва, ВВЦ, 2008), «Роснано-2008» (Москва, Экспоцентр, 2008), а также на Российской национальной выставке во Франции (Париж, 2010).

Дмитрий Витальевич — член-корреспондент Международной гуманитарной академии «Европа — Азия» (1999), член Программного совета стратегического развития Екатеринбурга (2003), Координационного совета по туризму при Администрации Екатеринбурга (2003), Совета по развитию туризма в Свердловской области (2007).

Дмитрий Витальевич обладает опытом депутата Екатеринбургской городской Думы 4-го созыва (2005—2009), где он избирался заместителем председателя комиссии по образованию, науке, физической культуре, спорту и молодежной политике, членом комиссии по муниципальному самоуправлению.

Д. В. Бугров выиграл думские выборы по округу, в котором располагается университет, в марте – в свой день рождения. В той бурной избирательной кампании было все: и продуманная, а потому доказательная презентация университетским кандидатом своей социально-ориентированной программы, и баннеры «Мы – за Дмитрия Бугрова!», «Бугров – да!», и неинтеллигентные «наезды» хорошо обеспеченных финансами конкурентов — от афишной клеветы до мелких пакостей. Чего стоят проткнутые шины его автомобиля, припаркованного у главного здания УрГУ? А расклеенные по городу красочные плакаты, из которых следовало, что кандидат в депутаты Бугров пригласил на конкретный день в киноконцертный театр «Космос» певицу Надежду Кадышеву с группой «Золотое кольцо», которые будто бы дадут бесплатный концерт для пенсионеров? Кому-то не лень ведь было делать эту фальшивку! Но предвыборный штаб Дмитрия Бугрова, состоявший, как легко догадаться, из представителей истфака УрГУ, энергично противостоял этим наскокам, демонстрируя уверенность и хладнокровие вкупе с энтузиазмом и нестандартными творческими решениями. В конце марта проходил День открытых дверей истфака, было это сразу после выборов в Гордуму, и при появлении декана зал встал и зааплодировал. Конечно, люди аплодировали не лично ему, а успеху университета на этих непростых выборах – значит, в ту пору можно было побеждать без административного ресурса и больших денег, компенсируя нехватку того и другого искренностью и отзывчивостью.

В 2002 году Д. В. Бугров удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В 2004 году отмечен Академией российской словесности медалью «Ревнителю просвещения». В августе 2008 года награжден памятной медалью «285 лет со дня основания Екатеринбурга». Он — председатель Наградного комитета общественной награды города Екатеринбурга «Екатерининский крест» (с 2008 г.).

В ноябре 2009 года Д. В. Бугров избран президентом Межрегиональной некоммерческой организации Уральская Ассоциация туризма. Член коллегий ряда министерств Свердловской области (Министерства общего и профессионального образования, Министерства международных и внешнеэкономических связей).

Как-то Дмитрий Бугров сказал в интервью одному журналу: «Самая непростительная слабость — зависимость. От кого угодно и от чего угодно. Она приводит к унижению и рабству. Человек должен уважать себя и владеть каким-либо ремеслом (умственным, техническим, простым, сложным — неважно). Он должен хоть в чем-то быть профессионалом. Это позволит ему жить с чувством собственного достоинства».

С этим чувством достоинства учились в Уральском университете и его дети: сын в октябре 2010 года окончил аспирантуру истфака с защитой кандидатской диссертации, дочь — магистрант филфака.

Это чувство достоинства присутствует и в делах университета (в 2009 году УрГУ единственным из уральских вузов вошел в мировой академический рейтинг QS — the Times, а в 2010 году продвинулся в нем на 50 позиций). Оно отражается и в информационном пространстве (университетский интернет-сайт из небытия, в котором он ранее пребывал, за три года стал одним из лучших в России, настоящим полноценным ньюсмейкером).

В 2007 году сорокапятилетний Бугров с перевесом в 39 голосов победил на выборах в ректоры Уральского государственного университета. «Я отдаю себе отчет, — признавался Дмитрий Витальевич в одном из интервью сразу после выборов, — что люди голосовали не за меня, а за перемены, за необходимость внести в развитие университета свежую струю».

Талантливый и наработавший немалый опыт администратор, Бугров в тезисах своей программы прямо формулировал, что его цель — «трансформация университета в высокотехнологичный инновационный центр образовательных услуг, фундаментальных и прикладных научных исследований на основе развития собственного инновационного потенциала с привлечением муниципальных, региональных и федеральных ресурсов». Этот курс, направленный на встраивание образования в рынок, вовлечение университета в обеспечение реальных потребностей растущей экономики страны и меняющегося общества, сотрудничество с производственным сектором и властными структурами, эксперименты и инновации, и определял вектор развития УрГУ в последнее время.

Доброжелательность и терпимость наряду со стойкостью духа и убежденностью в конечной победе, профессиональный поиск, стремление к самосовершенствованию, трудолюбие и приверженность традициям коллективизма — эти качества отражают стиль работы и жизни Д. В. Бугрова. Как, впрочем, и умение подбирать команду единомышленников, создавать сплоченный коллектив, спаянный не столько административной дисципли-

плиной, сколько осознанием общности интересов и целей, стремящийся к творческим успехам и добивающийся их.

В 2010 году Д. В. Бугров включен в состав президентского резерва управленческих кадров в числе 500 лучших российских руководителей.

«Когда в апреле 2007 года университетский коллектив избрал меня ректором, я не ставил перед собой задачу быть менеджером по выживанию, полагая, что эти проблемы остались в 1990-х годах, — уточняет Дмитрий Витальевич свою позицию на страницах журнала «Ректор вуза» (2009, № 1). — Я видел перед собой задачу стать менеджером развития»³.

Именно таким топ-менеджером, много сделавшим для развития университета в сложнейшие для России «нулевые» годы нового тысячелетия, Дмитрий Витальевич Бугров и останется в истории УрГУ.

¹ См.: Бугров Д. В. Университет — это навсегда // Урал. университет. 2004. 1 сентября.

² Литовская Мария. Переученная в школе левша // Большая библиотека. 2008. № 2. С. 5—15.

³ Д. В. Бугров. Борьба за развитие вуза — это борьба за ресурсы // Ректор вуза. 2009. № 1. С. 43.

СОДЕРЖАНИЕ

На пороге новых свершений

<i>Виктор Анатольевич Кокшаров</i>	<i>4</i>
--	----------

Первые ректоры Уралуниверситета

Альберт Петрович Пинкевич	10
Борис Владимирович Дидковский	20
Владимир Васильевич Алфёров.....	30
Сергей Алексеевич Бессонов	38

Время директоров

в Свердловском госуниверситете

Анатолий Сергеевич Соколов	46
Николай Андреевич Дербуков.....	56
Зинаида Федоровна Торбакова.....	64
Виктор Валерьянович Мокеев	72
Вениамин Григорьевич Рубинштейн	80
Зинаида Федоровна Торбакова.....	86
Семен Матвеевич Евминов	96
Николай Павлович Попов	104
Андрей Федорович Елютин	114
Иван Дмитриевич Седлецкий	124

Ректоры Уральского университета

Григорий Иванович Чуфаров.....	134
Сергей Васильевич Карпачев	144
Борис Павлович Колесников	154
Василий Александрович Кузнецов.....	164
Паригорий Евстафьевич Суетин	174
Владимир Евгеньевич Третьяков	184
Дмитрий Витальевич Бугров	194

Юбилейное издание

Ректоры Уральского государственного университета

Ответственный редактор *Е. С. Зашихин*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*
Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Подписано в печать 11.10.2010. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура OfficinaSansC.
Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 300 экз. Заказ № 889.

Издательство Уральского университета.
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ».
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

